

Выпуск 36

Музейный Вестник

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 36

Челябинск
Челябинский государственный институт культуры
2025

УДК 069
ББК 791
М89

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГИК

Редакционная коллегия

Г. Я. Гревцева, А. В. Лушникова, Н. В. Овчинникова,
Л. С. Перчик, Е. В. Тищенко

Музейный вестник / сост. Н. В. Овчинникова ; Челяб. гос.
М89 ин-т культуры. — Вып. 36. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т куль-
туры, 2025. — 183 с.: ил.

ISBN 978-5-94839-880-8

Материалы данного выпуска «Музейного вестника» посвяще-
ны 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и 11-летию
музейной ассоциации.

Издание адресовано тем, кого интересует история России,
Урала, ЧГИК.

УДК 069
ББК 791

ISBN 978-5-94839-880-8

© Челябинский государственный
институт культуры, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Страничка редакции	3
--------------------------	---

80 лет Победы в Великой Отечественной войне

<i>П. И. Липин.</i> Записки человека XX века	6
<i>М. В. Ростопчин.</i> Человек слова и дела!	57
<i>Н. А. Вахрушева.</i> Солдаты Победы: Брандесов Рид Федорович.	60
<i>И. А. Бывалова.</i> «С атакующей смертью схватка»	68
<i>Н. А. Дида.</i> Музей ЧТЗ — арсенал истории завода и страны	71
<i>М. А. Новиков.</i> Выпускница исторического факультета Челябинского педагогического института Юлия Ичёва — боец Челябинской бригады Уральского добровольческого танкового корпуса	83
<i>Н. А. Дида, Т. П. Пушкарёва.</i> Решение некоторых бытовых вопросов в Танкограде	94
<i>Е. И. Дементьева.</i> В труде как в бою (о работе завода имени Д. Колющенко в годы войны)	105
<i>Г. М. Филатова.</i> Событие, о котором нужно говорить вечно. ...	112
<i>А. В. Лушников, Н. В. Овчинникова.</i> Герои госпиталя 1721	116

11 лет Музейной ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска

<i>Н. А. Алексеев.</i> Главный врач металлургов (к 100-летию Ш. И. Шмайна)	162
<i>М. А. Устьянцева.</i> Первый и единственный среди ювелиров ...	164
<i>И. В. Андреева.</i> Музей глазами студентов: хроника одного проекта	167
<i>А. Н. Новикова, А. А. Пашкина.</i> По музею с директором: «создаем будущее, анализируя прошлое»	169
<i>М. В. Компанец, М. А. Сулемова, М. А. Яковлева.</i> Сердце музея — отдел хранения и учета.	170

<i>П. К. Маркова, Е. А. Газизова. Альбрехт Дюрер</i> в «Эрмитаж-Урал»	171
<i>А. И. Злобин. «Музей — это возможность поработать</i> <i>с вечным»</i>	173
<i>В. М. Мещерякова. Милосердие Транссиба</i>	174
<i>Е. Г. Старикова. Споры о дне рождения открытки в России</i> ...	177
Сведения об авторах.	181

СТРАНИЧКА РЕДАКЦИИ

36-й номер нашего издания выходит в год Защитника Отечества, накануне празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Значительная часть материалов посвящена этому событию. Раздел открывает одна из глав воспоминаний полковника П. И. Липина, которая повествует о его участии в Великой Отечественной войне. Этот замечательный человек воевал в Испании, на советско-финской войне, он лечился в нашем госпитале 1722, у него уникальная семья. Думаем, что мы продолжим публикацию его воспоминаний в последующих сборниках.

В своих статьях М. В. Растопчин, Н. А. Вахрушева, И. А. Новиков рассказывают об участниках Великой Отечественной войны, наших земляках А. П. Черепанове, Р. Ф. Брандесове, Ю. А. Ичёвой.

С легендарной историей ЧТЗ и завода Колющенко нас знакомят Н. А. Дида, Т. П. Пушкарева, Е. И. Дементьева.

И. А. Бывалова, Н. В. Овчинникова, А. В. Лушникова продолжают изучение жизни героев госпиталей 1722 и 1721. Г. М. Филатова делится впечатлениями о Дне памяти погибших выпускников в гимназии № 1 г. Челябинска.

Второе десятилетие в своей истории открыла Музейная ассоциация работников общественных музеев г. Челябинска. Большую работу по написанию истории медицины г. Челябинска проводит Н. А. Алексеев. В этом номере его статья посвящена 100-летию со дня рождения главного врача больницы Металлургического района Челябинска Ш. И. Шмайна. Е. Г. Старикова провела исследование о «дне рождения» открытки в России. И. В. Андреева вместе со студентами-музееведами заинтересовалась проблемой «Музей глазами студентов».

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

П. И. Липин

Записки человека XX века

Липин Павел Иосифович (25.05.1909, г. Санкт-Петербург — 18.05.2007, г. Санкт-Петербург).

Русский. Член ВКП/б. Образование: высшее. Полковник. Призван в армию 15.05.1932 г. Воинские части, в которых служил: 25 утп 2 учтбр, УрВО, 41 тп 103 тбр. Дата окончания службы: 02.06.1960.

Награды: ордена Красной Звезды (03.01.1937), Красного Знамени (21.06.1937), Красного Знамени (26.04.1942), Александра Невского (15.04.1943), Отечественной войны I ст. (13.09.1945), Красной Звезды (06.11.1947), Красного Знамени (26.10.1955), Отечественной войны I ст. (06.04.1985), Жукова (08.05.1997); медали «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За оборону Сталинграда» (22.12.1942), «За боевые заслуги» (03.11.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945). Ранен 07.08.1942. Орден Отечественной войны I ст. 01.08.86 г.

Находился на лечении в ЭГ 1722 в 1942 г. (до 13.11.1942).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Свидетельства о болезни. Картотека ранений. Номер ящика: 256-06_Лепилин Г. — Лепихов Н.

Глава 12. Великая Отечественная война

Поскольку в военторге деликатесов не было, то в воскресенье 22-го июня 1941 года, часов в 11 я выехал за покупками в Ленинград и, находясь в Елисеевском магазине, услышал по радио выступление В. М. Молотова. Все находившиеся в магазине замерли, слушая сообщение «...на рассвете фашистские войска перешли нашу границу и с боями продвигаются в глубь страны. Наши войска оказывают противнику упорное сопротивление...» Это война!

На улицах люди собирались толпами у громкоговорителей и по-разному воспринимали выступление: кто с недоумением, кто с рас-

терянностью и испугом, но все были полны единого порыва идти в райвоенкоматы и записываться добровольцами на фронт.

Я, недолго думая, помчался к себе на Черную речку. Там уже все знали о начавшейся войне и шли необходимые приготовления. На крыши зданий выставили посты ВНОС (Воздушного Наблюдения, Оповещения, Связи). Кончита извещенная о войне восприняла спокойно, но сказала мне: «Пабло, это будет очень серьезная война!» Она, жена командира, привыкла к беспокойной службе своего мужа. Привыкла провожать и ждать, ждать, ждать и переживать! Это была уже третья война за все время нашего знакомства и короткую семейную жизнь.

В штабе шла напряженная работа: согласно мобилизационному плану, 21-я дивизия доукомплектовывалась до штатов военного времени и выходила на фронт в «Д-3», то есть на третий день. В понедельник, на второй день войны, во время обеденного перерыва с финской стороны прилетел один-единственный самолет, сбросил одну-единственную бомбу и улетел. Бомба упала между красноармейской столовой и казармой, разорвалась, не причинив никакого вреда, оставив о себе память в виде воронки полутораметровой глубины. Но один из двух бойцов, находившихся на посту ВНОС на крыше трехэтажной казармы, заслышав вой падающей бомбы, сбежал по наклонной крыше и прыгнул вниз, упал, вскочил и побежал дальше, не получив ни одной царапины. И когда его потом спросили: «Как ты очутился на земле, ведь ты же был на посту, на крыше?» — так он ничего не помнил, как оказался внизу. Бывает же такое!»

Опять война! Опять разлука! Я был обеспокоен за Кончиту и Петюшку. Как чувствовал, что на долю Ленинграда выпадут тяжелые испытания, и решил во что бы то ни стало эвакуировать их еще до моего отъезда на фронт. А для того, чтобы не затягивать вопрос, решил начинать не снизу, а сверху. В понедельник, будучи в штабе уже не округа, а фронта, и, закончив все дела по укомплектованию дивизии автотракторной техникой, отправился в Смольный, и пошел не к кому-нибудь, а к Алексею Александровичу Кузнецову.

Смольный в те дни напоминал растревоженный муравейник, так в нем было много народа, сновавшего с озабоченными лицами по коридорам из одного кабинета в другой. В приемной дежурный попросил меня подождать, так как у А. А. Кузнецова шло заседание. Минут через 15 двери кабинета распахнулись, и оттуда вывалилась толпа мужчин и женщин, провожал их до дверей сам Кузнецов. Дежурный секретарь тут же доложил обо мне, и Алексей Александрович принял меня сразу. До этого я никогда не видел его лично,

но сразу же узнал по многочисленным фотографиям. Внимательное, серьезное, но в то же время доброжелательное лицо, располагавшее к себе с первого взгляда. Я обратился к нему со своей просьбой:

— Алексей Александрович, прошу прощения, что в столь ответственный момент отрываю Вас от дел по сугубо личному вопросу, но дело в том, что завтра я уезжаю на фронт, а у меня в военном городке на Черной речке остается жена с маленьким сыном. Я очень обеспокоен за их судьбу и прошу Вашего содействия в их эвакуации.

Алексей Александрович, выслушав меня, вызвал своего помощника и, отдав распоряжение на эвакуацию моей семьи с одним из детских садиков, просил его взять это под свой контроль. Я продиктовал свой адрес, и А. А. Кузнецов пожелал мне боевых успехов и быть спокойным за семью. На этом мы расстались.

Тогда и много позже я часто вспоминал эту нашу встречу и всегда отдавал должное Алексею Александровичу. Ведь шел второй день войны, и у секретаря Обкома и Горкома партии была уйма неотложных дел, ждущих его решений, а тут капитан, каких немало, обращается к нему по личному вопросу, отрывая его от работы. Уверен, что любой другой на его месте отказал бы мне и, может быть, даже в оскорбительном тоне. Но Алексей Александрович не поступил так, ибо был настоящим человеком и коммунистом, не равнодушным к судьбам людей. Горько, очень горько было узнать в 1949 г. о его трагическом конце. Но, к великому сожалению, таких трагедий в то время было так много, и мы привыкли, свыклись с мыслью считать, что у нас еще много врагов, хотя внутренне трудно было с этим согласиться. Против публикуемых материалов в газетах, да и закрытых письмах ЦК, мы, не знавшие истинного положения вещей, ничего не могли противопоставить власти.

Мы и в мыслях не допускали, что наши руководители партии нас обманывает. Мы не предполагали, в силу нашей наивности, что члены Политбюро, Правительство находились во власти одного человека, которого все и вся превозносили выше небес. Да, мы были чрезмерно наивны и доверчивы. Поздно, очень поздно дошло до нашего сознания, что такие люди, как С. М. Киров, А. А. Кузнецов и многие другие, были просто не нужны. Их убивали за их честность, добропорядочность и истинную преданность социалистическим идеалам и народу. Нужны были раболепствующие, с низкой моралью и нравственностью людишки, способные на любую подлость ради личной корысти.

Мы в низах — и коммунисты, и беспартийные честно выполняли свой долг перед Родиной! Все отдавали ей и в годы войны, и в годы мирного строительства, не жалея своих сил, укрепляя экономиче-

скую и военную мощь страны, её растущий авторитет в мире, а авторитет страны был воистину высок во всем мире, что было очень важно.

Как бы там ни было, но не по мановению волшебной палочки в исторически короткий срок — две с небольшим пятилетки — страна из отсталой превратилась в могучую индустриальную державу. И этим надо гордиться. Все это было создано руками народа, его талантом, его трудолюбием. Разбирая всю деятельность Коммунистической партии, надо не мешать все в единый ком, а отделять плевелы от чистых, благородных зерен. Мешая черное с белым, получаем все серым, а это не соответствует действительности, и не надо обольщаться тем, что сегодня мы идем более правильной дорогой и что у нас нет врагов. Их не стало меньше.

В «Д-3» 21-я танковая дивизия вышла к финской границе в районе Светлогорска, где завязались бои с противником. Один из наших полков под командованием Георгия Максимовича Максимова вышел с боями к Иматре. Я же, оказавшись в новой, необычной для меня роли, находился во втором эшелоне штаба, занимаясь вопросами технического обеспечения. Моя новая должность была мне не по нутру, я привык к активным действиям, всегда был в самых горячих точках, привык находиться в самой гуще событий — и поэтому непрестанно рвался на передовые.

Моя служба находилась в подчинении помощника командира дивизии по технической части подполковника Мелентьева, человека, хорошо знавшего свое дело, но чрезвычайно вспыльчивого и шумливого, способного на необдуманные поступки, которые мешали работе и подрывали его авторитет.

Однажды, вернувшись с передовых, сойдя с машины, иду к палаткам и слышу шум, гам, крики. Тороплюсь, бегу и вижу такую картину: впереди идет начальник службы горюче-смазочных материалов (к сожалению, забыл его фамилию), а за ним, с наганом в руке, идет Мелентьев и на весь лес кричит: «Предатель, враг, я тебя сейчас расстреляю!» Тут же стоят и другие его подчиненные и молча наблюдают за происходящим, не вмешиваясь. Мне на ходу сообщили, что начальник ГСМ опоздал с подвозом горючего на пару часов, в чем не было особой беды, ибо на дивизионной базе горючего было достаточно, но вот Мелентьев усмотрел в этом «преступление» и идет его расстреливать. Это было сплошным идиотизмом, дикостью. Меня это возмутило. Я догнал Мелентьева и потребовал прекратить безобразие! Он же, обрутав меня, продолжал идти, размахивая наганом. «Приговоренный» плаксиво что-то бурчит, но послушно идет к месту своего расстрела, как ягненок. Вижу, что

словами не остановить Мелентьева, тогда я схватил его за руку, державшую наган, вывернул ее и выхватил револьвер. Тогда Мелентьев взбесился, схватил какую-то дубинку и бросился на меня. Хорошо, что я был много крепче, скрутил его и пригрозил, что свяжу его и в таком виде доставлю к командиру дивизии. Только это и помогло утихомирить его, но все равно он еще долго ворчал и обещал подать рапорт на мое вмешательство. «Ты потакаешь разгильдяям! Поднял руку на помощника командира дивизии и будешь отвечать за это перед трибуналом». Когда он немного успокоился, пришлось прочесть ему маленькую лекцию о неправомерности его действий. Он и сам начал понимать, что погорячился. Как ни старались «не выносить сор из избы», все же комдиву стало известно о его выходке, и Мелентьеву досталось «на орехи», едва не сняли с должности.

На Карельском перешейке в начале войны было сравнительно спокойно, противник, обороняясь, не предпринимал особо активных действий, а вот южнее Ленинграда обстановка складывалась крайне тяжелой. Заняв Псков, Порхов, фашисты стремительно наступали на Ленинград. Мало сказать, что положение было тяжелым, оно было угрожающим. И вот в ночь на 10-е июля 1941 г. наша дивизия, по приказу командующего фронтом, снимается с позиций на Карельском перешейке и, совершив ночной марш через Ленинград, к утру сосредотачивается в районе Уторгош и чуть ли не с хода вступает в бой.

Нет нужды говорить, что бои южнее Ленинграда носили исключительно ожесточенный характер. Враг, не считаясь ни с чем, рвался напролом к Ленинграду за счет многократного превосходства в силах на земле и особенно в воздухе.

В боях под Уторгошью отличился 41-й танковый полк подполковника Г. М. Максимова. Позже генерал-майор Георгий Максимович Максимов, уйдя в начале шестидесятых годов в отставку, жил в Москве и умер в 1996 году в возрасте 92 лет. Почти до самых последних дней у меня с ним не прекращалась связь. Нас с Георгием Максимовичем объединяла крепкая солдатская дружба.

Его полк, отбив все атаки, отбросил противника на 7–10 километров. Вслед за успехами 41 полка, 21 дивизия совместно с другими соединениями наносила контрудары в направлении Сольцы — Шимск. В результате боев были захвачены до двадцати орудий, несколько десятков автомашин и другой техники противника. Это было одно из первых значительных поражений противника на подступах к Ленинграду, заставившего его приостановить дальнейшее наступление на пару недель. К этому времени я командовал отдельным танковым разведывательным батальоном. В этих боях был под-

бит мой танк, в экипаже были и убитые, и раненые, я же отделался легкой контузией. В этих боях, нанося противнику значительный урон, 21-я дивизия сама несла большие потери. Эта «победа» давалась нам большой кровью. Из 200 с лишним танков в дивизии к началу августа осталось всего 20 единиц и только половина личного состава. Все оставшиеся танки были сведены в один батальон, продолжавший сражаться, а личный состав по приказу командующего фронтом должен был выходить на переформирование.

Но 10-го августа противник перешел в наступление в полосе 1-й ДНО (Дивизия Народного Ополчения), занимавшей оборону по реке Бол. Медведь и уже на другой день занял Новгород. Дорога на Ленинград была открыта. Между Новгородом и Ленинградом войск не было, и вот 21-й дивизии, а, вернее, тому, что от нее осталось, было приказано занять оборону в районе Мясного Бора, оседлав шоссе Новгород-Ленинград. Боеспособность дивизии была невелика в силу того, что на вооружении танкистов не было ни винтовок, ни пулеметов, не говоря уже об артиллерии. Танкисты, оставшись без танков, были вооружены только личным оружием — наганами. Кроме того, мы не были подготовлены к ведению боя в пешем строю. Конечно, командование все это хорошо знало, но другого выхода не было. Надо было прикрыть своими телами город Ленинград, и 21-ая прикрыла! С трудом окопались, лопат-то у нас не было. Вооружались, подбирая брошенное оружие, подобрали даже одну 76-мм пушку без прицела, приспособившись стрелять наводкой по стволу.

В то время под Ленинградом бродило много разных бойцов с оружием и без. Чаще всего это были бойцы, выходившие из окружения, но готовые вновь сражаться. Были и такие, которые, побросав винтовки, удирали с передовых, укрываясь в лесах. Это были трусы, спасавшие свои шкуры, немного было таких, но были. Всех их мы перехватывали, тут же формировали из них взводы, роты, назначали командиров из своей среды и сажали в оборону.

Долго ждать противника не пришлось. Вскоре показалась колонна мотоциклистов. Подпустив их как можно ближе, открыли огонь. Несколько мотоциклистов упало, но остальные, побросав мотоциклы, рассыпавшись в цепь, пошли в атаку. Ох, как нам не хватало пары-другой пулеметов, мы бы их накосили, но и наш слабый, но прицельный огонь заставил противника остановиться и отойти. Через некоторое время в воздухе появилось несколько немецких бомбардировщиков. Бомбы сыпались, как горох, не давая возможности приподнять головы. Мы заметили, что часть самолетов сбрасывали страшно воюющие предметы, не разрывавшиеся при падении. Как

потом оказалось, это были обычные железные бочки с просверленными боками, создававшими такой устрашающий вой, заставлявший вжимать головы в плечи. Превосходство противника в авиации было подавляющим. С рассвета и до сумерек она висела над нами и бомбила, бомбила, бомбила! Фашистские летчики настолько обнагтели, чувствуя свою безнаказанность, что гонялись за каждой машиной и чуть ли не за каждым человеком! Наши ястребки появлялись редко, но, вступая в бой с превосходящим противником, дрались смело, самоотверженно, дерзко, нанося врагу чувствительные потери. Не случайно немецкие летчики остерегались вступать с ними в бой.

Едва прекратился авиационный налет, как появились фашистские танки, а так как у нас не было никаких противотанковых средств, то в нашу задачу входило, пропустив танки, отсеять пехоту, но фашистские танки возвращались и вновь утюжили наши окопы, заваливая и засыпая наших раненых бойцов. Мы несли большие потери и вынуждены были отходить с боями на следующий оборонительный рубеж. Трудно, невозможно описать все эти бои. Что творилось на передовой — кромешный ад. Бомбежки, артобстрелы, лязг гусениц, огонь — и все это усугублялось стоящей жарой, пылью, дымом горящих машин, танков, строений. Тяжело было смотреть, как редеют наши ряды, приходилось только удивляться, как все это может вынести человек, но, по-видимому, на то он и человек, что может.

В один из этих дней получил известие о гибели своего друга Бори Инюшина, командовавшего полком. Он был убит автоматной очередью в голову. Я сразу же вспомнил состоявшийся накануне между нами разговор, когда он сказал мне:

— Знаешь, Паша, завтра меня убьют!

— Что за чушь ты говоришь, Боря?

— Не веришь? Вот увидишь, убьют!

Я не придал особого значения его словам, приписал их просто к хандре и переутомлению. И вот его предчувствие сбылось. Как это назвать — мистикой, блажью? Чем угодно, но мне с такими предчувствиями приходилось встречаться не раз, и они почти всегда оправдывались. Увидеть тело Бори мне не удалось. Его сразу же отвезли в Песочную, где он и был похоронен. Похоронен там, где жил, и где жила долгие годы у его могилы его вдова Ольга Константиновна Инюшина, являя собой пример верности и самоотверженности, вырастившая двух прекрасных сыновей. Мы с Кончитой иногда с ней перезванивались, но сейчас, когда пишу эти строки, ее уже нет среди нас.

В спешке уезжая на фронт, я не обеспечил Кончиту денежным аттестатом, полагая, что вышлю его по получению от неё адреса. Списать договорились через сестру Катю, так как я не знал ни своего полевого адреса, ни адреса Кончиты, куда она будет эвакуирована. Числа 15-го августа получил адрес Кончиты, выехал в штаб с целью выписки аттестата. Там встретился с полковником Кузнецовым, который рассказал, что накануне был в штабе фронта и заехал проводить мою сестру. У нее неожиданно встретил Кончиту, вернувшуюся со станции Хвойная, куда был эвакуирован детдом чуть ли не навстречу немцам. Фронт приближался. Среди местного населения царил паника, детдом был предоставлен сам себе, никакого порядка. С питанием было очень плохо, и Кончита, прожив там три недели, решила вернуться в Ленинград. С большим трудом, с маленьким сыном на руках, еще плохо владея русским языком, она, благодаря помощи хороших людей, едва добралась до Ленинграда. Поезд остановился, не доезжая до города километров 8–10, и Кончитушка, с Петюшкой на руках, по шпалам дошла до Московского вокзала и уж оттуда на трамвае до квартиры Кати, и там свалилась от усталости и голода. Что пережила моя дорогая Кончитушка в эти дни, невозможно передать, и поэтому решила, что больше никуда и ни за что не поедет, останется в Ленинграде вместе с моими родственниками.

Надо же было так случиться, что как раз в эти дни из дивизии снаряжалась команда на Черную Речку с целью организации эвакуации семей военнослужащих дивизии. Я попросил старшего команды заехать за Кончитой, дал адрес сестры. Команда уехала, а через пару дней меня направили в штаб фронта для решения ряда вопросов и попутно отправить в эвакуацию свою семью. Выполнив все дела в штабе, уже в первом часу ночи поехал на Большую Охту к сестре. Мне было странно ехать по темному, словно вымершему городу. У сестры в многокомнатной коммунальной квартире все квартиранты были на ногах, никто не спал, и квартира напоминала растревоженный улей, так все были возбуждены. Как же, враг был в каких-то ста километрах от города. У сестры я застал маму, семью Коли, всех своих родных.

Кончита, увидев меня, бросилась в мои объятия, своим глазам не веря, что это я, её Пабло. Петюшка, а ему было только полтора годика, вцепился в меня, обхватив мою шею ручонками, и не отпустил, не давая мне даже помыться. Так сынок соскучился по своему папке.

С Кончитушкой я не виделся почти два месяца. Она несколько похудела, но все равно была прекрасной, даже еще более красивой.

Все живущие в квартире обсуждали последние новости с фронта и, конечно, забросали меня с вопросами. Приходилось объяснять и вселять уверенность, что враг будет остановлен, в город не войдет, но населению будет очень нелегко. И надо же было так случиться, что как раз в этот день за Кончитой приезжали члены эвако-команды, но Кончита, намучившись во время первой неудачной эвакуации, категорически отказалась уезжать. Эшелон с семьями должен был отправляться на следующий день. Я прекрасно понимал, что населению города будет очень тяжело, и поэтому мое решение было непреклонным — только эвакуация. Я предложил эвакуироваться и маме, и сестре. Но мама отказалась, заявив, что если придется умирать, то умирать будет только в Ленинграде. Катя так же отказалась под предлогом, что ее муж железнодорожник-машинист, и она его не оставит. Кончита, глядя на них, тоже было заколебалась:

— *Пабло, может быть, я тоже останусь с твоими родными. Мне будет легче, мы все будем вместе. Так будет лучше?!*

— *Ни в коем случае. Если ты хочешь, чтобы на фронте я был спокоен за тебя, то только эвакуация!*

Кончита согласилась со мной и, переночевав, рано утром отвез Кончиту и Петю на Черную речку, где формировался поезд. Погрузка уже шла полным ходом в товарные вагоны. Взяв из квартиры диван и кое-какие вещички, погрузил все в вагон, устроив Кончиту в уголке. С нею уезжала и Антонина Павловна Кузнецова с дочерью Галей.

Провожать Кончиту вышла мать моего товарища — Анатолия Каяновича. На мой вопрос;

— *Почему вы не уезжаете? — Она пожала плечами:*

— *От Толи я ничего не имею. Буду ждать его здесь.*

Так она и осталась. Мать стала ждать своего сына, на долю которого выпали очень тяжелые испытания.

По первоначальному плану эшелон с семьями должен был идти в Среднюю Азию, в теплые края, но позже, из письма Кончиты узнал, что его переадресовали на Урал, и разгрузился он в Камышлов, а там уж всех эвакуированных распределили на жилье по деревням. Кончиту с Тоней загнали в самое захолустье, деревушку из десятка домишек в 40–50 километрах от Камышлова. Ни транспорта, связывающего деревню с городом, ни лавчонок, продающих хлеб, ни почты, ни радио и ни телефона. В общем, Кончиту с Тоней загнали в медвежий угол, каких мало. Полная оторванность от города. Можно было пользоваться только попутными повозками, а это трое-четверо суток на одну только поездку, а ведь женам военных надо было бывать и в Райвоенкомате, и получать пайки по линии

военторга, да и многое другое. На этот раз помог случай в лице второго секретаря райкома партии Владимира Сергеевича Перезовова, который, объезжая район, заехал по пути в эту самую деревушку, и Кончита, по совету Тони, обратилась к нему с просьбой помочь перебраться поближе к городу. Благодаря ему, Кончита с Тоней переехали в деревню Казакова, всего лишь в 5 километрах от Камышлова. Это было уже хорошо. Что было в этом удивительного, так это то, что спустя полвека, благодаря прессе, у нас возобновились взаимоотношения с вдовой Перезовова — Елизаветой Кузьминичной Перезовой и некоторыми другими камышловцами, помогавшими Кончите в то тяжелое для всего народа время.

Посадив Кончиту в эшелон, уже через три часа я был в своей дивизии. Передав комдиву полученные мною в штабе фронта указания, отправился на передовые. С подходом стрелковых частей наша дивизия, а вернее, то, что от нее осталось, была отведена на второстепенное направление, где вошла в подчинение 54-й армии и заняла рубеж обороны по линии Воронья Гора, Лодва, Погостье. Отходили через Липки, Шапки, где я чуть было не подорвался на наших минах. Штаб дивизии и тыловые учреждения расположились в районе Назиевских торфоразработок, в рабочих поселках № 2 и № 4. Никого из жителей там уже не было. Единственной дорогой, связывающей нас со штабом 54-й армии, была узкоколейка, пролежавшая среди болот.

При отходе от Любани, при очень странных обстоятельствах пропали командир дивизии полковник А. В. Бунин, начальник разведки Рассадин и врач Бабкова. Потом ходило много слухов, что они якобы попали в плен к немцам и были убиты, но никто точно не знал. Командиром дивизии назначили полковника Кузнецова. Участок обороны был относительно спокойным, так как не находился на главном направлении. К тому же местность была труднопроходимой, болотистой, и применение танков было исключено, а фашистская пехота не была приучена наступать без танков. Этот рубеж дивизия занимала до вывода ее на формирование в город Вологду в марте 1942 г.

В период обороны на Назиевских торфоразработках мне часто приходилось бывать в штабе 54-й армии. Проезжая по деревням, я интересовался их странными названиями, вроде «Вороньей горы», «Пиргора», «Войбокала», «Шум». Откуда произошли эти названия? Местные жители эти названия связывали с теми войнами и походами, которые вел Петр I со шведами. Так, в районе бывшей безымянной горы, где шли тяжелые бои и было много потерь с той и другой стороны, тела убитых не убирались по несколько дней,

и на эту гору слеталось огромное количество воронья, от которых днем небо казалось черным. Вот с той поры эту гору жители стали называть «Вороньей горой», а деревню под ней «Вороново». После победы над шведами Петр Великий на одной из возвышенностей устроил пир, на который были приглашены и пленные шведские генералы. Так вот эту гору называли «Пиргорой», а деревню, куда доносился звон бокалов, предки называли «Войбокала», а куда доносился только шум пира, стали называть «Шум». Так ли это или не так, но местные «историографы» именно так объясняли происхождение названий своих деревень. Я был приятно удивлен тому интересу, и той любовью местных жителей к истории родных мест, и особенно к славным страницам Петровских времен. О них они могли рассказывать без конца.

В октябре 1941-го фашисты овладели рядом населенных пунктов в самом центре обороны 54-й Армии, выйдя вплотную к станции Войбокала, прервав железнодорожное сообщение Мга-Волхов. Нависла угроза выхода противника к Ладожскому озеру, чего нельзя было допустить, так как срывалось осуществление плана создания «Дороги жизни». Командование 54-й армии прилагало огромные усилия для остановки дальнейшего наступления фашистов, но сил явно не хватало.

В ноябре из Ленинграда по только что проложенной «Дороге жизни» в район станции Назия прибыли два батальона лыжников, которые командование 54-й Армией решило использовать в тылу противника, южнее станции Войбокала, с целью ослабления этой группировки немцев. По существу, это был лыжный полк двухбатальонного состава. Старшим командиром был назначен командир 2-го батальона. Меня назначили в этот полк представителем командующего 54-й Армией генерала Федюнинского с задачей координации действий лыжного полка с действиями соединений 54-й Армии. Полк был хорошо укомплектован и представлял собой легкую, маневренную единицу, способную наносить внезапные удары по тыловым объектам и коммуникациям противника и тут же исчезать. Каждый батальон состоял из трех рот автоматчиков, вооруженных автоматами ППД, роты 50-мм. минометов, взвода разведки и подразделений обеспечения. 1-м батальоном командовал капитан Г. Т. Магрицкий, комиссаром был Я. Романов и состоял из добровольцев Кировского завода. Во 2-й входило две роты балтийских моряков-ханковцев и роты студентов и преподавателей института имени П. Ф. Лесгафта. Фамилии командира и комиссара этого батальона я уже забыл, поскольку действовал с ними всего каких-то три дня.

Место перехода линии фронта выбрали самое глухое, где редко ступала нога человека, среди почти непроходимых болот, южнее озера Танегожское. Немцы здесь не имели сплошной обороны, целиком полагаясь на труднодоступную местность. Время перехода также выбрали глухое — 23.00. Впереди шла разведка во главе с лейтенантом Л. И. Колчиным, а за ним, с получасовым разрывом, шли главные силы полка. Снег был глубокий, мороз стоял 30 градусов и ниже. Шли на лыжах колонной по одному, растянувшись на 6–7 километров. Ночь была лунной, но лыжники в маскировочных халатах, уже с расстояния 100–150 метров не были видны, и лишь скрип лыж выдавал нас. Шли молча, не курили, соблюдали все меры предосторожности. Команды передавались вполголоса по цепи. За собой тянули телефонную линию, связывающую нас со штабом 54-й армии. Раций в полку не было.

К сожалению, только во время марша обнаружили, что почти все в полку болели животами. Ведь батальоны формировались в блокадном Ленинграде, где все сидели на голодном пайке и, естественно, люди были ослаблены, а, придя в расположение 54-й Армии, все стали получать усиленные пайки. В результате все страдали расстройством желудков, и никто из врачей не обратил на это должного внимания и не доложил по команде. И вот, идя в тыл к немцам, все это обнаружилось, прежде всего это выражалось в повышенной утомляемости и тем, что весь наш путь был отмечен следами расстройства животов. Хорошо, что вскоре выпавший снег замаскировал наши следы. Уже в ходе марша пришлось выделить специальную команду из наиболее крепких бойцов с задачей подбирать всех отстающих, и тем самым спасти людей от обморожения и гибели от мороза.

Наше появление в тылу немцев, судя по их поведению, не было обнаружено. Для ознакомления с местностью и обстановкой нам было дано командованием армии только одни сутки, и уже со следующей ночи мы должны были начать боевые действия. Первым объектом нападения должны были стать деревни Бол. и Мал. Влои, в которых по данным разведки размещался штаб одной из наступающих частей.

Жесткость составленного штабом армии плана объяснялась согласованностью действий лыжного полка с частями 54-й Армии с фронта. Командир же полка с самого начала проявил нерешительность, бездеятельность. Проходят сутки, вторые, а полк бездействует. Мои требования начать активные боевые действия игнорируются подполковником под разными предлогами. В результате я вынужден был доложить по телефону генералу И. И. Федюнинскому

и получил от него приказ: командира и комиссара отстранить от командования полком, препроводить их в штаб армии, самому вступить в командование полком, что я и выполнил. Комиссара полка обещали прислать позже, но он появился уже на следующий день, и им оказался мой боевой товарищ по прежним боям Иван Семенович Грошев.

До появления лыжного полка в тылу немцев никто их не беспокоил, и поэтому они чувствовали себя «хозяевами» на нашей земле. Настоящих же хозяев они выселили из деревень и позанимали их избы. На дорогах шло оживленное движение немецких войск днем и ночью, без особых мер предосторожностей. Они были спокойны за свои тылы.

Вступив в командование, я не стал ждать, когда нас обнаружат немцы, и в ту же ночь решил атаковать Бол. и Мал. Влои. Еще до вступления в командование я с группой офицеров выходил на разведку местности, и поэтому мне все было ясно, как следовало действовать. Лес почти со всех сторон обступал эти деревни на удалении 500–700 метров, что вполне благоприятствовало совершению неожиданного нападения. Решил атаковать с трех направлений. Капитан Магрицкий со своим батальоном атакует деревни с Северо-Запада, я с двумя ротами — с Юга, а третья рота лейтенанта Погромского — с Востока. А так как раций у нас не было, то момент атаки был назначен по времени на час ночи. Вечером, в шалаше из сосновых веток, при тусклом свете карманных фонариков со всеми офицерами проиграли на картах все возможные варианты боя. Условились о взаимодействии, установили сигналы, сверили часы. В 21.00. стали выходить на исходные позиции. В 00.30 вышел с группой офицеров на опушку леса. До деревни каких-то 500 метров. Полнолуние. Деревня лежит в небольшой ложине. С опушки все хорошо просматривается. Во многих избах в окнах горит свет. Из труб прямо вверх поднимается дым. Звук на морозе разносится далеко. У колодца немецкие солдаты гремят ведрами. Хорошо, отчетливо слышна немецкая речь, смеются, переключаются. И если бы не немецкая речь, ничто не напоминало бы войну, такая стояла тихая, мирная, идеалистическая картинка перед нашим взором. Ждем выхода подразделений на исходные позиции. Медленно тянется время. Вспоминается народная поговорка: «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять». Но ждать все же много хуже.

Наконец стрелка часов подходит к часу. Даю команду выдвигаться. Сам выхожу с группой управления на открытое место, и вдруг слева, совсем рядом, раздается оглушительный взрыв и за ним раздирающий крик боли. Меня ударило взрывной волной и осыпало

снегом. Едва смолк этот крик, как вслед за ним раздается такой же взрыв, а за ним и крик, но на этот раз справа. В деревне мгновенно все смолкло. Немцы насторожились. Что же случилось? Внезапность нашего нападения сорвана! Я на какое-то время растерялся, огляделся. Приметили припорошенные снегом дугообразные проволоочки. Сомнений не было. Мы попали на минное поле! И, как потом выяснилось, не на немецкое, а на свое.

По преступной халатности офицеры инженерной службы 54-й армии не передали полку, уходящему в тыл к немцам, схемы минных полей, установленных нашими частями, ранее занимавшими здесь оборону. В результате подорвались два офицера; один потерял обе ноги, другой ступню правой. Но потерь могло быть значительно больше. Сразу же по нам застрочили пулеметы. Конечно, стрельба велась не прицельная, а по направлению, но над нашими головами засвистели, зацокали о ветви кустов пули. Надо было выбираться с минного поля. Огляделся — эти проволоочки буквально окружали меня. Мне просто повезло, что я как-то миновал их. Но стоять здесь было нельзя: пули визжали, свистели, то и гляди, что какая-нибудь из пуль вопьётся в тебя. Махнул рукой на все: либо пан, либо пропал, двум смертям не бывать, а одной все равно не миновать. Стал прыжками выбираться, но прыгать в валенках, да еще в глубоком снегу трудно, но все же выбрался. Так же выбрались и все другие офицеры. Залегли на опушке, прижатые еще более плотным огнем пулеметов. Рядом оказался лейтенант Капаев, начальник штаба 2-го батальона, человек интересной судьбы. По своей военной профессии он был летчиком-истребителем, и в самом начале войны, сражаясь в небе Ленинграда, расстреляв весь боекомплект, пошел на таран фашистского бомбардировщика, сбил его, но и самолет Капаева получил серьезные повреждения и при посадке разбился. Капаев получил несколько переломов и травму головы. Провалившись несколько месяцев в госпитале, был признан не годным к летной службе и направлен в батальон аэродромного обслуживания (БАО). Для Капаева боевая служба была закончена, отныне он стал тыловиком, с чем Капаев не мог смириться и стал добиваться отправки на фронт в любом качестве. И вот при формировании лыжного батальона был назначен начальником штаба. Вот какие были офицеры в лыжном полку!

Самой главной бедой было то, что пропала внезапность атаки. Мы выдали себя, попав на минное поле. Вся трагедия нашего положения заключалась в том, что я не мог ничего изменить. Ни отменить атаку, ни перенести время. Приходилось ждать действий других подразделений и действовать по обстоятельствам. Прика-

зал сближаться с противником ползком, оставив лыжи на опушке. Ползем. Рыхлый снег набивается и за шиворот, и в рукава, подняться не дает пулеметный огонь. До деревни остается каких-то метров 200. Подползает красноармеец Тарханов. Докладывает, что рота старшего лейтенанта Куренкова находится у самой западной окраины деревни и ждет только команды. Но бросаться в атаку нельзя, мы обнаружены, по нам ведется довольно плотный огонь, надо ждать действий капитана Магрицкого, который отвлечет частично огонь на себя. Стараемся ничем себя не выдать, нам в этом помогают маскхалаты, они буквально спасают нас. Немцы явно встревожены и каждую минуту освещают местность ракетами.

Стрелка часов уже далеко перевалила за час. Что случилось с Магрицким? Что же он медлит?! Нервы напряжены до предела, так и хочется сорваться в атаку, но здравый смысл удерживает. Мало того, что понесем большие потери, но неудачной атакой подорвем дальнейшую боеспособность полка, на который так рассчитывало командование 54-й армии. Надо ждать. Лежим, мерзнем, вглядываемся, что там впереди, но неровности местности не позволяют нам видеть все. Невольно закрадывается мысль, неужели у Магрицкого тоже что-то случилось? Может, заблудились и не вышли на свое направление. А что с Погромским? Неужели минные взрывы сбили их с толку? Нет! Не может быть! Офицеры опытные и хорошо знающие цену срыва выполнения задачи. Надо ждать, но мороз дает о себе знать, холод пробирает до костей, сковывает все тело.

И вот, когда казалось, что задуманная операция провалилась, с северной стороны деревни донеслись до нас автоматные очереди и разрывы гранат. Наконец-то Магрицкий со своими молодцами напал на противника. Судя по интенсивности стрельбы, там развернулся настоящий бой. Почти сразу же прекратился огонь против нас. Возможно, фашисты приняли взрывы за отвлекающий маневр и сейчас все силы бросили на север. Если это так, то это самый благоприятный момент для броска. Пользуясь этим, поднимаемся и бежим к деревне. Несколько человек упало, но мы продолжаем бежать под огнем противника. Врываемся на окраину, впереди перебегают немцы, нажимаю на спуск автомата, осечка, перезаряжаю и опять осечка, и не только у меня, то же и у рядом бежавшего Вани Грошева. Автоматы не стреляют. Выхватываю пистолет, спотыкаюсь, падаю, и, быть может, это мое счастье, так как, чуть не задев меня, надо мной проносится рой пуль. Я даже почувствовал их удары. После моему ординарцу, рядовому Кофетину, пришлось латать мою шинель. Поднимаюсь, оглядываюсь — бой идет уже впереди меня, но из-за сарая строчит пулемет. Бросаю

гранату, другую — пулемет смолк. Бой удалялся дальше. Бегу туда, где стрельба. Рядом со мной бежит ординарец Кофетин. Местами бой перешел в рукопашную схватку. Бойцы полка врываются в избы, вытаскивают фашистов. Подбежавший Капаев докладывает, что 1-й батальон полностью овладел Мал. Влоей и сейчас ведет бой у перекрестка дорог, у моста. Несколько бойцов подводят что-то лопотавшего немецкого офицера с высоко поднятыми руками, в одном кителе и сильно дрожащего, не то от страха, не то от холода. Допрашивать не было времени, приказал отвести на сборный пункт. Перестрелка стала затихать. Только кое-где еще были слышны автоматные очереди, и вдруг на восточной окраине стрельба вновь усилилась. Как выяснилось, это небольшая группа немцев пыталась вырваться из деревни, но была вся перебита. Прочесали деревню. Местных жителей не было, не считая двух-трех немощных стариков. Все население ушло в леса и жило там в землянках вместе со своим скотом, который успели увести.

В нескольких избах пытались прятаться немцы, но бойцы, разгоряченные боем, беспощадно расправлялись с ними, безжалостно их расстреливая. Ведь лыжники были из Ленинграда, видевшие все ужасы блокады, они с особой ненавистью относились к фашистам. Потом нам пришлось принимать меры к прекращению самочинных расправ с пленными.

Лейтенант Капаев занимался сбором штабных документов, а все малоценное, в том числе и автомашины, мотоциклы, жгли тут же на улице. Командиры собирали своих людей, подбирали раненых, стаскивали убитых, и в начале пятого мы покинули деревню. Надо было уйти как можно дальше, на свою временную базу. Идем, петляем по лесу, а лес труднопроходимый, буреломы на каждом шагу. Местами идти на лыжах было невозможно, из помощников они превращались в обузу. Все основательно устали, снег по колено, но упорно идем, идем, идем! Я никогда не предполагал, что так близко от Ленинграда можно было встретить такую глухомань. На базу пришли еще затемно. Бойцы валились от усталости прямо на снег, подстелив лапни. Помимо охраны, назначили специальных дневальных с задачей временами переворачивать спящих у костров бойцов — ведь мороз давал о себе знать, было что-то под 40, не мудрено и замерзнуть, тем более что такие случаи уже были при переходе линии фронта. Такие меры предосторожности принимались нами и впредь, ибо напряженные бои, большие переходы, люди переутомлялись: присядут на пенек отдохнуть, задремлют — и отходят в мир иной. Особенно эти меры были важны в первый период, пока люди не окрепли.

На первых порах каждый боец варил себе кашу из концентратов сам. Вместо воды растапливали снег, полученную воду процеживали, очищая её от осевших зерен и пылицы. Снеговая вода была невкусной, пресной, но другой воды поблизости не было. Но дальше так нельзя было действовать. Временная база нас не удовлетворяла, нужно было подыскать и оборудовать постоянную, с землянками и пищеблоком, не прерывая боевых действий. Без постоянной базы усложнялись боевые действия полка, бойцы не получали полноценной пищи и хорошего отдыха.

По показаниям пленных и документов установили, что в Больших и Малых Влоях размещался штаб одного из полков 291-й пехотной дивизии немцев. Командир полка накануне отбыл в штаб дивизии, и это спасло его от гибели. При разгроме штаба было убито несколько десятков фашистов, 12 было взято в плен, в том числе майор-штурмбанфюрер. Были захвачены ценные документы. Пленных и документы отправили в штаб 54-й армии. Наши потери в этом первом бою составили: 13 человек убитыми, 17 ранеными и 5 человек пропавшими без вести.

Надо признаться, что наши потери могли быть значительно больше, нам еще повезло, а везенье заключалось в том, что немцы проявили излишнюю самоуспокоенность за свои тыловые части. Их никто до нас не беспокоил, они были уверены в полной своей безопасности и охранению не придавали особого значения.

Осечки же автоматов системы ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) объяснялись просто, они имели один серьезный дефект: при попадании в затвор хоть немного снега они отказывали, и этот случай не был единичным. Во всех последующих боях нам приходилось «забинтовывать» затворную раму и уже перед самым боем «разбинтовывать» ее. Позже этот автомат заменили на более надежный ППШ (пистолет-пулемет Шкапина).

Для создания базы выбрали в самой глуши среди болот небольшую возвышенность, отрыли там землянки, организовали кухню, санчасть и все самое необходимое. Отсюда мы выходили на боевые задания, и сюда возвращались на отдых. Объектами наших действий были штабы, склады, огневые позиции артиллерии и, конечно, все передвижения по дорогам.

С каждым днем полк приобретал опыт боевых действий в тылу врага. Полк креп, мужал и закалялся. Наладилось питание, «пищеблок» готовил сытную и вкусную пищу. На «продскладе» образовался значительный запас продуктов, главным образом за счет трофеев. Бойцы полка даже шутили, говоря, что фашисты приняли нас на свое довольствие. Мы в тылу немцев чувствовали себя полными хо-

зьявами, но и немцы с нашим появлением стали гораздо осторожнее, прежде всего усилили охранение своих объектов, перестали совершать передвижение в темное время суток, колонны передвигались под усиленным танковым охранением. Но нас это не останавливало, и не было почти ни одного дня без боевых действий. Вот только некоторые выдержки из донесений некоторых командиров:

«27.11.41. Прошли 38 километров. Достигли указанного рубежа и сразу вступили в бой. Оседлали дорогу В — М. Уничтожили 8 автомашин, подожгли 6 домов, в которых находились немцы. Отдыхали на снегу без костров. Обмороженных нет. Магрицкий».

«28.11.41. 15.00. Подорвали на минах 4 автомашины. Убито 25 немцев. Взят один пленный. Трофеи 18 винтовок и три автомата. Куренков».

«29.11.41. Был сильный бой. Подразделение лейтенанта Колчина захватило трех немцев. На поле боя осталось до 80-ти трупов. Отлично действовали: лейтенант Харченко, замполит Фаронов, сержант Кузнецов, красноармеец Тарханов, лейтенант Куренков. Романов».

«30.11.41. Уничтожено 20 фашистов. Наши потери 6 человек. Старший сержант Кузьмин направлен для связи в глубокий тыл. Задача выполнена. Погромский».

Это только донесения четырех дней и только частью подразделений 1-го батальона, а еще действовали десятки других подразделений 2-го батальона. Таких донесений было много. Их можно было бы перечислять без конца. Бойцы и офицеры ежедневно проявляли героизм и преданность своему народу. Так младший политрук Глансков с 4-мя бойцами напал на охранение противника, уничтожил его, взяв одного пленного. Во время боя красноармеец Юшков, будучи сам ранен, спас младшего лейтенанта Бельчининова, а до этого вынес из-под огня тяжело раненного лейтенанта Куренкова.

Армейская газета 54-ой Армии «В решающий бой» за 13 января 1942 года писала: «С АВТОМАТАМИ НА ЛЫЖАХ! — НА НЕМЦА! КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ НАЛЕТАЮТ НА ВРАГА СМЕЛЫЕ ЛЫЖНИКИ КОМАНДИРОВ ЛИПИНА И МАГРИЦКОГО. ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТАМ, ГДЕ ФАШИСТЫ НЕ ЖДУТ ИХ, И БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАЮТ ТЕХНИКУ И ЖИВУЮ СИЛУ НЕМЕЦКОЙ ГРАБЬ-АРМИИ. БОЕЦ! УЧИСЬ ВОЕВАТЬ У ЛЫЖНИКОВ ЛИПИНА И МАГРИЦКОГО!»

Было и не без курьезов. В полку были только две сандружинницы: одна жена капитана Магрицкого, другая жена красноармейца Юшкова. Они с самого начала Великой Отечественной войны воевали вместе со своими мужьями. Так вот хочу привести рассказ

сандружинницы Виктории Чернышевой (жены Магрицкого), напечатанный в газете «В решающий бой»: «Мы благополучно проникли в тыл врага и расположились в нескольких метрах от дороги. Проходит час, другой, третий. На дороге никакого движения. Нам стало надоедать однообразие. Но внезапно из-за поворота вышло два немца, за ними показалась целая колонна. Тысячи две солдат двигались в нашу сторону, к фронту. Сердце учащенно забилося. Вступить в бой десятку человек против двух тысяч — бессмысленно. Путь отхода нет, сзади началось поле. Мы еще глубже зарылись в снег. Руки цепко обхватывают автомат. Когда колонна фашистов поравнялась с нами, я заметила, что один наш боец, который находился в пяти метрах от дороги, сидит, прислонившись спиной к дереву, руками обняв автомат и крепко спит. Стало ясно, что мы крепко влипли в неприятную историю. Передняя группа немцев заметила спящего красноармейца. Человек пять офицеров остановились на дороге и боязливо стали рассматривать спящего. Целых два часа двигалась колонна, целых два часа стояли офицеры. Они боялись подойти к спящему красноармейцу, думая, что это какая-то ловушка. Как только немцы скрылись из глаз, боец проснулся, и, как ни в чем не бывало, начал потягиваться».

Надо же быть такому! Нарочно не придумаешь. Был и такой случай, когда один из взятых нами в плен немцев был возвращен из штаба армии с такой запиской:

«т. Липину

Направляю “Ганса”, которого надо провести через ваш участок и пустить к своим. Этого требует командарм. Предупреждаю, вы отвечаете головой за его целость. Все сделано, и он обработан. Личному составу об этом ни слова. Особенно рассматривать ему не давайте. Пускать надо в Мемино. Думаю, ясно.

15.12.41. Толубко»

Все сделано так, как было надо. Немца пустили туда, куда требовалось. Но до его «пуска» наша база не подвергалась обстрелам артиллерии, а вот после этого «обработанного Ганса» фашисты стали забрасывать нас своими «гостинцами», подвергать артиллерийским обстрелам, правда, не совсем точно, но близко. И еще одно. Получив записку от Володи Толубко (будущего главного маршала артиллерии Владимира Федоровича Толубко), подумал, как мало стало ценить мою голову наше командование?! Немцы куда больше давали за меня — 500 тысяч марок, как было объявлено в распространенных фашистами листовках.

В один из декабрьских дней от наших разведчиков нам стало известно, что на следующий день по одной из дорог предполагается большая переброска войск к фронту с целью продолжения насту-

пления и выхода фашистов к Ладожскому озеру.

Заранее выбрав участок, где лес вплотную подступал к дороге, ночью всем полком вышли и залегли в засаду, тщательно замаскировавшись. Стали ждать. План действий был таков: дать фашистам втянуться к самой голове нашей засады и по сигналу оттуда открыть одновременно огонь всем полком. Ждем.

В начале десятого прошло несколько грузовых машин с солдатами в сопровождении трех танков. По-видимому, это было охранение. Оно же расставляло солдат по заранее подготовленным огневым точкам. И опять все стихло. И только в одиннадцатом часу в лесной тиши стал доноситься отдаленный, едва различимый шум, он постепенно нарастал, стал различим лязг гусениц, шум работающих моторов. Наконец из-за поворота дороги показался танк, за ним второй, третий. Всего было пять танков. Шли они со скоростью километров сорок. За ними шло несколько легковых машин и далее грузовые машины с тентами, в которых сидели солдаты. Я насчитал автомобилей двадцать, но конца их не было видно, мешал поворот дороги.

Мы, затаясь, ждали сигнала, и, когда застрекотал автомат в голове колонны, вмиг поднялся шквал огня по всей линии засады. Противник, не ожидая нападения, был захвачен врасплох и в первые минуты понес большие потери. Часть машин свалилась с дороги и зарылась в снег, несколько машин загорелось. Солдаты выскакивали из машин, но, не разобравшись в обстановке, заматались туда-сюда, а это еще больше увеличило панику в их рядах, что привело к еще большим потерям. Часть наших бойцов, не выдержав, стали выскакивать из засады, и вот тут-то и заговорили пулеметные точки фашистов, они стали строчить вдоль дороги и по опушке леса. В один из таких моментов поднялся лейтенант Капаев и бросился с гранатой на фашистский пулемет. Он успел ее бросить, но и сам был скошен пулеметной очередью. Брошенная им граната на какое-то время оглушила пулеметчика, и этого было достаточно, чтобы прикончить весь расчет.

Много было убито немцев, много горело машин, но танки противника, развернувшись, открыли по нам огонь. Наша задача была выполнена, можно было отходить. Отходили, подбирая раненых и убитых. Спасибо лесу, он нас спасал и уже не в первый раз. Шли по лесу, но еще долго осколки разрывавшихся о деревья снарядов провожали нас. Сам бой был скоротечен, длился каких-нибудь минут 20–25, но урон врагу был нанесен большой. На следующий день мы хоронили своих погибших в бою товарищей и любимца полка лейтенанта Евгения Капаева, смелого и отважного орла.

Немцы боялись лесов, и за все время до налета на колонну они и не пытались далеко заходить в лес, проникнуть на нашу базу, поэтому мы в лесах чувствовали себя относительно спокойно. Но так было недолго. Однажды на нашу роту, возвращавшуюся с задания, было совершено нападение. Роте пришлось отбиваться, отходить в другую сторону от базы, и вернулись на базу очень поздно ночью. Через пару дней другое подразделение подверглось нападению в лесу. Такие встречи участились. Они никак не сочетались с той тактикой, которую вели немцы ранее. Мы вынуждены были усилить охранение базы.

Однажды охранение донесло о приближении к базе лыжников противника. Это было впервые, ранее противник не осмеливался на такие действия. Тут было что-то новое. Подняли все подразделения, бывшие в это время на базе, вышли на заранее подготовленные позиции. Ждать пришлось недолго. Противник шел на лыжах, развернувшись цепочкой. Подпустили их ближе и только тогда открыли по ним огонь. Бой был скоротечен. Фашисты отошли, побросав своих раненых и убитых. Каково же было наше удивление, когда раненые оказались не немцами, а финнами! Оказывается немцы, обеспокоенные нашими действиями, перебросили из-под Олонца несколько подразделений финских лыжников. В последующие дни у нас было несколько встреч с ними, но мы уже научились воевать в лесных условиях, и поэтому финны мало чем помогли немцам.

Вскоре соединения 54-й армии перешли в наступление на нашем направлении, а лыжному полку было приказано пропустить наступающие войска через себя, после чего выйти в рабочий поселок № 8 Назиевских торфоразработок на отдых.

Рано утром вошли в рабочий поселок № 8. По сторонам единственной улицы стояли аккуратненькие домики. Населения ни души. С трудом отыскивали коменданта поселка и охрану. Обошли вместе с Магрицким и своими заместителями весь поселок, разместили личный состав, хозяйственные и другие подразделения. Организовали баню, по которой все мы соскучились, ведь почти два месяца никто из нас не раздевался, воевали, спали в ватных штанах и куртках. Сами с удовольствием попарились, оделись во все чистое, пришли в отведенный нам домик. Как было приятно видеть койки, заправленные чистым бельем, накрытый к обеду стол. На душе было легко и радостно, как всегда после хорошо выполненного долга.

За стол еще не сажались, вели оживленную беседу, шутили, мечтали: вот разобьем фашистов, вернемся к своим домам, встретимся со своими близкими, сколько будет радости, как будет торжествовать наш народ. Увлечшись мечтами, не обратили внимания на под-

нявшийся в прихожей шум, как вдруг в комнату влетел, не вошел, а именно влетел военный невысокого роста, с сердитым, злым лицом, с большим портфелем, с тремя «шпалами» в петлицах и с ходу представился:

— Я помощник прокурора 54-й армии, такой-то. Мне нужен командир полка капитан Липин!

— Я капитан Липин. Слушаю Вас.

— Очень хорошо. Я прибыл по приказу прокурора 54-й армии по весьма важному вопросу. Прошу всех посторонних оставить помещение!

— Товарищ подполковник, здесь посторонних нет.

И я начал представлять всех находящихся в комнате. А в комнате были капитан Магрицкий и комиссары Грошев и Романов.

— Так что можете говорить при них. У меня нет от них никаких секретов.

— Зато у меня есть. Дело, касающееся лично Вас, капитан, и я бы предпочел остаться с Вами наедине.

— Повторяю, у меня нет никаких секретов от них. Это самые близкие мои помощники. Поэтому прошу, приступайте смело к делу, а то у нас обед остынет.

— Ну, обед вам придется отложить на время. Раз вы настаиваете, могу и при них вести допрос Вас, но предупреждаю, что это будет хуже для Вас.

Я думал, что он меня все время пугает. Я не из пугливых, да и не чувствую за собой никакой вины.

— Ничего, при народе даже лучше. Приступайте.

— Я прибыл сюда для допроса Вас в качестве обвиняемого, о самовольных расстрелах в период нахождения вас в тылу немцев.

— Так вы опоздали. Вам надо было прийти туда к нам, в тыл к немцам. Где же Вы были раньше?

— Это не Ваше дело. Кто вам дал право расстреливать советских людей?

— Даже советских? Кто же это, по-вашему, является советским? Не те ли, что предавали немцам наших, действительно советских людей. Вот я, командир, мои заместители и были там представителями советской власти и решали все вопросы, как нам следует поступать с врагами истинно советских людей.

— Капитан, этот разговор бесполезен. Он ни к чему. Приступим к делу.

И подполковник, бесцеремонно отодвинув обеденные приборы (если так можно было называть котелки и кружки), разложил свои бумаги, сел на табуретку и приготовился вести допрос. Все присутствующие мои товарищи в недоумении смотрят на меня, я делаю

знак, чтобы они не вмешивались, и спрашиваю подполковника:

— Прежде чем отвечать Вам на вопросы, прошу предъявить приказ командующего об отстранении меня от должности и привлечению к ответственности.

— У меня есть приказ прокурора армии, думаю, этого достаточно!

— Для Вас да, но не для меня. Я подчинен командующему 54-й армии, а не прокурору, и снимать с меня допрос, да еще в качестве обвиняемого, Вы не имеете права. Я буду отвечать Вам только при наличии приказа командарма.

— Будьте уверены, такой приказ последует по моему приезду в штаб армии.

— Товарищ подполковник, я Вас задерживаю, а пока свяжусь с командующим.

И тут же попросил соединить меня со штабом армии. К телефону подошел начальник штаба генерал Малинин.

— Малинин слушает.

— Товарищ генерал, докладывает командир лыжного полка капитан Липин. Прошу, пожалуйста, к телефону генерала Федюнинского.

— А в чем дело? Командующий только что вернулся с передовых и сейчас пошел отдыхать. Может, я смогу решить ваши вопросы?

— У меня сидит помощник прокурора армии и собирается снимать с меня допрос по поводу расстрелов во время моего пребывания в тылу немцев. Хочу узнать, что это — решение командующего или только прокурора. Если это решение командующего, то кому мне следует сдать свои обязанности командира лыжного полка.

— Такого решения командующего нет. Во всяком случае, я о нем ничего не знаю. Подождите, спрошу у командующего.

Через некоторое время из телефонной трубки раздался хриплый, прустуженный голос:

— Федюнинский слушает.

Я доложил ему все, как есть. На что он мне сказал:

— Что за чушь. Кто допрашивает?

— Помощник прокурора армии!

— Так гоните его в шею. Проявляют ненужную самодеятельность. Никакого приказа я не отдавал и отдавать не собираюсь. Гоните в шею!

— Слушаюсь, товарищ командующий.

После этого разговора я сказал подполковнику:

— Приказа командующего о привлечении меня к ответственности нет, поэтому прошу Вас оставить помещение.

— Как Вы смеете так разговаривать со мной. Вы еще молоды для этого.

Я уже начал терять терпение, так он меня возмутил, и поэтому

в довольно резкой форме сказал:

— *Прошу Вас, не заставляйте меня прибегнуть к крайней мере. Я буду вынужден выполнить приказ командующего. Он приказал гнать Вас в шею!*

— *Ах, так! Ну, погодите! — он был взбешен. — Вы все равно будете отданы под суд военного трибунала. Подпишитесь, что отказываетесь от дачи показаний.*

— *Я ничего подписывать не буду. Денди!*

Вошел Кофетин, высокий, сильный. Подполковник, увидев его, только тут понял, чем все это может кончиться для него. Вскочил, торопливо заправил свои бумаги в портфель, непрерывно что-то бормоча себе под нос, и, угрожая, крикнул:

— *Это Вам так не пройдет. Мы с Вами еще встретимся в другой обстановке!*

Вскочил — и был таков. Мои товарищи с облегчением вздохнули, сказав:

— *Ну, Павел Иосифович, довели Вы помощника прокурора до белого каления. Он Вам этого не простит.*

— *А что он мне не будет прощать? Это же чернильная душа, чиновник. За своими бумажками он ничего не видит.*

Так все на этом и кончилось. Только когда мне приходилось бывать в штабе армии и встречаться с работниками прокуратуры, они отворачивались от меня, как от прокаженного. Но я на это не реагировал.

А расстрелы действительно были. Были расстреляны два старосты деревень, выдавших многих активистов колхозов и советских работников. Так их судило все население этих деревень, в которых они действовали, и решение было единодушным. Предатели были расстреляны. Был расстрелян один боец, перебежавший к немцам и пойманный нами, когда он вел фашистов к нам на базу. Судили всем полком и также приговорили к расстрелу. Увы, было суровое время, требовавшее от каждого из нас полной отдачи на защиту нашего Отечества. Все мы ценою своей крови защищали страну, и предательству не было места в наших рядах!

Немного о Кофетине. До войны он был артистом Ленинградского театра, размещавшегося на улице Рубинштейна, и за его постоянную опрятность и подтянутость в полку он был прозван «Денди». Он был смелым, решительным и находчивым бойцом. Будучи моим ординарцем, он много помогал мне в боевой обстановке. С тех пор прошло почти шестьдесят лет, но я часто вспоминаю его с благодарностью за его деятельность. Весной 1942 года я был отозван с фронта на формирование. Кофетин остался продолжать службу в

стрелковых частях, а как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю.

Наш лыжный полк был первым, созданным из кадровых подразделений действующей армии, показал отличные боевые результаты. На его опыте стали формироваться для действий в тылу врага другие лыжные части, которые во многом способствовали ослаблению сил противника и успешному действию наших войск.

Отдыхали недолго. Через три дня мы вновь уходили в тыл к немцам, но уже на другом направлении. Новое направление, новая обстановка, но освоились с нею быстро. Полк уже имел за плечами хороший опыт действий в тылу врага. И на новом направлении действовали более смело, решительно, уверенно. Чувствовали себя полными хозяевами положения.

В буднях боевой обстановки встречали Новый, 1942 год. Бойцы и командиры готовили свои новогодние «подарки». Так, рота Куренкова 30-го декабря разбила вражескую колонну и привела трех пленных, захватив 4 пулемета, два десятка автоматов и миномет. Старший сержант Н. А. Балашов со своим отделением из засады уничтожил до взвода фашистских солдат. Младший политрук Л. Г. Рысин с группой бойцов подорвал две автомашины с боеприпасами. И так готовили «подарки» все другие подразделения полка. «Подарков» к Новому году набралось много.

Новый год на базе встречали далеко не все. Большая часть полка встречала его, находясь на боевых заданиях. Те же, кто был на базе, встречали у замаскированных костров. Настроение было у всех боевое, приподнятое, уверенное в конечной победе над проклятым врагом. Бойцы хорошо поели, приняли по чарочке, делились мнениями, вспоминали бои, своих товарищей. Помните? У Пушкина в «Песне о вещем Олеге», «...бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...». Так вот и лыжники вспоминали свои славные дела.

В самый разгар встречи к нам пробрался через линию фронта младший политрук Леонид Петрович Богданов с небольшой группой бойцов из нашей 21-й дивизии и принес многим подарки. Конечно, самыми дорогими подарками были письма от родных. Получил письмо от Кончитушки и я. Новый год для нас с Кончитой имел особое значение. Это был шестой Новый год, как мы встретились, из которых порознь встречаем уже два: 1940 и 1942 — и виной тому были войны, и моей Кончитушке приходилось ждать и переживать за меня. Невольно предался *Воспоминаниям*. Новый, 1937 год встречали в театре «Ромеа» в Мурсии, но почти весь остальной год я провел на фронте. 1938 год встречали в Сочи в санатории имени К. Е. Ворошилова. Кончита танцует с молодым симпатичным лет-

чиком, к которому я чуточку приревновал её, хотя не было никакой причины, что я прекрасно понимал, но, что поделаешь, глупость порой берет верх над здравым смыслом. Кончита не виновата в том, что я не умею, да и не люблю танцевать, а ведь ей так хотелось потанцевать. Я ушел из зала на балкон. Кончита, не увидев меня в зале, прибежала ко мне со словами: «Пабло, ну зачем ты ушел?» Я обнял ее, прижал к себе: «Ничего, Кончитушка, не обращай внимания, пустилки, иди, танцуй». Но Кончита уже больше не танцевала. Так, по глупости, я испортил настроение человеку, ближе которого у меня не было на всем белом свете. 1939 год встречали с пионерами «Артека», были у них в гостях. 1940 год встречаем в разлуке — я на войне с белофиннами, Кончита в Стрельне, в положении, на 9-м месяце. 1941 год встречали в круту друзей в Пери, под Ленинградом, сыну Пете уже исполнилось 11 месяцев. Куча игрушек и первая в нашем доме елка. И вот 1942 год. Опять разлука. И грустно, и одновременно спокойно на душе. Кончите, конечно, трудно в эвакуации, но она с сыном в безопасности, я же выполняю свой священный долг гражданина, защищая свою родину, и знаю, что любимая ждет меня.

Моему настроению созвучно только что напечатанное в красноармейской газете стихотворение Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь». Это стихотворение читалось и перечитывалось бойцами сотни раз. Оно отвечало настроению миллионов защитников родины. Это стихотворение я вырезал из газеты и послал его Кончите. Оно и сейчас хранится в одном из моих фронтовых писем.

Я читал и перечитывал письмо Кончиты бесконечное число раз. Брал листки письма, прикладывал их к губам и чувствовал тепло ее рук, ощущал аромат родного человека, смотрел на ее фотографию, которая сопровождала меня во всех войнах. Письма Кончиты помогали мне переносить все тяжести фронтовой жизни, они придавали мне силу, вдохновляли меня, и я всегда знал, что нас соединит только победа над врагом, и я стремился к этой ПОБЕДЕ!

Уж коль я заговорил о стихах, то должен сказать, что они имели на фронте исключительно большое значение. Они поднимали настроение бойцов, воодушевляли их на подвиги во имя чистого, святого чувства любви к Родине. Никогда фронтовики не забудут ни «Катюшу» М. Исаковского, ни «Бьется в тесной печурке огонь» А. Суркова, ни «Васю Теркина» А. Твардовского. Да разве вспомнишь все фронтовые песни и поэтов, создававших их и помогавших нам громить заклятого врага. Мы, фронтовики, были благодарны писателям и поэтам, которые были в одном строю с нами в тяжелые годы войны.

Отметив Новый год, улеглись спать, ведь с утра опять в бой. Я не буду описывать все боевые действия полка на новом направлении.

Бои есть бои. Они часто похожи один на другой. Это и радость побед, и горечь поражений, это и кровь, и смерть — все вместе! Хочу лишь остановиться на одном эпизоде, говорящем о коварстве, бесчеловечности и подлости врага. Одно подразделение под командованием воентехника 1-го ранга Д. Ф. Бабахи вернулось после выполнения задания на базу без красноармейца Кобзева. Где он мог отстать, где он потерялся? Никто не заметил. Потеря каждого бойца всегда воспринималась болезненно. Наступила уже ночь, где его будешь искать? На другой день это же подразделение шло в засаду на том же направлении, что и накануне, и вдруг разведчики, идущие впереди, увидели Кобзева, сидящего у сосны, обрадовались и бросились к нему, но Кобзев неистово закричал: «Стойте, стойте, здесь немцы, засада, они вас перестреляют!» И действительно, после этого фашисты открыли огонь. Завязалась перестрелка. Бабаха, понимая, что так просто фашистов не возьмешь, решил обойти их. В этом маневре ему помог подошедший на выстрелы со своим взводом лейтенант Савельев. Немцы, обнаружив обход, стали отходить, пристрелив красноармейца Кобзева. Захваченный в плен немец показал, что Кобзев, раненный накануне в ноги, был взят ими в плен. На допросе, несмотря на угрозы, Кобзев ничего не сказал, и вот фашистский офицер решил использовать пленного в качестве приманки с целью завлечь в засаду наших бойцов и уничтожить их. Но, как видите, этот план у фашистов сорвался благодаря самоотверженному поведению красноармейца Кобзева. Фашисты понесли потери, а Кобзева пристрелил сам офицер.

Этот случай говорит о жестокости, бесчеловечности врага, для которого нет ничего святого, и в то же время показывает величие духа советских людей. Красноармеец Кобзев хорошо понимал, что его ждет, ценой своей жизни предупредил своих товарищей и тем самым спас их. На другой день, в присутствии всего полка, с воинскими почестями похоронили красноармейца Кобзева в лесу, рядом со своей базой. Посмертно он был представлен к присвоению ему звания Героя Советского Союза.

В январе я и Ваня Грошев как танкисты были отозваны из лыжного полка в свою родную, 21-ю танковую дивизию, уже почти полгода воюющую как обычная стрелковая. Покидали свой лыжный полк с болью в сердце. Мы сроднились с бойцами, сколько нами совместно было пережито, сколько было боев, самоотверженных поступков, взаимовыручек, и сколько могил мы оставили в этих приладожских лесах. Увы, боевые успехи давались нам нелегко.

Командующий 54-й армией генерал И. И. Федюнинский дал высокую оценку действиям лыжного полка, во многом способство-

вавшим успешному разгрому Войбокальской группы фашистов. За образцовое выполнение заданий, проявленную при этом доблесть и мужество, свыше 80-ти солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями. В том числе сержант В. И. Крупко, воентехник Д. Ф. Бабаха, капитан Магрицкий, старший политрук И. С. Грошев, красноармеец **С. А. Пономарев**, сандружинница В. Н. Чернышева и многие другие. Я был награжден третьим орденом «Боевого Красного Знамени».

За время пребывания в тылу немцев я ничего не знал о своих родных, живущих в Ленинграде. Вернувшись в дивизию, я узнал много горьких новостей. Так я узнал о царившем в городе страшном голоде. Зажатый в блокаду город оказался без продовольствия. Запасы, хранившиеся в Калашниковских складах, были уничтожены авиацией фашистов. Подлый враг, не сумевший сломить сопротивление войск, защищавших город, решил удушить мирное население голодом. Несмотря на начавшую действовать «Дорогу жизни», город голодал, вымирал, но не сдавался!

В эти дни из дивизии шла машина в Ленинград, и с ней поехало несколько наших офицеров. Они запасались всевозможными продуктами, закупая их в военторговской передвижной лавке. Кто-то вез даже мясо убитых лошадей. Видя такое, и я купил в военторге кое-какие продукты, но так как сам поехать не мог, то попросил одного офицера доставить их моей матери и сестре. Через несколько дней машина вернулась, и мне привезли записку от брата следующего содержания: «Здравствуй, Паля. Привет тебе от всех нас, за исключением Гоши, которого хороним сегодня, 15.01. Очень рады, что ты жив и здоров, давай скорее возвращайся с победой. Большое спасибо за посылку, так как здесь всем нам приходится туго с продовольствием. Привет Кончите. Ну скоро всему этому будет конец, и опять заживем по-прежнему. Крепко все мы тебя целуем и желаем всего доброго и главного здоровья. Коля. 15.01.42.

PS. Написал на скорую руку, так как тороплюсь идти рыть могилу Гоше».

Для меня это известие было столь неожиданным, что не сразу осознал написанное. Я не представлял себе размеров трагедии в городе. Как могло случиться, что умер Гоша, Георгий, сын моей сестры, мой любимый племянник. Умер хороший, озорной, умный, милый мальчишка, которому надо было бы жить и жить. Ему было всего 13 лет. Только перед самой войной он, как лучший ученик школы, побывал во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» и вернулся в Ленинград в самые первые дни войны. И вот его уже нет! Это была первая потеря в нашей большой семье в этой войне.

Мой город подвергался ожесточенным бомбардировкам, артиллерийским обстрелам. Он остался без света, без воды, без топлива, без транспорта и, самое главное, без продовольствия. Город был погружен в темноту, на улицах снежные сугробы с лежащими то тут, то там трупам погибших людей. Как жаль, что ни мать, ни сестра не послушали меня. Я как предчувствовал, что городу, жителям будет очень тяжело, но не в такой степени. Такого никто не мог предвидеть.

Я прочитал письмо брата своим товарищам, оно ожесточило всех моих боевых друзей. Разве можно было оставаться равнодушным, как все это можно было вытерпеть, когда крик боли разрывал сердце. Нет, я еще с большей ненавистью буду истреблять фашистскую нечисть! Не мы пришли к ним. Это они ворвались в наш дом и грабят, насилюют, убивают!

В Вологду на переформирование прибыли в конце первой декады марта 1942 года. Разместились на территории одного завода. Весь личный состав 21-й дивизии был распределен по трем вновь формируемым бригадам: 103-й, 104-й и 194-й. Командиром 103-й бригады был назначен подполковник Георгий Максимович Максимов, комиссаром — батальонный комиссар Белов, начальником штаба — майор Кокурин. Я был утвержден заместителем командира бригады. 104-й командовать стал полковник Кузнецов, а начальником штаба стал Володя Толубко. Вскоре стали поступать танки Т-34 и частично «КВ». Техника для нас была новой, и мы приступили к ее освоению. Занимались стрельбами, вождением и тактикой.

Как-то в один из вечеров сидели в штабе, делились впечатлениями, читали сводки с фронтов, и вдруг в комнату вбежал один наш офицер с радостным криком:

— *Знаете, кого я сейчас встретил? Ни за что не догадаетесь!*

— *Ну, мало ли кого ты мог встретить.*

— *Нет, подумайте. Это наш старый товарищ по Стрельне, по финской войне.*

Кого мы только не называли, но так и не отгадали.

— *Так вот, я встретил Анатолия Каяновича!*

— *Ты что, шутишь?*

Никто из нас не поверил. Все мы знали, что капитан Каянович, начальник разведки одного из корпусов Ленфронта, еще в сентябре 41-го был арестован как немецкий шпион и посажен в большой дом на Литейном, а оттуда редко кто выходил на волю. Поэтому это сообщение нас взволновало и обрадовало, так как мы все хорошо знали Толю Каяновича, образованного и культурного офицера, и никогда не верили, что он мог быть шпионом.

В страшное время мы жили. С одной стороны, нас окружала хо-

рошая, монолитная, дружная семья честных, преданных людей, отдающих все свои силы и знания на благо Отечества, а с другой, — мы становились свидетелями репрессий против наших товарищей. Нам объявляли, что они были врагами, с чем трудно было согласиться, ведь мы-то их знали лучше, и в то же время не думали, что нас так нагло обманывают. Мы теряли веру в людей, и порой говорили сами себе, что верить можно только себе. Наверное, мы были слишком наивны, воспитанные всей системой власти верить руководству партии, правительству, которое, как оказалось, нас обманывало! В этом была наша большая трагедия.

Капитан Каянович служил долгое время во 2-м запасном полку. В течение года он был моим подчиненным, работая начальником штаба батальона, и я был высокого мнения о его деловых и человеческих качествах. И вот он был арестован. Я не верил, что он был предателем, но шла война. События сменялись, как кадры в киноленте. Суета военных дней захлестывала нас. Обстановка была драматичной. Мы ежедневно теряли массу своих товарищей. И, что самое страшное, мы свыкались с потерями, сами рискуя поминутно. Наши чувства притуплялись. Другие события заслоняли прошедшие. И вот новое сообщение о Каяновиче.

Как оказалось, Каянович, действительно, был реабилитирован, и по пути в Москву за назначением делал пересадку в Вологде. Мы, его товарищи, были рады такому исходу. Позже до меня доносились слухи, что Анатолий продолжал службу начальником разведотдела корпуса, армии, а по окончании войны он стал начальником кафедры в Академии Генерального штаба, генералом, кандидатом военных наук. На этом сведения об Анатолии обрывались.

Прошло много лет. Я демобилизовался, ушел в запас, вернулся в свой родной город Ленинград и уже пару лет работал в гражданских условиях. Летом 1963 года семья жила на даче в Репино. В один из дней, окончив работу, я собрался поехать на дачу, сделал необходимые покупки, заехал домой, принял душ и ходил по квартире, когда вдруг раздался звонок. Обрадовался, думая, что пришел сын, и мы вместе поедem на дачу. Открываю дверь — и остолбенел. Передо мной стоял высокий, стройный, в строгом костюме Анатолий Каянович. Я сразу узнал его, хоть не виделся с ним двадцать с лишним лет. Сказать, что я был рад, значит, ничего не сказать. Я был в восторге, что вижу своего боевого друга. Обнялись, расцеловались, и так как дома, кроме меня, никого не было, то я предложил ему поехать со мной в Репино.

Кончита также была несказанно рада Анатолию. Посидели на уютной веранде, попили чаю. Анатолий был рад увидеть приехав-

шего с работы Петю, которого он помнил еще маленьким по Пери. Поиграл с нашей дочурочкой Таней. Ну и поскольку никуда не торопился, то остался у нас ночевать и, конечно, рассказал всю свою эпопею.

Да, действительно, он был арестован прямо на командном пункте корпуса. Его отвезли в большой дом на Литейном. Предъявили обвинение в шпионаже в пользу Германии, передаче фашистам совершенно секретной документации, карт с обстановкой и другой секретной информации. Допросы шли за допросами. Со следствием явно спешили, так как нужно было доложить начальству, что шпион разоблачен и понес соответствующее наказание, то есть расстрелян. Дело было за малым: следователю нужно было получить его признание и подпись. И на этом дело было бы закончено. Но вот этого-то они от Каяновича никак не могли получить. Анатолий опровергал одно обвинение за другим, и как следователь ни добивался получения признаний, ничего у него не получалось. Что только ни делали с ним, чтобы сломить его, кормили селедкой, а пить не давали, не давали спать ночью, при допросах, избивали — все было бесполезно. Сломить Анатолия они не смогли.

Следствие длилось уже два месяца — и все безрезультатно. И вдруг в штабе корпуса поймали с поличным настоящего шпиона, работающего под Каяновича. С Анатолия все обвинения были сняты. Было объявлено решение об его освобождении. Но проходит неделя, другая, а Анатолия не выпускают. Мало того, в его камере выбили в окошке стекло, а морозы в ту зиму стояли под 20–30 градусов. Как Анатолий не замерз, одному Богу известно! Просто он чудом остался жив. По-видимому, следователю свидетель его беззаконий был не нужен. Только благодаря большой силе воли Анатолий выдержал все эти испытания.

И вот в одну из декабрьских ночей Анатолия вытолкнули из ворот его тюрьмы. Сильно ослабевший, он едва брел. Вышел на Литейный и, не отдавая себе отчета, почему-то пошел в направлении Литейного моста. Помнит, что шел по едва заметной тропинке среди сугробов снега и уже на мосту потерял сознание. Очнулся только в госпитале и никак не мог понять, как он в нем оказался. Потом сестра рассказала ему, что его подобрал патруль, проходивший по мосту, и доставил в госпиталь.

В то время в госпиталях, как и во всем Ленинграде, с питанием было плохо, в палатах царил холод. И Анатолий задумался. Если он как-то выжил в заключении, то тут он вряд ли вытянет. Обо всем этом он написал записку одному нашему однополчанину, знакомому еще по службе во 2-м запасном полку — Василию Ивановичу

Волкову. Тот, получив записку, схватился за голову от страха. Как же, пишет-то ему шпион, как бы чего не вышло, взял и бросил записку Каяновича в корзинку для бумаг. К счастью, весть о записке распространилась по штабу. О ней узнал другой наш однополчанин, Георгий Иванов, который поинтересовался о ней у Волкова, а тот указал на корзинку. На счастье, уборка в штабе в военное время проводилась нерегулярно, и в корзинках бумаги скапливались неделями. Георгий с трудом, но нашел записку Анатолия. Узнал, где он лежит, и забрал Каяновича к себе домой. Вместе с женой они выходили Анатолия, подняли его на ноги. И вот, окрепнув, Анатолий отправился в Москву за назначением, так как управление кадров фронта не могло решить его дальнейшую судьбу.

А дальнейшая судьба Анатолия сложилась так, как я описал выше. В конце пятидесятых годов Анатолий, работая над докторской диссертацией, свалился с инфарктом. Поправившись и посоветовавшись с женой, подал рапорт об отставке, переехал в Калинин, ныне Тверь, и поселился там в небольшом домике, занимаясь выращиванием цветов. Но вот жена затеяла ремонт и на это время выпроводила Анатолия в Ленинград, чтобы не мешал. В Ленинграде через справочное бюро Анатолий нашел меня, и мы с ним встретились. Анатолий провел у нас два дня и уехал к себе в Тверь. Некоторое время мы переписывались, но в конце шестидесятых переписка оборвалась. В последних письмах Анатолий жаловался на здоровье. По-видимому, все пережитое им не прошло даром.

Мать Анатолия не дождалась сына. Слух о его аресте убил её. Горькими были ее последние дни!

В середине апреля, будучи в штабе БТ и МВ, узнал, что формирование бригады планируется до 15 мая, и выпросил у командующего бронетанковыми войсками генерала Я. Н. Федоренко отпуск на Урал. Конечно, 10 дней отпуска не ахти как много, так как с учетом дороги я мог провести со своей семьей дня четыре, но мне повезло. В гостинице Центрального дома Красной Армии я познакомился с директором одного уральского авиационного завода Н. Н. Норкиным, вылетел вместе с ним в Свердловск на его заводском самолете, сэкономив целых три дня, и с семьей я смог пробыть целую неделю, а это мечта для фронтовика. Из Свердловска в Камышлов добирался поездом. В Камышлов приехал рано утром. К деревне Казакова подошел около 7. Стояла хорошая, солнечная, теплая погода. Вошел во двор, первой увидела меня Антонина Павловна и закричала: «Кончита, Кончита, Павел приехал!» А та не верит, думает, что Тоня шутит, но все же вышла из избы и, увидев меня, бросилась в мои объятия. Петюшка еще спал, а когда

проснулся, то долго не мог понять — то ли он видит своего папку во сне, то ли наяву. Неделя промчалась, как дивный сон. За это время я побывал всюду, где нужно было. Выхлопотал Кончите паек, дрова и многое другое. Незаметно подкрался день отъезда. Кончитушка провожала меня и долго бежала по платформе вслед удаляющемуся поезду и все махала и махала рукой. Долго смотрел на бегущую Кончитушку и с тоской думал: когда я еще увижу самого дорогого мне человека, мою женушку.

Вернувшись в Вологду, бригаду не застал. Она была поднята по тревоге и отбыла на фронт. Получив сухой паек: хлеб, подсолнечное масло и соль, — тут же в одной из комнат комендатуры поел. Ох, как вкусен хлеб, смоченный в подсолнечном масле и присыпанный солью, вкуснее любых изысканных блюд. Отправился в Москву, где узнал, куда была направлена бригада, и нагнал ее только за Белевым, где, кстати, попал под ожесточенную бомбардировку. 103-я бригада вошла в состав 3-го танкового корпуса под командованием генерала Д. Г. Моставенко, и в течение второй половины мая и весь июнь вела бои местного значения.

22-го июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны, получил долгожданные письма из Ленинграда. Одно письмо было от мамы, второе от племянницы Жени, дочери моей сестры. Какое впечатление они произвели на меня, судите сами. Привожу письма дословно, как они есть, соблюдая их орфографию.

Письмо матери.

«Добрый день, дорогой Паля. Я рада, что вы живы и здоровы, я так беспокоилась о вас с Кончиточкой и Петюшкой, и молю Бога, чтобы вы остались живы и здоровы. Знаешь, Паля, как мне тяжело потерять таких дорогих и родных людей, я до сих пор не могу писать про них, как начну, так расстраиваюсь и не могу писать, потому я эти четыре месяца ничего не писала ни Кончитушке, ни тебе, врать, то есть скрывать смерть мне дорогих покойников не могла, а правду писать — не хотела вас расстраивать, да ты и Кончитушке не пиши, а то она расстроится. Когда приедете, тогда как-нибудь её аккуратно к этому подготовим, она ведь Катю очень любила. Женя тоже была покойником, но я её все-таки выходила, даром мои труды не пропали, теперь поправилась, но очень слабенькая и худенькая, да я и сама, если ты меня встретишь на улице, то не узнаешь, остались одни кости да кожа, так я похудела, и сама не знаю, как я все пережила. Но сейчас днем по хозяйству скучать времени нет, а как ночь приходит, они у меня, т.е. покойники, из головы не идут, и как начну про них думать, так наплачусь, что сон весь пропадает. Очень трудно забыть, ну что делать, наверное, такая уж судьба. Дорогой

Паля, Женя и я просим тебя, если у тебя есть кто-нибудь знакомый в Райсове, который мог бы устроить куда-нибудь полегче на службу в торговую сеть, если такой человек есть, то напиши нам в письме ему бумажку и попроси его, чтобы он устроил. Очень хочу написать письмо Кончиточке, но правду писать не хочу, её расстраивать и врать не могу.

Гоша, Катя, Саша и Коля умерли от одной болезни, от истощения. Прасковья с Галей живут на Георгиевской ул. Им дали комнату, но они скоро эвакуируются к себе на родину, так как Прасковья боится, что она в Ленинграде умрет. Жду с нетерпением, когда откроется второй фронт и когда совсем уничтожат этих проклятых фашистов, так они нам окаянные омерзли. Женя тебе написала, когда кто умер, в течение четырех месяцев 4 покойника. Коля, так он все время работал в ПВО и 31 марта в 7 часов вечера его привели домой, с ним там сделалось худо, еще бы такой упрямый, я ему говорила, чтобы ему надо было лечиться, он все пух — ноги, лицо и сам едва ноги передвигал, и все говорил: время военное и раскисать нельзя, а надо работать. Ну с 31 на 1-е апреля ночь переночевал, а утром в 10 часов так тихо умер, как уснул. Саша и Катя — эти лечились и лежали, а он хотел смерть побороть и все перемогался.

Дорогой Паля, напиши мне в письме, как Кончиточка себя чувствует и, чтобы мне ей не лгать, то можно ли ей написать правду об умерших. Мы очень соскучились по Кончиточке, по тебе и по Педрику [по-испански Петр — Педро, ласкательно — Педрик]. Так бы я его, ангелочка, расцеловала бы всего, и вы редко когда не снились, что почти я вижу во сне каждую ночь и рада и молюсь день и ночь Богу, чтобы он помог нашей Доблестной Красной армии и союзникам скорее побороть этого злейшего проклятого врага. Жду скорого ответа, извини, Паля, что плохо написала. Надеюсь, что война скоро кончится и скоро увидимся. Вот то будет радость.

Желаю, Паля, тебе всего хорошего, а главное — здоровья. Целую тебя крепко. Остаюсь, любящая тебя твоя мама София Липина, Женя и Сережа. Мой адрес; Большая Охта Пороховская д. 11 кв. 5. 17 июня 1942 года».

Письмо племянницы Жени.

«14/VI-42 г.

Привет из осажденного города Ленинграда. Дядя Паля, я и Сережа остались круглыми сиротами. Мама и папа умерли, так как не могли перенести все трудности. Мама умерла 26 февраля, а папа — 9-го марта. Болезнь одна — истощение (дистрофия). Я и Сережа здоровы. Живем мы теперь с бабушкой у нас. Бабушка переехала к нам на Пороховскую улицу. А 1-го апреля умер дядя Коля и тоже

одной болезнью. Остались теперь мы втроем: бабушка, я и Сережа. Вот почему мы вам долго не писали и тете Кончите, не хотели вас расстраивать. Нам так опротивели гитлеровские бандиты, из-за которых я потеряла родителей. Бейте их так, чтобы ни один разбойник не ушел живым из-под нашего любимого города Ленина.

Поздравляю вас с высокой наградой. О вас мы много читали в газетах, как вы защищаете свой город Ленина. Передайте привет тете Кончите и Петеньке. Пускай тетя Кончита поцелует за нас Петюшку много, много раз. Недалек тот час, когда мы будем вместе, хотя нет наших близких. Желаем вам скорого разгрома гитлеровских бандитов, мстите им за все наши трудности. Ждем скорой и радостной встречи. Целуем вас много, много раз. Дядя Паля, если будете в Ленинграде, заезжайте к нам. Больше писать нечего, остаюсь любящая вас племянница Женя. Ждем с нетерпением вашего ответа, так как больше у нас никого нет, кроме вас и тети Кончиты.

Женя»

Вот такие письма получил я. Я не буду описывать те чувства и мысли, обуревавшие меня. Эти известия были для меня тяжелым ударом. Я поклялся быть беспощадным к врагу до последнего удара сердца. Конечно, моей маме было чрезвычайно тяжело, я переживал за нее. Вынести все это на старости лет, похоронить своих детей, а самой остаться жить, имея на руках 16-летнюю внучку и пятилетнего внука. Позже она писала: «...мне бы быть на их месте, умереть, а им бы жить и жить, а вот я осталась, а их нет. Как мне тяжело, один Бог знает...»

Что я мог сделать в таком положении, когда вся страна залита горем. Чем мог помочь маме, племянникам? Послать 300–400 рублей, а что они значат в блокадном Ленинграде?! А послать больше не мог, так как денежный аттестат у Кончиты. Друзей, товарищей по бывшей службе разметала война. Кому писать?! И вот, после некоторого раздумья не придумал ничего более умного, как написать письмо лично Андрею Александровичу Жданову. Честно говоря, писал больше для успокоения своей совести, что я хоть что-то сделал, и даже ответа не ждал на свое письмо. Разве я один в таком положении? И каково было мое удивление, когда через пару недель получил письмо за личной подписью Андрея Александровича, в котором говорилось, что моей матери и племянникам оказана помощь продуктами, а племянница устроена на работу. Письмо заканчивалось такими словами «...смерть немецким оккупантам. Ваш А. Жданов». Жалею, что это письмо не сохранилось, затерялось в одном из госпиталей. Вскоре я получил письмо от мамы, в котором она писала, что им привезли из Обкома продукты, а Женю

устроили работать в продуктовом магазине, что находился на углу Большеохтинского проспекта и Пороховской улицы.

Я глубоко признателен Андрею Александровичу Жданову за его отзывчивость, что нашел возможность в такое тяжелое время откликнуться на мое письмо, не остался равнодушным. Благодаря ему Женя и Сережа остались живы, а мама все же не выдержала, не перенесла всех ударов, свалившихся на нее, и умерла в одной из больниц города в канун нового, 1943 года. Где её могила? Не знаю. То ли в братских могилах на Пискаревском мемориальном кладбище, то ли на Большеохтинском. Знаю только одно, что она лежит в священной для меня Ленинградской земле.

Как-то, три-четыре года назад, разговаривал с племянником Сережей, которому в 42-м было пять лет, а сейчас подполковнику запаса, Сергею Александровичу Мяцову, прослужившему в рядах Советской армии четверть века, уже 64 года. Разговор шел о войне, его родителях, и я рассказал ему всю историю, благодаря которой он и Женя уцелели, остались живы. И я спросил Сережу, можем ли мы, имеем ли мы право относиться к Андрею Александровичу Жданову плохо, так, как относятся к нему сегодня? Так вот что мне ответил мой племянник:

— Дядя Паля, ни я, ни Женя и ни наши дети не имеем права относиться к А. А. Жданову плохо! Только благодаря его человечности мы с Женей остались живы, и только благодаря ему у нас живут, учатся и работают наши дети и внуки!

Что тут скажешь? Сергей прав. Просто мы в силу низкой культуры привыкли все низвергать, худить, чернить. Так поступали большевики по отношению к людям старого режима, так поступаем и мы сейчас в угоду сиюминутным прихотям, забыв, что так же будут поступать и с нами наши преемники. А надо ли это? Ведь история не простит нам такого пренебрежительного отношения к ней! В каждом периоде нашего бытия всегда рядом идут как хорошее, так и плохое. Белое и чистое мы мешаем с грязным и черным: в итоге получаем СЕРОЕ!

К сожалению, мы забываем уроки истории, а это недопустимо в нормальном, здоровом обществе!

В начале июля 1942 г. я был отозван с фронта в Москву, в распоряжение командующего БТ и МВ Красной Армии. Вопрос стоял о моем назначении на должность командира 254-й отдельной танковой бригады. Пройдя все положенные в таких случаях инстанции, я был утвержден приказом Военного министра командиром бригады, в результате чего мое личное дело перекочевало с полки старшего командного состава на генеральскую полку. Мне было присвоено

звание подполковника. Бригаду формировал я в Костереvских лагерях, под Москвой. Срок на формирование бригады был дан две недели. За это время бригада должна была быть приведена в полную боевую готовность. В лагере меня уже ждали командно-начальствующий состав бригады. Почти одновременно со мной прибыл комиссар бригады, подполковник Николай Сергеевич Максимов, опытный и боевой политработник. Экипажи и средний комсостав должны были прибывать вместе с танками, маршевыми ротами с Урала, которые и не заставили себя ждать, а стали поступать со следующего дня. Так что уже на третий день мы смогли приступить к стрельбам и тактическому формированию рот и батальонов.

Командиром одного батальона был майор Федор Емельянович Садовский. По возрасту он был старше всех других командиров батальонов, ему уже было за сорок, и к тому же он имел большой опыт, так как командовал батальоном еще до войны. У меня же из-за нехватки кадров не было заместителя и, посоветовавшись с комиссаром, я решил взять его к себе заместителем, против чего в Москве категорически возражали, под предлогом, что он «сидел» и был выпущен всего за месяц-полтора до его назначения в бригаду.

Садовский и сам не скрывал, честно рассказал нам, что сидел лишь потому, что какому-то сверхбдительному начальнику из НКВД не понравилась его фамилия с окончанием на «-ский». Я же рассуждал так: мне с ним воевать, мне и отвечать за него, а я верил, что он честный и порядочный человек. Взял ответственность на себя и не пожалел. Федор Емельянович оказался хорошим боевым офицером и после моего ранения вступил в командование бригадой и командовал ею с честью.

В сентябре 43-го, после моего выхода из госпиталя, мы встретились с ним. Федор Емельянович был уже полковником с грудью, увешанной орденами. Он обогнал меня, я был только подполковником. Но Федор Емельянович воевал весь этот период, а я валялся по госпиталям. Все законно!

Прошло всего пять дней с начала формирования, и вот, поздно вечером, в бригаду приехали начальник и комиссар АБТ центра (Автомобронетанкового центра, отвечающего за укомплектование всей необходимой техникой формируемых бригад). Я уже не помню их фамилии, но это были довольно наглые люди в званиях полковников. Приехали и безапелляционно потребовали от меня подписать акт о приемке мною бригады. Подписывать акт я не стал, так как бригада была далеко не укомплектована. Не было средств связи, транспорта и цистерн для перевозки боеприпасов, продовольствия, горючего и многого другого. Бригада не была укомплектована по штатам.

И как они меня уговаривали и упрашивали, ссылаясь, что подписание акта простая формальность! Видя, что я не уступаю их напору, они стали мне угрожать, что я срываю им нормальную работу и буду за это отвечать. Ничего не добившись, озлобленные, они вынуждены были уехать несолоно хлебавши. На этом, казалось, все было закончено, лишь одно вызывало сомнение: зачем им так припичило подписывать акт, зачем нужна была такая спешка, ведь до конца формирования бригады было еще целых десять дней!

Что-то около часа ночи легли спать, а в три часа уже были разбужены. Привезли приказ генерала Федоренко на отправку 254-й танковой бригады на фронт. Вот тут-то и стало ясно, зачем руководству АБТ центра так срочно потребовался подписанный мной акт о приемке бригады. Так они «зарабатывали» похвалу начальства и получали награды за свою деятельность, отправляя недоукомплектованные бригады на фронт. Сколько таких бригад было отправлено на фронт. Сколько эти чинодралы причинили вреда, используя доверчивость и неопытность командиров бригад! Недаром жизнь многих танковых бригад на фронте исчислялась порой одной, двумя неделями!

Согласно полученному приказу, бригада отправлялась тремя эшелонами: первый должен был грузиться в 6⁰⁰, то есть через три часа, второй в 12⁰⁰, третий в 18⁰⁰. Бригада в таком состоянии не могла быть отправлена на фронт! Мне нечем было управлять бригадой в бою, не было раций. Отсутствие транспорта оставляло бригаду без запаса боеприпасов, горючего, продовольствия. Такая бригада была обречена на гибель в первых же боях. Это преступление!

Первоначально, по горячке, решил ехать прямо к Сталину и доложить ему, как «выгоняют» на фронт небоеспособные бригады. Но уже по дороге в Москву немного поостыл и решил не испытывать судьбу, не подставлять генерала Я. Н. Федоренко под удар, поэтому, подумав, поехал к Федоренко, к которому у меня была прямая доступ. Хорошо, что во время войны вся ставка Верховного Главнокомандующего работала ночами. Генерал Федоренко принял меня сразу, выслушав, крайне возмутился и тут же вызвал к себе начальника и комиссара АБТ центра, при мне учинил им разнос, объявив им неполное служебное соответствие. Мне же после их ухода сказал:

— Поздно вечером я был на докладе у товарища Сталина. На фронтах складывается чрезвычайно тяжелая обстановка, особенно под Сталинградом, и Верховный потребовал направить на фронт как можно больше танковых частей и соединений. На основании доклада начальника АБТ центра о сформированных 6-ти бригадах, в

том числе и 254-й, я доложил об их готовности к отправке на фронт в течение этих суток. Они меня подвели. Но что мне делать сейчас? Идти к Сталину с докладом, что на основании ложной информации вместо 6-ти бригад будут направлены только 5. Вы понимаете мое положение? Я не могу этого сделать!

— Товарищ генерал, но я не могу с такой бригадой ехать на фронт. Бригада небоеспособна!

— Все, что я могу сделать, это оттянуть сроки погрузки, но не более чем на 6 часов. Бригады должны убыть на фронт в течение этих суток. Но за это время я приму все меры к полному её укомплектованию всеми средствами до полного штата. Вот все, что в моих силах. Вы согласны со мной?

— Мне все ясно, но бригада убывает на фронт, не проведя ни одного бригадного учения. Она не сколочена.

— Вы думаете, что вы один в таком положении. В силу сложных обстоятельств на фронтах большинство бригад отправляются на фронт, не проведя ни одного учения. Не мне вам это объяснять. Судьба Сталинграда висит на волоске. Так приступайте к выполнению приказа с отсрочкой на 6 часов!

— Слушаюсь, товарищ генерал.

— Тогда возвращайтесь скорее в бригаду и держите меня в курсе дел. Желаю успехов.

И генерал вышел из-за стола, пожал мне руку и проводил до двери.

Собственно говоря, мне ничего другого не оставалось, как согласиться, что я и сделал. Но одновременно я понял и другое, от какой неприятности я избавил Федоренко, обратись я к Сталину. Все танкисты с уважением относились к генералу за его деловые и человеческие качества. Мы знали много случаев, когда Я. Н. Федоренко вставал на защиту танкистов при неправильном использовании танков пехотными командирами, которые, часто не считаясь с техническими возможностями танков, не предоставляли командирам бригад достаточного времени для организации боя, всегда оправдываясь особо тяжелым положением на фронте. Если бы я пошел к Сталину и доложил ему, как «выгоняют» неуккомплектованные танковые бригады на фронт, то мог выйти из его кабинета и генералом, и рядовым штрафбата. Меня могли не понять. Я вступал в борьбу с большими силами, ведь Федоренко был его заместителем, к тому же я мог быть и не принят Верховным, в силу его занятости. А время шло, было уже около пяти, и до погрузки оставался какой-то час, меня могли обвинить в невыполнении приказа, а это грозило военным трибуналом. Может быть, я проявил слабость в

этом вопросе? Может быть! Но, тем не менее, я покидал кабинет Федоренко в несколько приподнятом настроении, я был удовлетворен, что бригада будет полностью укомплектована.

Едва вернулся в Костеревские лагерь, как стала поступать вся недостающая материальная часть и средства связи. В считанные часы бригада была полностью укомплектована. Федоренко сдержал свое слово. Бригада погрузилась и отправилась под Сталинград строго по графику, смещенному на 6 часов. Я отбыл с первым эшелоном. Эшелоны шли через Рязань, Мичуринск, Грязи Воронежские, Поворино — в Сталинград.

Начиная с Рязани, эшелоны систематически подвергались налетам авиации противника, и, чем ближе продвигались к фронту, тем чаще и мощнее были налеты. Часто, прибывая на очередную станцию, нашим глазам представлялась картина страшного разрушения. Сгоревшие и изуродованные теплушки, платформы, разбросанная изуродованная боевая техника, которая так была нужна фронту. Чтобы не оказаться в таком положении и довести бригаду в Сталинград в полном составе, решил на станциях не стоять и, при отсутствии встречных поездов, требовать вывода эшелона на внешние пути, ибо скопившиеся на станции эшелоны представляли легкую для поражения цель. Так я и делал, несмотря на сопротивление начальников станций. В отдельных случаях приходилось прибегать к крайним мерам, но другого выхода не было. Так действовали и начальники других эшелонов бригады. И только благодаря этому бригада сосредоточилась под Сталинградом в полной боевой готовности.

В трехстах километрах от Сталинграда железнодорожные пути были основательно разрушены бомбежкой. Оценив обстановку, принял решение разгружаться прямо в поле и дальше следовать своим ходом. Вести колонну приказал начальнику штаба, сам же выехал в Сталинград, в штаб фронта. Командующего не застал, выкладывал его заместителю по бронетанковым войскам генералу Новикову, который ознакомил меня с обстановкой на фронте и назначил район сосредоточения бригады в ожидании боевого приказа. Оставив офицера связи, встретил колонну, разместил ее в указанном районе. Едва успел отправить офицеров для встречи других эшелонов, как прибыл офицер из штаба 62-й армии с боевым приказом командующего армией генерала В. Я. Колпакчи с требованием немедленно ввести бригаду в бой, так как 62-я армия занимала очень узкий плацдарм вдоль правого берега реки Дон в районе Калача и вела очень тяжелые оборонительные бои. Выехал на командный пункт командующего, доложил генералу, с

которым встречался в марте 1937 г. под Гвадалахарой, о прибытии только одного батальона из четырех и что принимаю меры к сбору всей бригады. Лично готов приступить к ознакомлению с общей обстановкой и местностью предстоящих действий, но до прибытия всех других частей бригады в бой не вступаю.

Что тут началось, передать невозможно! Были и крики, и угрозы, и даже оскорбления, причем не столько от командарма, сколько от членов военного совета армии и от штабных чиновников. Попытался образумить их, напомнил о приказе Сталина за № 00227, запрещающего использовать танковые бригады по частям, ведущих к неоправданным потерям, но мои доводы в этом гвалте успеха не имели. Я покинул КП и поехал прямо в штаб фронта, где доложил генералу Новикову об инциденте с генералом Колпакчи. Новиков поддержал меня, но потребовал более энергичных мер к сбору бригады, подтвердив тяжелое положение 62-й армии.

Около шести часов вечера в расположение штаба бригады въехала вереница легковых автомобилей, из которых вышла группа старших офицеров во главе с двумя генералами, в одном из них я узнал заместителя командующего 62-й армией. В приехавшей группе были и прокурор армии, и начальник группы СМЕРШ. Все гуртом навалились на меня, взяли за расследование причин невыполнения мною приказа командующего армией. Меня почти не слушали, и, как я понял, они или не знали, или игнорировали приказ главкома 00227. Дело шло к моему аресту. Поняв, что мне просто так от них не отделаться, я под благовидным предлогом вышел из палатки, попросив комиссара заняться с приезжими, а сам украдкой от них выехал в штаб фронта. Ни командующего фронтом, ни генерала Новикова я не застал, начальник же штаба поддержал требование командарма, приказав немедленно выполнять его приказ. Пришлось связаться с генералом Федоренко, и только после его вмешательства последовало распоряжение о прекращении исследований в отношении меня, ибо я был прав.

Вернувшись к себе, еще застал некоторых представителей армии, правда, уже отъезжающих. Только к вечеру следующего дня собрал всю свою бригаду, и, переправившись по понтонному мосту через Дон, после короткой рекогносцировки и увязки взаимодействия, бригада заняла боевые позиции в боевых порядках стрелковых частей.

Бои на плацдарме носили исключительно тяжелый характер. Противник всеми силами стремился сбросить 62-ю армию с занимаемых ею позиций. Атаки следовали за атаками. Артиллерия обрушивала на нашу оборону тысячи тонн снарядов. В небе все вре-

мя висела фашистская авиация и бомбила, бомбила без перерыва. Каждый клочок земли подвергался обстрелу, не было живого места, где бы ни рвался снаряд или бомба. Противник нащупывал слабые места в обороне армии. Бригаде приходилось все время менять позиции, отражая противника. Бои шли с рассвета и до поздней ночи. Только в течение короткой летней ночи наступала маленькая передышка, используемая для пополнения боеприпасами, горючим, ремонта подбитых танков и отдыха экипажей. На плацдарме творилось что-то ужасное, но наши бойцы сражались героически. Бригада, несмотря на то, что не прошла необходимого сколачивания, действовала слаженно и своими действиями сыграла большую роль в удержании плацдарма 62-й армией.

Так бригада действовала в течение шести суток. На седьмые, рано утром получил приказ командующего фронтом немедленно передислоцироваться в район станицы Верхне-Царицынской. До этого я знал, что в этом районе намечалось сосредоточение танкового корпуса, поэтому я сильно обрадовался, что вольюсь в свой родной род войск, и что теперь танки впредь будут действовать массированно и более целесообразно использоваться. Доложил генералу Колпакчи о полученном приказе, о котором он уже знал, и только просил меня не выводить танки сразу днем, а дожждаться наступления темноты, аргументируя тем, что если немцы засекут отход танков, то они примут все меры, чтобы сбросить армию с плацдарма. Но этот вопрос я решить не мог, это влекло за собой невыполнение приказа командующего фронтом. Пришлось связываться с ним, и только после его разрешения бригада осталась в боевых порядках армии до темноты.

Уже ночью на марше разведка, высланная вперед, донесла, что южнее станицы Верхне-Царицынской, в районе станции Абганерово, ведет оборонительные бои 194 танковая бригада против частей 48-го танкового корпуса немцев. На рассвете бригаду нашел самолет ПО-2, и офицер связи штаба фронта вручил приказ, из которого следовало, что на рубеже: озеро Цаца, Плодовитое, Абганерово, Громославка занимают оборону четыре стрелковых дивизии, 13-й танковый корпус полковника Танасчишина, три отдельных танковых бригады. Но это было на бумаге, а на самом деле все перечисленные соединения, кроме 194-й и 254-й танковых бригад, выходили из окружения. Под Абганерово оборонялась только одна 1940й танковая бригада, которая в прямом смысле истекала кровью. 254-й пришлось вступать в бой прямо с ходу. Связавшись с командиром 194-й бригады, уточнил рубежи обороны и распределил силы бригады так: два танковых батальона с двумя ротами мотострелков и

самоходной батареей держат оборону Абганерово, а один батальон с ротой мотострелков находится в резерве, на случай отражения возможных прорывов противника. Поскольку местность позволяла противнику применять обходные маневры, то на других направлениях организовал наблюдение с автомашин с рациями. В приволжских степях видимость позволяла вести наблюдения за передвижением вражеских колонн на десятки километров.

Бои были ожесточенными и кровопролитными. Станция Абганерово переходила из рук в руки несколько раз. Трудно было, не имея никакой инженерной техники, отрывать окопы для танков. Всем приходилось очень тяжело, я даже не знаю, когда экипажи могли отдыхать. Окопы рыли по ночам, днем для этого не было ни времени, ни возможностей, да и авиация противника этому препятствовала, но зато танки, укрытые в окопе по самую башню, были малоуязвимы и в то же время наносили противнику серьезный урон. Требовалось большое количество боеприпасов и горючего, вот тут-то я еще раз вспомнил недобрым словом Московских чиндралов из АБТ центра, пытавшихся выпихнуть бригаду без средств связи и автотранспорта.

На третий день боев части противника прорвались к нам в тыл, заняв разезд № 74, и нам с большим трудом удалось ликвидировать эту прорвавшуюся группировку противника. Приходилось все время маневрировать, постоянно менять позиции, контратаковать, переходить от обороны к контратакам.

Стрелковые части и 13-й танковый корпус, оборонявшиеся на рубежах станций Цымлянская, Котельниково, потерпев поражение, отходили в район Абганерово разрозненными группами и, приведя себя в относительный порядок, вновь вступали в бой. Сил прибавлялось, но враг, имея 4-кратное превосходство, усиливал нажим, вводя все новые и новые части. Бои носили чрезвычайно напряженный характер, мы несли большие потери.

Не могу не отметить грамотные и решительные действия своего заместителя, майора Садовского, командира 2-го батальона Кондратюка, продолжавшего управлять своим батальоном из подбитого танка, а также командира танка Кацубу, оказавшегося в тылу противника, но продолжавшего вести бой из поврежденного танка и только ночью вернувшегося в бригаду, восстановив гусеницу. О лютой ненависти к врагу говорит хотя бы такой случай. В бригаде заместителем начальника особого отдела был капитан Соминский, семья которого была уничтожена в самые первые месяцы войны под Минском. Так вот он, в обязанности которого по своему служебному положению не входило прямое участие в боевых действиях,

все время рвался в бой и неоднократно просил меня включить его в состав какого-нибудь экипажа. Однажды, заняв место убитого накануне командира взвода, принимал участие в боях и лично уничтожил большое количество живой силы противника и три немецких танка. Список бойцов, отличившихся в боях, можно продолжать, ибо все действия личного состава бригады были достойны высокой оценки.

К сожалению, я недолго командовал бригадой. В одном из боев в мой танк попал снаряд и разорвался внутри. Было полное ощущение, что взорвался сам танк. Грохот разрыва оглушил меня и выбросил из танка. Спасло меня то, что я стоял в открытом люке, наблюдая за действиями бригады, все мое туловище было снаружи танка, и я даже не понял, как оказался лежащим на земле. Вскочил — и сразу же упал, вновь вскочил — и опять упал. Так было несколько раз — пять, шесть, десять — не знаю, но в одно из таких падений, лежа на земле, взглянул на ноги — и только тут увидел, что обе ноги перебиты. Никакой боли я не чувствовал и ничего не слышал, кроме сильного звона в ушах. В это время меня подхватили подбежавшие бойцы, и только тут я почувствовал боль и сказал, что мне больно, но голоса своего я не услышал, как не слышал и всего того, что творилось вокруг. Меня оттащили в ближайший овраг, положили на плащ-палатку и отнесли на передовой медпункт, где сделали перевязку, наложив шины и затянув жгут выше колена, чтобы уменьшить потерю крови, после чего отправили в Сталинградский госпиталь. Все это время я ни на минуту не терял сознания и все хорошо помню.

Позже мне рассказали, что весь экипаж погиб, а танк сгорел. Многие удивлялись, каким чудом я уцелел. Это был уже четвертый, подбитый подо мною танк, за все войны, в которых я принимал участие.

В Сталинградском госпитале мне сделали операцию и запленили в гипс почти до самого пояса. У меня были перебиты обе ноги, раздроблены кости, все тело было прошито множеством металлических осколков, поэтому лечиться пришлось долго. Контузия скоро прошла, и слышать я стал уже на третьи сутки, а звон в ушах остался на всю мою жизнь.

Не скажу, что я не боялся ни артобстрелов, ни бомбежек. Наверное, нет на свете человека, который бы ничего не боялся, но таков уж закон самосохранения. Но когда я был здоровым, то легко подавлял в себе чувство страха, а вот когда я оказался лежащим, когда рядом с госпиталем рушились от бомбежек дома, когда содрогался весь госпиталь и вылетали стекла из окон, а в палату врывалась взрывная

волна с тучей пыли, то было жутко отвратительное состояние. Я был беспомощен что-либо сделать, не мог ни встать, ни уйти. Поверьте — это очень трудное состояние для человека.

В один из дней в госпиталь приехал генерал Новиков и вручил мне за успешные бои орден Отечественной войны II степени.

Как тяжело раненного, меня решено было эвакуировать в тыловой госпиталь. В Саратов меня перевезли на легковой машине в сопровождении двух бойцов и медицинской сестры, по дороге, идущей вдоль Волги и захваченной немцами буквально на другой день. В Саратовском госпитале у меня началась газовая гангрена. Температура поднималась к сорока одному градусу, и на что я крепкий, но при такой температуре терял сознание. Стоял вопрос об ампутации левой ноги. Уже на операционном столе я просил хирурга сохранить мне ногу. На что смоленский профессор Оглоблин, делавший операцию, сказал: «Голубчик, Вам не о ноге надо думать, а о жизни».

Вот так. Я даже и не знал, что газовая гангрена столь опасна. Мне ввели наркоз в вену правой руки, но одной ампулы не хватило, ввели вторую, я медленно засыпал и впал в забытие и больше уже ничего не чувствовал. Очнулся в палате — и в первую очередь взглянул на ноги: к моей неописуемой радости, обе ноги были целы. Я глубоко благодарен профессору Оглоблину, сохранившему мне ногу и не давшему уйти в мир иной. Как только прошла опасность распространения гангрены, меня эвакуировали в один из госпиталей Челябинска, где мне сделали еще одну операцию, которую делал замечательный хирург и человек Петр Михайлович Тарасов. К сожалению, его уже тоже нет с нами. Мне рассказывали, что в середине шестидесятых годов в последний путь его провожал весь Челябинск.

Лежал я в 4-местной палате. На моей прикроватной тумбочке стояла фотография Кончиты. Все было бы хорошо, но из-за частой смены моих полевых почт у меня прервалась на какое-то время связь с Кончитой. Последнее письмо от нее я получил, еще будучи в 103-й бригаде в июне, а сейчас стоял уже конец сентября. Почти три месяца я ничего не знал о своей Кончитушке. Это было для меня тяжелым переживанием. И только уже из Челябинска я ей послал письмо, заранее зная, что она будет рваться ко мне, и представляя, с какими трудностями ей придется встретиться в дороге, поэтому я просил ее не приезжать ко мне. Легко и затеряться. После короткого, но утомительного ожидания получил письмо от Кончиты. Она, конечно, сильно волновалась, не получая от меня писем, тем более, что на запрос, посланный ею в Главное управление кадров, ей сообщили, что я убит, а после повторного запроса,

что я пропал без вести. Чего стоили эти сообщения Кончитушке, и хотя она всегда верила в мою звезду, что я не могу быть убит, так как она все время ждет меня, но все равно ей было очень тяжело получать такие известия. Хорошо, что она не упала духом, верила, что я жив, а, получив письмо от моего комиссара Николая Сергеевича Максимова, в котором он писал о моем ранении, она вообще воспрянула духом.

Узнав, что я лежу в госпитале, ей показалось, что я нахожусь в тяжелом состоянии и нуждаюсь в её помощи, зову ее, жду ее. И конечно, получив мое письмо, первым её порывом было ехать ко мне в Челябинск, но хорошо, что она послушалась меня. Я же надеялся, что как только я встану на костыли, то сразу же переведусь на лечение в Камышлов, где буду иметь возможность, пока лечусь, видеть Кончитушку и Петюшку.

В ожидании моего приезда в Камышлов местные власти и уже упоминаемый мною секретарь райкома Владимир Иванович Перевозов помогли Кончите перебраться из деревни Казакова в город с тем, чтобы она была поближе к госпиталю.

В один из дней в нашу палату внесли на носилках и положили на соседнюю койку полковника Николая Ивановича Краснобаева, раненного в ноги. Его сопровождала жена Мария Львовна, которая затем проводила с нами все дни, до самого вечера, и тем самым внесла большое оживление в нашу, довольно скучную госпитальную обстановку лежащих больных.

До войны Мария Львовна преподавала в военной Академии им. М. В. Фрунзе английский язык, а с начала войны работала в прокуратуре дивизии, которой командовал Николай Иванович. Она была очень начитанной и интересной собеседницей. О чем мы только не говорили — и о положение на фронтах, и о литературе, искусстве, истории, ну и, конечно, об Испании и моей Кончите, которую знал весь госпиталь, от нянечек и до начальника госпиталя. Многие приходили в палату, чтобы посмотреть на фотографию Кончиты и услышать романтическую историю нашей любви. И все недоумевали: как это могло случиться, что командир Красной Армии смог жениться на иностранке.

В первых числах ноября 1942 г., поздно вечером я сошел с поезда на перрон Камышловского вокзала. Меня никто не встречал, так как я не известил Кончиту, каким поездом приеду, потому что и сам этого не знал. В годы войны пассажирские поезда ходили не по расписанию, и чаще всего приходилось добираться на любых попутных товарных или воинских поездах. Вот и сейчас я приехал с воинским эшеленом. Ковыляю по перрону на костылях. Огляделся. Спросил

мужчину, одетого в железнодорожную форму:

— Скажите, как мне добраться до улицы Карла Маркса?

Он стал мне довольно путано объяснять, а тут подходит одна, а потом и вторая женщины и говорят:

— Да чего ты так бестолково объясняешь. Бросьте его слушать, товарищ военный. Куда вам нужно?

— Да вот — говорю, — как мне ближе дойти до улицы Карла Маркса?

— А к кому Вы идете, если не секрет? Мы знаем всех своих, а Вы не наш, не здешний, не Камышовский.

— Нет, не секрет. У меня жена с сынишкой в эвакуации из Ленинграда.

— Ах, вот оно что. Ну, тогда давайте мы Вас проводим. Вам не трудно идти, а то мы поможем?

— Нет, не трудно, спасибо, я и сам дойду.

И вот мы пошли. Они довели меня до дома, где жила Кончита. А по пути все расспрашивали: с какого я фронта, откуда сам, куда ранен и не встречал ли я их мужей, они тоже воюют под Сталинградом. Ну и о многом другом расспрашивали меня. Бедные женщины, жаждали своих мужей, но остались добрыми, отзывчивыми и равнодушными. Спасибо вам, русские женщины.

Хотя Кончита знала, что этими днями я должен был приехать, но все равно наша встреча опять была неожиданной и поэтому особенно радостной. Мы всегда встречались, как будто в первый раз, а потому нас обоих охватывал особенный восторг, не покидавший нас никогда. Опять мы вместе, снова держим друг друга в объятиях, снова не можем оторвать взгляда друг от друга, и с нами наш Петюшка. Ему уже почти три годика. Он обнимает меня своими ручонками. Маленькая, но семья.

На другой день в сопровождении Кончиты добрался до госпиталя, помещавшегося в небольшом 2-этажном каменном здании. Сразу же при входе бросилась в глаза сутолока и перегруженность сверх всякой меры. Где только не лежали раненые — и в коридорах, и в проходах, во всех закутках. Освещение было плохое, электрические лампочки горели в полнакала. Дискомфортность и неуютность этого лечебного заведения усиливала отвратительная атмосфера, пропитанная не столько запахом лекарств, сколько запахом разлагающейся крови. Госпиталь оставлял удручающее впечатление. Его начальник, военврач 2-го ранга, растерялся, не зная, куда меня положить. Все палаты были переполнены, даже в кабинетах врачей лежали раненые. Тесно, душно. Договорились так, что я буду жить дома, а в госпиталь буду ходить на процедуры и перевязки. Начальник госпиталя вздохнул с облегчением, да и мне были полезны променады после долгого лежания.

Мы жили в хорошем доме, занимая одну комнату. Хозяин, Александр Николаевич, служил на железной дороге машинистом, был общительным и доброжелательным человеком, чего не скажешь о его жене Марии Петровне, занимавшейся домашним хозяйством. А хозяйство у нее было немаленьким: две коровы, теленок, несколько свиней, гуси, куры и довольно большой огород. Детей у них не было, да она их и не любила, к тому же была довольно прижимистой особой. Продукцию своего хозяйства она продавала на вокзале. Сварит ведро картошки, наполнит чашку кислой капустой и идет продавать втридорога проезжающим на фронт солдатам. Для кого война была страшным бедствием, а для неё золотым дном. На этой почве у Александра Николаевича было много ссор с женой, но, будучи слабохарактерным человеком, дальше ссор дело не доводил, и все оставалось по-старому, так, как хотела Мария Петровна. Он работал, она торговала, и деньги после походов на вокзал тщательно пересчитывала и прятала в сундук. Но самым отвратительным в ее поведении было отношение к мужу: сама она питалась украдкой и мясом, и курятиной, и сметаной, а мужа кормила одной картошкой с капустой. Мы удивлялись её эгоизму и корыстолюбию.

Мы с Кончитой жили на пайке, получаемом в Военторге. Но пайка хватало только на две недели, вторую половину месяца жили на комбриговское жалованье, покупая на рынке и у хозяйки продукты. Моего жалованья едва хватало до конца месяца, ведь килограмм мяса стоил тогда 400–500 рублей. Приходилось затягивать ремешок, но все равно мы не унывали и радовались жизни, не чувствуя ее тяжести.

Однажды к дому, где мы жили, подъехали легкие сани, запряженные грациозной лошадкой и управляемые женщиной. Из саней вышел военный с палочкой и направился прямо в наш двор, постучал, Кончита открыла дверь. В полумраке декабряского дня я не сразу разглядел вошедшего, и только когда он заговорил, я узнал его: передо мной стоял никто иной, как Николай Иванович Краснобаев. Встреча была неожиданной. Как он мог оказаться здесь, в Камышлов? Ведь всего лишь каких-то пару месяцев назад мы расстались с ним в Челябинском госпитале, он готовился к отъезду в Москву за назначением, а я — на лечение в Камышлов. Это казалось каким-то чудом! Но все объяснялось просто: Николай Иванович получил назначение начальником Камышловского пехотного училища и, зная адрес Кончиты, решил навестить нас. С ним приехала и его жена Мария Львовна. Я познакомил их с Кончитой, сыном, и этот день стал для нас праздником. Было много разговоров, милых и приятных бесед. Потом мы часто встречались с Краснобаевыми.

Мария Львовна полюбила Кончиту, как свою родную дочь. Вообще не любить Кончиту было невозможно.

Время шло. Раны не закрывались, осколки продолжали выходить. Рентген в Камышловском госпитале из-за слабого напряжения не работал, и я вынужден был в апреле 43-го перевестись в Свердловский госпиталь № 414. Госпиталь размещался в бывшем «Доме промышленности», в котором я пролежал еще четыре месяца, но мои раны так и не закрывались, мало того, открывались новые и выходили мелкие металлические и костные осколки. Врачи разводили руками и объясняли все сильной раздробленностью костей и наличием большого количества мелких металлических осколков. В один из июльских дней меня навестила Кончита. Оставив Петюшку у Тони, сама приехала в Свердловск и начала искать «Дом промышленности», но так как она говорила с сильным акцентом, то слово «промышленности» ей было трудно выговорить, и у нее получалось что-то вроде «промлисти». Её не понимали, переспрашивали и все равно не могли понять. Так было несколько раз, и наконец, увидев милиционера, она обратилась к нему.

— Скажите, пожалуйста, где тут дом промлисти?

— Что, что вы говорите? — переспросил милиционер. Кончита повторила свой вопрос, но он все равно её не понял и спросил:

— А откуда Вы?

— Я из Камышлова!

— А что, у вас в Камышлове все так плохо говорят?

Так он ничем не помог Кончите. Спасибо, что хоть он ее не задержал, приняв за какую-нибудь шпионку. Кончите пришлось продолжать искать этот таинственный «Дом промышленности».

Выехала Кончита из Камышлова в 7:00, а уже было около 14:00. Она основательно устала, да и проголодалась, и вдруг, на счастье, она встретила с двумя военными врачами. Вот эти люди помогут мне найти госпиталь, решила она. Они были её последней надеждой, и она обратилась к ним с тем же вопросом, врачи поняли её и спросили:

— А зачем Вам нужен этот дом?

— В этом доме находится госпиталь, а в нем лежит мой муж.

— А кто Ваш муж?

— Он военный, командир бригады, подполковник.

— Скажите, Вы нерусская. Откуда Вы, не из Прибалтики ли?

— Нет. Я испанка.

— Вы испанка? А как Вы сюда попали?

— Я приехала в Советский Союз вместе с мужем. Он воевал в Испании.

— А он что, тоже испанец?

— Нет, он русский. Он танкист, командовал в Испании батальоном, а сейчас после ранения под Сталинградом лежит в госпитале, который я ищу.

— А как фамилия Вашего мужа?

— Липин.

— Так мы знаем Вашего мужа. Пойдемте с нами.

— Вот смотрите, это и есть Дом промышленности.

Оказывается, дом был рядом. Врачи довели Кончиту до самой моей палаты. А там её уже все знали по моим рассказам, и все были рады ей, не говоря уже обо мне. Кончита пробыла в Свердловске четыре дня. Больше не могла, ведь в Камышлове оставался Петя, и хотя за ним ухаживала Тоня, но все равно Кончита очень беспокоилась за сына. За это короткое время мы трижды побывали в театре оперы и балета. Посмотрели балет «Лебединое озеро» и оперы «Евгений Онегин» и «Травиату».

Больничная обстановка за годичное пребывание в госпиталях опротивела мне так, что я не находил себе места. В конце августа потребовал выписки. К тому времени я уже бросил костыли и ходил только с палочкой. Администрация отказала мне в выписке, ссылаясь на незаживающие раны. Пришлось давать расписку в том, что я не имею никаких претензий и прошу о выписке. Только тогда я получил документы. Выехал в Москву за назначением.

В Москве начальник управления кадров, бригадный комиссар Сергей Фролович Максимов, узнав, что я выписался не долечившись, хотел меня уложить на долечивание, но я взмолился и просил о назначении.

— Но в таком случае куда я Вас могу назначить? На фронт послать Вас я не могу, у Вас ограничение да и открытые раны. Вы неполноценный командир.

— Куда угодно!

— Куда угодно?! Но куда? В тыл, но там все должности вашей категории уже заняты такими же, как Вы инвалидами, а на полк Вы сами не пойдете. Так как это понижение для Вас, а я не имею основания понижать Вас в должности.

— А почему Вы думаете, что я не пойду на полк? Пойду на любую работу, лишь бы она была.

— Конечно, это Вам решать, но только при условии подачи рапорта, что Вы идете на понижение по своей воле. Но предупреждаю, подумайте хорошенько, не пришлось бы Вам жалеть о своем решении. Я не тороплю Вас с ответом.

— Я уже решил. Жалеть не буду. Согласен на учебный полк.

Я рассуждал так: мне сейчас 34 года, позади только 11 лет службы в армии. У меня еще все впереди. Будут и бригады, и дивизии — все будет. И я тут же написал требуемый рапорт. Бригадный комиссар прочитал рапорт, покачал головой, сказав:

— *Напрасно Вы это делаете. Ваше личное дело с генеральской полочки перекоцует на полку старшего командного состава. Пока я Ваш рапорт кладу под сукно. Я не тороплю Вас, подумайте хорошенько. На понижение никто не идет по собственному желанию, Вы у меня один такой.*

— *Товарищ комбриг, я все решил. Прошу назначения на учебный полк.*

На этом разговор был закончен. Уже через неделю я получил назначение на должность командира 25-го учебного полка в Уральском Военном округе. Полк размещался под старинным купеческим городом на реке Тобол — Курганом.

В один из дней моего пребывания в Москве, спускаясь по лестнице гостиницы Дома Красной Армии к ожидавшей меня машине, я лицом к лицу столкнулся с Федором Емельяновичем Садовским. Навстречу мне поднимался полковник с грудью, полной орденов. Увидев меня, он бросился обнимать, восклицая: товарищ комбриг, товарищ комбриг, Вы ли это?! Мы обнялись, расцеловались. Оба были чрезвычайно рады встрече. Этот день, да и все последующие до моего отъезда, мы проводили вместе, в *Воспоминаниях* о тяжелых боях под Калачем и Абганерово. Вспоминали и тех, кого уже не было среди нас.

Федор Емельянович рассказал мне о последующих боях бригады, о совещании, проводимом в марте 1943 г. Верховным Главнокомандующим в Кремле, на котором присутствовали все высшие начальники от командиров отдельных бригад до командующих фронтами. На совещании проводился подробный разбор всей Сталинградской операции с анализом действий соединений. Особое внимание Сталин обратил на первоначальный период боев на подступах к Сталинграду и, в частности, боям под Абганерово, где противник был задержан на две недели, что позволило подтянуть к Сталинграду свежие резервы. Сталин дал высокую оценку действиям 194-й и 254-й отдельными танковыми бригадам, принявшим на себя главный удар противника. Поднял командиров этих бригад. Поднявшийся Федор Емельянович доложил, что боями бригады под Абганерово руководил командир бригады подполковник Липин, который в этих боях был тяжело ранен и в данное время находится на излечении. Сталин спросил:

— *А был ли подполковник Липин награжден за эти бои?*

— *Никак нет, — доложил Садовский.*

Сталин приказал наградить. Последовал указ Верховного Совета о награждении меня. Об этом награждении я ничего не знал, и вот

в сентябре 1943-го г. заместитель Председателя ВС товарищ Варес вручил мне пятый по счету боевой орден «Александра Невского». Итак, только за один первый год Великой Отечественной войны, когда награждения были большой редкостью, я заслужил ТРИ боевых ордена.

Я особенно горжусь орденом «Александра Невского», ибо награждались им по статусу «Командиры Советской Армии, за проявленные в боях за Родину в Великой Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость, за умелое командование, обеспечившее успешные действия частей и соединений».

В эти же дни я навестил в одном из московских госпиталей бывшего командира 103-й танковой бригады, боевого друга и товарища Георгия Максимовича Максимова, лежавшего там на излечении после тяжелого ранения. Нам обоим была приятна эта встреча, ведь мы с ним бок о бок прошли финскую, а затем и первый, самый тяжелый год Великой Отечественной войны. Мне было очень приятно видеть этого замечательного, честного, неподкупного и справедливого командира. Сейчас, когда я пишу эти записки, Георгия Максимовича Максимова, генерал-майора танковых войск, жившего последние годы в Москве, уже нет среди нас. Он ушел из жизни в сентябре 1996 г. на 92-м году жизни. Я горжусь, что долгие годы был его другом.

М. В. Ростопчин

Человек слова и дела!

Сегодня мы вспоминаем Александра Павловича Черепанова, ветерана Великой Отечественной войны и гражданской обороны Советского Союза. Человек, который общался с ветераном, сразу понимал, что перед ним настоящий офицер: он всегда был подтянут, гладко выбрит, опрятно одет. Но, в первую очередь, в глаза бросалась четкая военная выправка. Именно таким я увидел Александра Павловича, когда пришел к нему домой для беседы. Именно таким я его и запомнил...

Герой войны с Японией

Родился и вырос Александр Павлович в обычной крестьянской семье, в рабочем поселке Качуг, что в 300 км от Иркутска. После окончания школы, в 1940 г. он был призван в армию. Оказался в мотопонтонных частях инженерных войск на Дальнем Востоке, который из-за агрессивной политики Японии в то время был местом

неспокойным. В августе 1938 г. в районе озера Хасан и в июле-августе 1939 года в районе реки Халхин-Гол советские войска оказали достойный отпор японской армии, вторгшейся на территорию СССР и союзной Монголии. Великая Отечественная война застала юного бойца именно там, на Дальнем Востоке, под Хабаровском.

В 1941–43 гг. Александр Павлович повышал свое военное образование. Сначала окончил полковую школу, став заместителем командира разведвзвода. Затем было политучилище во Владивостоке, после которого молодого офицера перебросили в минометно-пулеметное училище в Приморском крае. Окончив училище с отличием, Александр Павлович ожидал отправки на фронт, но вместо этого два десятка офицеров были направлены в Комсомольск-на-Амуре, в резерв Дальневосточного фронта.

Дальше судьба продолжала кидать по воинским частям всего Дальнего Востока. И все-таки поучаствовать в боевых действиях довелось. Летом 1945 г. началась война с Японией. Перебросили на границу. Заболоченная, таёжная местность, где сложно было пройти человеку, не говоря уже о военной технике. На пределе человеческих сил армия преодолевала километр за километром заминированные участки, периодически попадая под артобстрел японских орудий. Наиболее ожесточённые бои произошли во время преодоления хребта Хинган. И тем не менее победа осталась за советскими войсками.

На Урале. Лучшие в своем деле!

В 1947 г. войска вывели из Маньчжурии, а часть офицеров направили на службу в подразделения Министерства внутренних дел в Красноярском крае.

В 1948 г. Александру Павловичу вновь пришлось сесть за парту: он поступил в Институт повышения квалификации офицерских кадров МВД СССР в Москве. Наконец, в 1952 г., он получает назначение на Урал, в Челябинск. В то время при Министерстве внутренних дел было Управление МПВО — местной противовоздушной обороны, а в регионах — отделы. Капитан Черепанов стал помощником начальника отдела МПВО МВД Челябинской области полковника *Г. Ф. Перепича*.

В 1960 г. Постановлением Совета Министров СССР МПВО передали в ведение Министерства обороны, а отдел преобразовали в Штаб гражданской обороны области. Первым начальником Штаба ГО Челябинской области стал Александр Павлович Черепанов. К этому моменту, помимо областного штаба, существовали штабы гражданской обороны городов Челябинска, Магнитогорска, Златоуста.

Рассказывая о том нелегком времени, Александр Павлович вспоминает и о трудностях начального этапа своей службы в должности начальника Штаба ГО области. В первую очередь необходимо было готовить профессиональные кадры, обучать людей сложной работе в системе обеспечения гражданской безопасности. Налаживать взаимодействие между органами исполнительной власти, руководителями на местах, предприятиями и организациями. Помня жестокость и горе недавней войны, все понимали необходимость построения четкой системы безопасности во всех городах и районах страны. Но дело также осложнялось и тем, что руководителям, подобным Черепанову, приходилось работать и с людьми гражданскими. Привыкший к строгой военной дисциплине, подполковник Черепанов не мог терпеть проволочек, неточностей и нерасторопности в важной и ответственной работе.

Надо сказать, что за 16 лет службы на данном посту А. П. Черепанова на Южном Урале была проделана огромная работа в области гражданской обороны. Понимая, что из-за промышленной насыщенности на Урале создавалась сложная экологическая обстановка (не стоит забывать и о трагедии 1957 года на ПО «Маяк»), уже в 1962 г. на базе вновь созданной войсковой части в Аргаяшском районе был образован центр обучения офицеров действиям в условиях радиационного заражения. Все, что делали Черепанов и его подчиненные, они делали профессионально, чтобы потом была видна очевидная польза. В результате войсковая часть стала лучшей в регионе. А Челябинская область в те годы вышла на лидирующие позиции в области гражданской обороны.

В эти годы в системе Гражданской обороны Южного Урала работают *Балханов А. Г., Батанов Н. А., Бобышев А. К., Варакин С. А., Винокуров А. А., Вихарев М. Я., Думинов В. И., Козлов Ф. В., Кокковкин Ф. Ф., Кудрявцев М. Ф., Кукин И. П., Понкратов В. Н., Сегрин Л. Н., Соловьёв Е. В., Суздалев Н. Н., Ткаченко Л. И., Томский В. А., Холодов В. М., Цыбиногин А. А., Шишкалов Ф. М.* и многие-многие другие.

Выйдя в 1976 г. в отставку, Александр Павлович передал дела и должность в Штабе ГО Челябинской области в том состоянии, в котором за них не было стыдно никому. Хорошо поставленную работу по обеспечению безопасности населения и территорий южноуральского региона отмечал и Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза *Василий Иванович Чуйков*, бывший в 1961–72 гг. начальником Гражданской обороны СССР.

В общей сложности гражданской обороне Челябинской области Александр Павлович отдал четверть века.

Муж, отец, дедушка

Александр Павлович Черепанов отмечен правительственными наградами, является заслуженным работником и ветераном Гражданской обороны Советского Союза. Но, как ветерану Великой Отечественной войны, больше всего ему были дороги орден Красной Звезды и орден Отечественной войны 2-й степени.

20 марта 2010 г. Александру Павловичу исполнилось 90 лет! Совместно с супругой Клавдией Ефимовной они прожили 63 года! Воспитали двоих сыновей, внуков и правнуков. К сожалению, не стало ветерана в июле 2010 г.

Вечная память героям Великой Отечественной войны!..

Н. А. Вахрушева

Солдаты Победы: Брандесов Рид Федорович

Родился Рид Федорович в семье служащих 24 июня 1924 г. в г. Ленинграде. Трудовой путь начал рабочим на фабрике «Победа» (октябрь 1941 г.), затем работал в Ленкните и рабочим Ленхлебторга.

Семнадцатилетним юношей ушел на фронт. После непродолжительной учебы в 1942 был направлен радистом в морской радиоотряд (МРО) Краснознаменного Балтийского Флота. Отряд, подразделения которого располагались на море и на суше, занимался радиоразведкой — определением местонахождения кораблей противника по работе их радиостанций. Рид Федорович лично запеленговал работу радиостанции одной из вражеских подводных лодок, уничтоженной затем нашими вооруженными силами по его наводке, за что был представлен к боевой награде.

Р. Ф. Брандесов так описывает свое участие в Великой Отечественной войне: «Прекрасным воскресным утром днем 22 июня (я жил тогда у тети в Пушкине) мы спали долго; не торопясь, позавтракали, и я двинулся в баню. После бани по уличной трансляции (в то время везде висели черные круги репродукторов) слышу, что через несколько минут будет выступление Председателя Совета народных комиссаров Молотова. Я решаю пойти до следующего репродуктора. А там уже взволнованная толпа — Молотов объявляет о нападении Германии, о начале войны. Заключительные его слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Один в толпе с отчаянием выругался: «Только уцелел на финской — и снова...»

Бегу домой и сообщаю эту новость, которая парализует домашних. Бегу в школу — налаживают круглосуточное дежурство старшеклассников.

А через день (мой день рождения) стук в окно — это было ночью: «Здесь живет комсомолец Брандесов? Срочно в райком комсомола!».

В райкоме дают поручение: собрать по цепочке комсомольцев и старшеклассников, до утра освободить одну из школ от мебели и подготовить помещение для госпиталя. Собираю ребят, выносим из школы все парты, шкафы и прочее. Задание выполнено. Я звоню в райком и докладываю об этом. Ребята поглядывают иронично: «Тоже мне, начальничек!».

После этого идут ночные дежурства в школе, и вскоре в городе организуется истребительный батальон для борьбы с возможными парашютными десантами. Я вступил в батальон, получил винтовку. Мы ведем ночное патрулирование города, задерживаем подозрительных. Как-то отправляем в штаб батальона личность в штатском, потом узнаем, что это немецкий парашютист.

Начинается эвакуация, уезжает с сыном моя тетушка, и я перебираюсь в Ленинград к тете Гале, которая остается в городе. Устраиваюсь работать на фабрику «Победа» и одновременно записываюсь в народное ополчение. Запомнилась процедура приема: встаешь в очередь, записывают фамилию, задают один вопрос: «Защитим?» и, получив утвердительный ответ, вручают винтовку.

8 сентября 1941 г. — первый воздушный налет на Ленинград: бомбят Бадаевские продовольственные склады, небо в черных тучах пожара.

Начинает ощущаться напряжение с продовольствием, и в воскресенье я еду в город Пушкин набрать в рюкзак картошки с брошенных огородов. Это последняя поездка. Пушкин тогда — уже линия фронта: в районе парков летят в воздух деревья, идет непрерывная бомбежка.

Я набираю картошку, и мимо меня на минимальной высоте проносится на «мессершмидте» немецкий ас. Я застываю и вижу немецкого пилота, повернувшего голову в очках в мою сторону. Такие вот отчаянные игры...

Наивно пытаюсь где-нибудь поесть, но все столовки закрыты, улицы пустынные. Иду на вокзал, люди прячутся в подземных туннелях. Стою там и слышу, как дежурный по вокзалу кричит в полевой телефон: «Больше на Пушкин составов не подавать!». Надо уходить в Ленинград по шпалам. Мы совещаемся, и три женщины, я и один мужичок идем по шпалам в Ленинград.

Со стороны Пушкина гремит канонада. Мужик в растерзанном состоянии, без кепки, рассказывает, что приехал на воскресенье домой (многие жители Пушкина работали в Ленинграде), а тут бом-

бежка, семья прячется в отрытую во дворе щель. Затем жена идет домой за чем-то, и бомба на его глазах попадает в дом — гибнут и жена, и дети, гибнет все. Он хватается попавшийся под руку пиджак и идет к вокзалу... По пути в Питер, кроме отдельных зениток, мы не встречали никаких войск.

В Ленинград прихожу под утро, в город без пропусков не пускают. Сажу на Витебском вокзале до шести утра, потом иду домой и готовлю финский нож — считаю, что немцы скоро будут в городе, раз от Пушкина не видно никаких наших войск, буду драться с фашизмом.

Во время первой блокадной зимы умерла тетя. Иду в поликлинику за справкой. Участковый врач, молодая Красовская, когда приходила к тете, держалась бодро, говорила, что мы с ней еще потанцуем... Сейчас она безучастна и, выслушав меня (я говорю о смерти тети), равнодушно роняет: «И ты загнешься». Я воспринимаю это спокойно, с равнодушием и безразличием дистрофика, с тем же тупым безразличием, которое и в ней, когда-то красивой и отзывчивой, Красовской...

Иду по двору, бреду к своему подъезду. Меня окликает женщина, просит помочь поднять домой обессиленного мужа. Тащим неподвижного дядьку на шестой этаж. Дотащили. Женщина сует мне какую-то бумажку — деньги за помощь. Мне дико и страшно брать плату за услугу.

Обо всех ужасах блокады не написать: как ежедневно везли на кладбище завернутые в простыни тела; как люди падали на улицах от голода, как рушились дома от бомбежки, как немецкий снайпер сметал очередь, стоявшую за пайкой хлеба (150 граммов); как сдирали в кровь обмороженные руки, когда приносили воду из проруби и в эту, будто назло блокадную, зиму.

В начале весны 1942 года я работал тележником в Ленхлебторге. И вот в одной из поездок за хлебом (я возил его в определенную булочную) такой же юный тележник, как я, Толя Комиссаров, сказал мне, что на Васильевском острове есть место, где записывают добровольцами на флот. И мы ринулись туда.

Действительно, там записывали на какие-то радиокурсы, совершенно пренебрегая нашим юным возрастом. Я беседовал с капитаном 3-го ранга Штейнбахом, который выяснял, кто я и откуда. В ходе беседы он внезапно спросил меня: «Танцуешь?» Мне этот вопрос показался странным для серьезного разговора, и я зло ответил: «Пляшу!» Штейнбах внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я тебя запишу, но если что будет с дисциплиной, растерзаю!» Я был готов на любые жертвы, лишь бы попасть на флот! А записывали на радиокурсы Краснознаменного Балтфлота, и Штейнбах был командиром этих курсов.

Так я попал на флот добровольцем, но только по достижении нужного возраста мы приняли присягу и стали полноценными матросами.

Балтийский флотский Экипаж — учреждение, где формируются морские части. Первые деньки военно-морской службы.

Ярким весенним мартовским днем нас, явившихся с ложкой и кружкой, старшина повел к Экипажу. Несколько остановок проехали на трамвае. Какой-то дядька, взглянув на нас, на старшину, все понял и назвал нас бравыми мичманами.

Подшли к воротам Экипажа, и, когда, впусив нас, они стали медленно закрываться, старшина торжественно изрек: «Вот так десять лет назад за мной закрылись эти ворота!». Мы поежились, почувствовав нечто неотвратимое, — судьбу.

Нас встретили таблички на всех помещениях и переходах: «трап», «кубрик», «камбуз», «виадук» и др.

Поместили сначала в кубрик с голыми двухэтажными койками. Здесь до нас еще были призывники. Грянул обычный артналет — стены содрогаются от взрывной волны. Один из призывников, мужчина лет тридцати, дрожит, как в лихорадке, и сквозь зубы успокаивает себя: «Спокойно, спокойно». Нам смешно, не знаю, потому ли, что у нас нервы крепче, потому ли, что мы привыкли, потому ли, что храбры, или просто глупее.

Начались баня, стрижка, получение обмундирования, многочисленные комиссии, перемещение из кубрика в кубрик.

В бане, остриженные «под нулевку», облачились в форму, почти жесткую брезентовую робу. Шутники ставили штаны на пол и делали вид, что пытаются в них запрыгнуть. Смотрим друг на друга, и не узнаем: все круглоголовые, все в тельняшках, все в робах, скрадывающих особенности фигуры, — все одинаковы!

Затем попадаем в кубрик, где до нас расположились бывалые матросы. Они взрослые, крепкие, против нас, блокадных заморышей, — богатыри. «Богатыри» заняты самообслуживанием: стирают в раковине гюйсы, гладят форменки, бреются, надраивают бляхи и пуговицы бушлатов.

Мы, не дыша, следим за каждым их движением и словом. Снисходя до нас, некоторые вступают с нами в общение. Сказанное ими о службе запечатлевается, как священные заповеди: «Непочтение к «родителям» — на флоте грех». «Родители» — флотское начальство! Знай как следует свою специальность, дело свое делай хорошо... В столовой — большой бачок на шестерых, сидят люди разного возраста. Один пытается у разливающего — разводящего) взять пустой бачок, чтобы облизать его, и слышит: «Папаша, я и сам сумею это сделать».

Радиошкола разведывательного отдела штаба КБФ. Это первое место моей службы. Располагалась школа в здании бывшего института благородных девиц — Смольного.

Вахта — особое время одиночества, сосредоточенности и временно общения с таинственным и безграничным миром, живущим только в звучании, — эфиром. Ты один на один с зеленым глазком приемника, а вокруг в невидимом четвертом измерении кишит разнообразная жизнь — тысячи ритмических голосов, мелодических и не очень, громких и вкрадчивых, шумов, шорохов и неясных вздохов. Иногда ловишь себя на стремлении просто слушать эфир, как слушаешь музыку, — незаинтересованное удовольствие...

Однако нужно работать — различать в этой симфонии голоса, искать волну, отличать друг от друга станции немецкого военного флота, что есть что: эсминец, подводная лодка или сторожевой корабль. А так они отчаянно маскируются — разговор идет только шифром, позывных нет, безымянные станции прихотливо меняют волны и время работы, — надо искать, разгадывать и цепляться за невидимое, искать чисто тональные различия станций, уметь слышать неповторимость каждого радиоголоса.

Манера, почерк радиста всегда индивидуальны, как и человеческий голос, и можно было бы по манере узнать того, кого слушаешь и ловишь. Но педагогический шедевр немецкой флотской школы: у всех радистов почерк одинаков, точно размеренный темп передачи, длина знака одинакова, будто работает не человек, а автомат. Остается только вслушиваться в то, что совершенно незаметно для нетренированного уха, отличие звучания каждого радиопередатчика отдельно взятого корабля: мягкость или резкость сигнала, всевозможные обертоны звука (звонкость или приглушенность, чистота сигнала, дополнительные шумовые характеристики).

И вот, чтобы твой сменщик на вахте различил тот же корабль, что и ты, пытаешься определить и записывать для него те признаки, которые ты отличаешь в голосе корабля: удар в медный таз, удар в подушку, вхоханье сигнала и т.п.

Если запись удачна, то станция узнается сразу, а это значит, что корабль схвачен, определен. И если еще будет взят приличный пленг, т.е. направление на место корабля, то он обнаружен, как бы ни маскировался в бескрайних морских просторах.

Значит, работа радиста-разведчика сделана, и сделана хорошо. Тихая синяя балтийская ночь. Эфир пустынен...

И вдруг быстро, почти невнятно, несколько зашифрованных групп, три-четыре слова — и молчок. Ага! Этот голос мы со сменщиком называли «Лодка № 1». Записываю и эти слова. И вот еще... Что-

то необычное — как правило, подлодки очень осторожны и часто «не высовываются».

Прибегает оперативный дежурный. Вздвонен. Спрашивает: «Одна и та же лодка?». Утвердительно киваю, и тут опять короткая радиограмма. Снова прибегает дежурный, покрикивает, не ошибаюсь ли я. В работе и азарте забываешь, что пред тобой капитан-лейтенант, а ты — просто рядовой «Шульц», и отвечаешь не только утвердительно, но и резко: «Лодка одна и та же!».

Причину нервозности офицера узнаю несколько позже. Дело в том, что пеленг, который успели взять наши пеленгаторы, указывает в какую-то немислнмую сторону, к самому Кронштадту, и дежурный сомневается, передавать ли эту ахинею в штаб флота. Наконец он решается и передает. В штабе менее осмотрительные офицеры направляют самолеты в указанный квадрат, и те его бомбят. Впоследствии оказалось, что дерзкая лодка подобралась, минуя минные поля, к Кронштадту... И села на мель. Представляю, что могла натворить она в самом сердце нашей базы. Пират испугался, и его сигналы, которые я поймал, сообщали своему командованию о беде. Наши самолеты и «прищучили» лодку.

Незабываемые впечатления... Привезли пленного немца, флотского радиста, ввели к нам в рубку, дали стул. Затем, усилив громкость, дали слушать работу корабельных немецких раций, уточняя наши интуитивные догадки: «Это сторожевик? А это тральщик?»

Не забыть отвисшей челюсти немца и его совершенно белесых глаз: бедняга не подозревал, что его слушает противник, да еще так дотошно.

Как-то из первого увольнения пришел Ким Племянников, ему удалось встретиться с отцом, и в ночь перед вахтой мы горячо говорили на нравственные темы.

Солдат в окопах. Мы обязаны ему всем. То есть мы в рубках у радиоприемников и относительной безопасности, а он, солдат, несет на себе всю тяжесть войны. Гены интеллигента в третьем поколении — вещь непреодолимая: вечно чувство вины перед всеми, кому тяжелее, чем тебе. В это время мы стали настойчиво бомбардировать начальство рапортами с просьбой списать нас в пехоту, в окопы. Командование вынуждено было пригласить на встречу с разведчиками адмирала Петрова, начальника штаба флота.

Адмирал высоко оценил наш патриотический порыв и привел убедительные данные о том, какие плоды приносит наша работа. Оказалось, что каждый из нас вносит такой же вклад в победу, сколько целый полк пехоты на фронте! После речи адмирал вручил награды. Мне — медаль за «мою лодку», потопленную помимо разведанным.

Мы начали осознавать свою роль в войне и больше не рвались из флота, а сражались своими средствами».

Ночная радиовахта с 8 на 9 мая. Отчаявшиеся немцы отбросили все шифры и радиоухищрения и шпарят на всех волнах открытым текстом. Нервно повторяют приказ всем кораблям флота идти на запад, в Киль.

Приказ подписан адмиралом Деницем. Моего восьмиклассного образования хватает, чтобы прочесть и понять эти радиোগраммы. Эфир весь звенит и гудит...

И сквозь это половежье морзянки пробивается голос Левитана, торжественно читающего приказ о Дне Победы.

Звоню в отдел, выскакиваю из палатки. Но, видимо, я не первый и не единственный узнал эту потрясающую новость: весь ночной небосклон озарился залпами, бьют из всех видов оружия, фейерверки сверкают, трассирующие пули, грохот и огонь сотрясают ночь. Я хватаю свой автомат и вписываю в этот залп свою ликующую очередь.

Победа! Наконец-то Победа!»

После победы продолжал служить на Балтике радистом. Демобилизовался в 1950 в звании главного старшины ВМС.

В 1950–1951 учился в Житомирском педагогическом университете. В г. Челябинске с 1951. Работал комендантом и делопроизводителем 3-го стройучастка Дорстройтреста ЮУЖД, без отрыва от производства окончил с отличием филологический факультет Челябинского государственного педагогического института в 1954, получив специальность учителя русского языка и литературы. Работал учителем русского языка и литературы в школе № 10 г. Челябинска (1954–1960).

В 1960 пришел работать в Челябинский государственный педагогический институт на кафедру литературы. С 1971 доцент.

В городе и области вел большую методическую работу по линии областного института усовершенствования учителей, проводил семинары с учителями г. Челябинска, г. Миасса, Октябрьского, Кунашакского и других районов области.

Научные интересы связаны с проблемой организации эстетического восприятия литературы школьниками на уроке. Основатель научного направления, условно названного им «эстетодидacticкой», — направления, вобравшего в себя новейшие достижения современной методики, психологии и эстетики

По этой проблеме опубликовано более 50 работ, в том числе книг, в научных сборниках и журналах, выходивших в Москве («Литература в школе»), Ленинграде, Болгарии. Принимал участие в соз-

дании основного учебника по методике преподавания литературы (глава «Учет и оценка знаний»).

Награжден:

- Орден Великой Отечественной войны 2-й степени (1985).
- Медаль «За боевые заслуги» (1947).
- Медаль «За оборону Ленинграда» (1943).
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).
- Медаль Жукова (1996).
- Юбилейные медали и почетный знак в связи с 20-летием, 25-летием, 30-летием, 40-летием, 50-летием Победы в Великой Отечественной войне и с 50-летием, 60-летием, 70-летием Вооруженных Сил СССР.
- Почетный знак «Защитнику Кронштадта».
- Почетный знак «Фронтовик 1941–1945 гг.» (2000).
- Почетный знак «Ветеран Балтийского флота» (1972).
- Юбилейная медаль «300 лет Российскому флоту» (1996).
- Юбилейная медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2004).

Отличник просвещения РСФСР.

Отличник просвещения СССР.

Рид Федорович Брандесов ушел из жизни 5 января 2008 г. похоронен в г. Челябинске.

Список литературы

1. Рожков, В. П. Брандесов Рид Федорович / В. П. Рожков // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. — Челябинск, 1999.
2. Челябинский государственный педагогический университет / под ред. А. Ф. Аменда. — Челябинск, 1999.
3. Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. — Челябинск, 2001.
4. Челябинский государственный педагогический университет / рук. авт. колл. Г. С. Шкребень. — 2-е изд. — Челябинск, 2004.
5. Профессора Челябинского государственного педагогического университета: биографии / под ред. В. В. Латюшина и др. — Челябинск, 2004.
6. Челябинская область : энциклопедия. Т. 1. А–Г / гл. ред. К. Н. Бочкарев. — Челябинск, 2003.
7. «И помнит мир спасенный»: преподаватели и сотрудники ЧГПИ — ЧГПУ — участники Великой Отечественной войны: крат-

кие биографии / сост. Н. А. Вахрушева. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005.

8. «Одна на всех победа»: книга воспоминаний ветеранов университета: в 3 ч. / сост. Н. А. Вахрушева, И. А. Филиппова : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. — Челябинск, 2005.

9. «На всю оставшуюся жизнь нам хватит подвигов и славы»: о Великой Отечественной войне на страницах газеты «Молодой учитель» / сост. Н. Ш. Дегтярева — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005.

10. Челябинский государственный педагогический университет : энциклопедия / гл. ред. и сост. Г. С. Шкребень. — Челябинск, 2009.

И. А. Бывалова

«С атакующей смертью схватка»

Нет в России семьи без памяти о Великой Отечественной войне: в любой семейной истории значатся фронтовики, труженики тыла, дети войны... Непомерную тяжесть той войны испытали все: кто воевал, кто трудился в тылу... Для медиков военных лет — врачей, медсестер, санитаров — война была круглосуточной борьбой за жизнь многих и многих израненных и покалеченных людей... Это особый вклад в великую Победу.

Один советский полководец сказал, что Берлин брали раненые. В этих словах — двойной смысл: во-первых, при штурме Берлина ранено было множество наших бойцов, во-вторых, основу Советской армии в конце войны составляли опытные воины, имевшие за плечами не только боевые навыки, но и ранения, лечение и возвращение в строй.

Так мой дед, Иван Алексеевич Мандрыкин (1895–1982), после ранения вернулся в действующую армию, демобилизовался после Победы. Дед моего мужа, Вячеслав Григорьевич Кудряшов (1907–1985), был тяжело ранен в боях за Кенигсберг, лечился в госпитале Челябинска (не знаем, правда, в каком именно), был уволен из армии, но еще много лет занимался мирным трудом и в четвертый раз стал отцом. Как не благодарить в душе неизвестных нам медиков, их лечивших?

Еще одна судьба. Был в Челябинске поэт-фронтовик Освальд Лаврентьевич Плебейский (1924–1997), уроженец нашего города. Довелось мне когда-то с ним познакомиться, а недавно составлять его биографию для электронного ресурса «Литературная карта

Челябинской области». Одно обстоятельство его жизни выяснила составитель сборника «Герои госпиталя 1722: страницы подвигов» Н. В. Овчинникова: после тяжелого ранения поэт лечился в эвакуационном госпитале 1722. Госпиталь работал в Челябинске в здании школы № 58. Скорее всего, в этой школе Освальд и учился до войны, т. к. жил в соседнем квартале на улице Цвиллинга близ городского сада им. Пушкина. В 1941 году он окончил 9-й класс. Здание школы строилось в 1937 г. с расчетом на его переоборудование под госпиталь; в начале войны его освобождали от парт, классных досок, книг и др. На участие Освальда в этой работе намекают его строки 1941 г.:

...Класс наш вымер. Пуст и гол.
Ждет нас класс иной.
Голова, как колокол,
Вся гудит войной.

Вскоре юноша начал работать в цехе, где ремонтировались подбитые танки, и в его стихи вылилось страшное впечатление:

...Из люка тянет гарью.
Железною могилой.
Как больно было парню!
Как свадьба снилась милой!
Рука лежит на днище
И сплав от пистолета.
Прощай, прощай, дружище!
А мне еще до лета...

Так проникал в тыл ужас войны. А Освальд мечтал стать настоящим поэтом. В 1942 г. окончил школу и поступил на литературный факультет педагогического института. Но студентом был недолго: в октябре встретил свое 18-летие и ушел на фронт добровольцем. В составе Первой танковой армии дошел до Карпат, и там 30 апреля 1944 г. рядом с ним взорвалась мина. 18 осколков изранили его с головы до ног, повредили тазобедренный сустав... Всю жизнь поэт вспоминал юную медсестру полевого госпиталя:

...Помню госпиталь. Ночь. Палатка.
С атакующей смертью схватка.
Стон ломился сквозь грудь невольно.
Восемнадцать ран — это больно.
Как сквозь дым, подошла сестренка.

Наклонилась белей березы
Замечательная девчонка!
На ресницах — крупные слезы...
«Сколько крови... Врача позвать бы...»

Не раз писал о ней, как о сотворившей чудо:

...Я метался, обритый весь наголо,
Весь в бинтах, среди смерти и зла.
А она целовала и плакала,
И со мною в обнимку спала.

Притулялась так розово около
И, давясь от рыданья платком,
Своего полусгнившего сокола
Черносливом кормила силком...

...Как же имя твое, красавица?
Я твой лик безымянным несу.
Только все это чуда касается
В разбомбленном Карпатском лесу.

Нет у Плебейского стихов об эвакуационном госпитале, где его долго лечили и определили вторую группу инвалидности. Разбитый сустав сросся неправильно, нога служила плохо, но на ноги его поставили; поначалу он ходил с костылями, потом с тростью. Хромал, но был мобилен, стремился многое увидеть, быть сопричастным к тому, что вершилось в стране. Воспевал строительство Волгоградской ГЭС, полет Гагарина в космос...

Он стал настоящим поэтом, членом Союза писателей СССР. Пройдя фронт и сталинский ГУЛАГ, половину самых искренних стихов о пережитом в печать не давал: не пропустила бы цензура. Но в свои последние годы увидел и их напечатанными в книгах «Стихотворения» (1994) и «Избранное» (1997).

Дважды Освальд Лаврентьевич уезжал из Челябинска в Волгоград, там вышло семь из девяти его книг, в т. ч. две последние — бесцензурные.

В библиотеки Челябинска в 1990-е годы издания других городов не поступали, и поэта Плебейского наш город начал забывать. Но произошло еще одно чудо: в Челябинске появилось двухтомное собрание его стихов «И все, что нами было пройдено...» (2018), включившее все его авторские сборники. Имя и творчество поэта стало открытием даже для филологов Челябинского педагогического уни-

верситета. Это чудо сотворили любитель поэзии Е. Б. Трубников и издатель В. Б. Феркель. Теперь в основных библиотеках города можно ознакомиться с поэтическим наследием Освальда Плебейского.

Информация о поэте и его судьбе вошла в третий выпуск сборника «Герои госпиталя 1722: страницы подвигов» (2024). На презентации этого выпуска неожиданно и ярко, впечатляюще прозвучала театрализованная композиция стихов Плебейского из этого двухтомника в исполнении студентов института культуры. Так архивные изыскания по истории госпиталя помогли тому, чтобы имя и творчество поэта не забывались, чтобы стихи звучали и расширялся круг их почитателей. Этот поэт такой памяти достоин!

После госпиталя так же, как поэт Плебейский, вернулись к активной жизни тысячи раненых. Бесценен труд всех, кто их лечил и реабилитировал. Как вспоминали гости презентации — потомки ветеранов, раненых не только лечили, но и по возможности обучали. Так одного пациента — сельского труженика — после ампутации ноги обучили сидячему ремеслу: паять и лудить металлическую утварь...

В сборниках «Герои госпиталя 1722» сотни имен. Это сотни судеб, многие из них продолжились после Победы и оставили след в мирной жизни. Большая работа историков по выяснению и увековечению их имен в книгах — это низкий поклон и ветеранам, и спасавшим их медикам.

Н. А. Дида

Музей ЧТЗ — арсенал истории завода и страны

Сегодня мы обращаемся к своим истокам, заново перечитываем страницы истории Отечества. И в этой связи все более возрастает роль музеев — очагов истории культуры.

В нашем городе немало музеев и один из них — музей трудовой и боевой славы челябинских тракторостроителей. Он был открыт в канун 50-летия Октябрьской революции 27 октября 1967 г. по инициативе администрации, партийного, профсоюзного комитетов и комитета комсомола завода. Директор завода, Герой Социалистического Труда Георгий Васильевич Зайченко лично разрезал ленточку перед входом в залы музея. Первыми посетителями были ветераны. Они сами построили завод, трудились, создавая славу ЧТЗ, приняли самое деятельное участие в создании экспозиций.

Очень скоро музей стал неотъемлемой частью жизни завода, района и города: здесь принимали в пионеры, здесь фотографирова-

лись у знамени Победы, сюда приводили перед приемом на работу.

Мысль о создании музея возникла у тракторостроителей давно. Особенно горячо ратовали за это ветераны завода: А. В. Гончаров (он первым начал собирать фотодокументы), Н. В. Горбенко, Н. И. Заржевский, В. И. Березин и молодые специалисты: Л. М. Видгоф, Э. А. Соболев и другие.

Надо сказать, что в свое время был издан ряд брошюр, опубликована серия статей, посвященных отдельным вопросам из истории предприятия. Но все это носило эпизодический характер.

Самое деятельное участие в организации музея принял Василий Петрович Степанов — бывший секретарь комитета комсомола на строительстве тракторного, а впоследствии первый комсорт ЧТЗ. Именно он стал первым директором музея. Под руководством В. П. Степанова и при его непосредственном участии был написан тематико-экспозиционный план, расшифровывались и отбирались материалы для экспозиции музея.

В марте 1966 года, когда началась подготовка к 50-летию Великого Октября, партийный комитет завода принял специальное решение о создании музея. Были определены сроки его открытия, цели и задачи, периодизация разделов и т. д. В решении подчеркивалось, что создание заводского музея — дело всех партийных, профсоюзных и комсомольских организаций завода, всего коллектива. О том, какое большое значение придавалось созданию музея, свидетельствует тот факт, что вопрос об его организации постоянно находился в центре внимания директора завода Г. В. Зайченко, секретаря парткома В. Д. Тарасова, предзавкома Л. С. Кудрявцева и нашел отражение в предоктябрьских сообязательствах в виде отдельного пункта, а также в колдоговоре на 1967 год. При парткоме был создан организационный комитет. В него вошли 15 человек — руководящие работники завкома профсоюза, комитета ВЛКСМ, цехов, отделов, служб и другие. Возглавляли комитет заместитель секретаря парткома А. М. Томина и первый заместитель директора завода В. Ф. Черных.

Круг вопросов, которые решали члены комитета, был самый разнообразный: рассмотрение и утверждение технического задания на проектирование и реконструкцию помещения музея, рассмотрение и утверждение художественных эскизов, оборудования и оформления, прием их исполнения и т. п. Большинство членов оргкомитета являлись не только контролерами, консультантами, но и ответственными организаторами и непосредственными исполнителями решения парткома, Совета музея.

В него вошли 25 ветеранов. Членами Совета стали представители всех поколений тракторостроителей — бригадир прославленной во

время строительства ЧТЗ ударной бригады бетонщиков И. В. Монахов, слесарь-сборщик, впоследствии мастер М. Я. Макагон, которому выпала честь вывести на заводской двор первый, а потом стотысячный и полумиллионный трактор; организаторы стахановского движения на заводе — бывший секретарь парткома Н. К. Белов, инженер литейного цеха А. Н. Ленкова, парторги цехов в военное время А. В. Гончаров, Т. П. Пашнина-Кузнецова и другие. Перед Советом были поставлены три основные задачи: участие в разработке, рассмотрении и утверждении тематико-экспозиционного плана музея; организация сбора материалов (документов, фотографий, мемориальных вещей), расшифровка и установление их достоверности, отбор для экспозиции наиболее ценных и характерных материалов. Члены Совета, а вместе с ними и большинство ветеранов, которые тоже принимали активное участие в создании музея, работали с «огоньком».

Они не просто выполняли возложенные на них поручения — этими людьми двигало чувство ответственности, долга перед многотысячным коллективом ЧТЗ. Все это во многом способствовало правильному воссозданию истории предприятия по первоисточникам, оснащению экспозиций подлинными материалами. К тому же большинство членов Совета сами, своими руками создавали завод, вписали много славных страниц в его летопись, лично знали участников того или иного события, источники документов, подтверждающие каждое из них.

Много интересных экспонатов поступило, например, от жены начальника строительства и первого директора завода, коммуниста с 1910 г. К. П. Ловина, от старого большевика И. С. Белостоцкого, от семьи бывшего начальника промплощадки ЧТС А. Б. Сафразьяна и от многих других.

«Ваш заводской музей тем и ценен, что в нем экспонируются подлинники, представляющие особый исторический интерес и ценность», — такое заключение сделали работники Московского музея революции, ознакомившись с экспозицией музея. Другим направлением в работе по сбору материалов было привлечение к этому делу комсомольцев и пионеров — юных следопытов. Молодежь оказала большую помощь. Юноши и девушки собрали и передали музею много документов, касающихся истории комсомольской организации стройки.

С помощью активистов, ветеранов комсомола приобрели фотографии и документы первой школы, детсада, занимавших бараки.

Юные следопыты школ № 34 и 48 собрали ряд интересных воспоминаний, документов, фотографий и в виде альбома преподнес-

ли их в дар музею. Участие в сборе воспоминаний и фотографий приняли литераторы Е. Ховив, А. Комаров, Н. Заржевский. Так, в сравнительно короткий срок удалось собрать несколько тысяч экспонатов, о ценности которых свидетельствуют и отзывы тех, кто ознакомился с музейными экспонатами: «Мы много слышали добрых слов о музее ЧТЗ, но лучше один раз увидеть, чем... Впечатления превзошли наши ожидания. В тщательно отобранных документах мы увидели историю трудового подвига строителей ЧТЗ, волнующую сердце жизнь Танкограда и безответную веру в будущее, которую продемонстрировали те, кто пришли сюда первыми».

«Великолепно! Проходя из одного зала в другой, мы как бы прошли по историческому пути родного завода. Замечательный подарок нашим отцам, отличная школа для молодого поколения!»

«Спасибо вам, дорогие труженики-челябинцы, за помощь, которую вы давали нашим воинам в дни великой борьбы, сражения за свободу и независимость нашей Родины в суровые годы Великой Отечественной войны. Без вашего героического вклада не было бы тех побед, которые одержала наша армия. Вашим трудом мы сильны и сегодня. Низкий вам поклон. Полковник М. Чижилов, участник Великой Отечественной войны».

«Интересный музей — это живая история страны. Каждый экспонат, фотографию хочется рассматривать подолгу. Сколько будет жить Урал — столько будет идти по миру слава о вас! Спасибо вам! г. Чебоксары, всего шесть подписей».

«История ЧТЗ — пример героизма, преданности своему делу, высочайшего уровня интеллекта и инженерного творчества. Удачи и успехов славному ЧТЗ. г. Москва, вице-адмирал Морозов».

В Интернете можно найти множество видеороликов и отзывов посетителей о музее ЧТЗ. Автор одного из видеосюжетов знакомство с Челябинском начал именно с музея, справедливо полагая, что историю Танкограда надо изучать с истории ЧТЗ:

«...Сама экспозиция музея представляет историческую ценность. Это музей в музее. Оформлением стендов занимались еще в советское время сотрудники завода. И с тех пор тут ничего не менялось. Здесь можно прикоснуться к целой эпохе. Отдельно хотелось сказать огромное спасибо нашему экскурсоводу, директору музея Надежде Артемьевне Дида. Ее рассказ настолько запал в душу, что полуторачасовая лекция пролетела как один миг. После Ельцин-Центра посещение музея получилось на контрасте. Было с чем сравнить. И второй музей мне понравился гораздо больше!»

Отзывы посетителей о музее — положительные, даже восторженные. Пользователи хвалят в первую очередь неравнодушных экскурсоводов, которые с душой рассказывают о каждом экспона-

те. Не случайно музей попал в топ 10 лучших музеев страны наряду с Третьяковкой и Эрмитажем в 2018 году. Рейтинг составлялся по отзывам посетителей, путешественников, оставленных на интернет-сайте. И музей ЧТЗ занял восьмую строчку, обогнав даже Русский музей в Петербурге.

Сотрудники музея говорят, что их вдохновляет сама атмосфера музея. И главный секрет успеха — в сохранении традиций.

— Музей сыграл огромную роль в моей жизни. Это место, в которое всегда хочется прийти, вернуться. Было время, когда в 1990-е гг. уходила в отпуск без содержания, но всегда мыслями и сердцем я была с любимым музеем, — рассказывает экскурсовод музея ЧТЗ Ольга Котова. В музей она пришла сразу после школы.

Училась всему у директора музея Елены Александровны Волковой. Она подавала экскурсии как историк: дата — событие... Когда услышала впервые Татьяну Прокопьевну Пушкареву — это была просто песня, поэма, театр. Она проводила экскурсии на высоком уровне. Научный сотрудник музея Нина Петровна Кульченкова, которая прежде работала в редакции, вела экскурсии по-другому, рассказывая о людях, переходя от портрета к портрету, от фотографии к фотографии... Экскурсии разные, но в основе — это, конечно, история ЧТЗ.

Экскурсии — это лишь часть работы музея. Его сотрудники, в частности, поддерживают связь со школами. В период пандемии, когда разрешили обучение в классах, но культурно-массовые мероприятия еще были запрещены, в том числе и экскурсии, музейщиков приглашали школы Тракторозаводского района проводить лекции по истории предприятия. Эта работа шла и прежде. Школьники приходят писать работы на основе материалов музея: о «черных ножах», о легендарной личности «короля танков» И. М. Зальцмана — детям все это очень нравится.

Музей ЧТЗ не просто один из музеев техники, которые распространены, например, в Европе, где представлены технологии, машины.

Здесь в первую очередь — люди. И посетители так и говорят после просмотра: «В этом музее есть душа».

Создать такой музей — это, конечно, подвиг. Те, кто стоял у его истоков, настоящие герои. Равно как и те, кто создавал новую экспозицию (1983), а затем сохранял музей в 1990-е годы. Все эти люди своим личным примером задали высокие стандарты. Музей ЧТЗ отличается какой-то камерностью. Потертый светло-коричневый кожаный портфель, в котором еще в 1933-м носил бумаги главный инженер ЧТЗ. Поодаль, в остекленной «книге» — американская «виза» челябинки, уехавшей в составе советской группы инжене-

ров в город Детройт проектировать ЧТЗ. Лапти и военные шинели тракторостроителей, металлические рюмки и шахматы. Почти все эти предметы принадлежали реальным горожанам, кроме разве что моделей техники, к примеру, тракторов «Сталинец», самоходок «Зверобой», тяжелых «ИС»-ов и легендарного Т-34.

Арсенал истории. Именно так уважительно именуют челябинский музей ЧТЗ — Танкограда. Среди подобных хранилищ истории предприятий региона ему, пожалуй, равных нет. Честно говоря, он давным-давно перешагнул ведомственные границы, без него просто немыслима летопись Челябинска. Чтобы побывать в этом музее, двери которого открыты для всех — школьников, ветеранов, историков, журналистов, делегаций ближнего и дальнего зарубежья, всегда есть прекрасный повод — интерес к истории легендарного завода.

Пожалуй, это не только ведомственный музей одного, пусть очень крупного, предприятия. Этот музей — документальный памятник Победы. Невозможно без трепета смотреть витрины с личными вещами легендарных людей: Ивана-дизеля — дважды Героя Соцтруда, почетного гражданина Челябинска; гениального танкового конструктора Ивана Яковлевича Трашутина; вот шинель, которую носил директор-нарком Танкограда Исаак Моисеевич Зальцман; китель и фуражка конструктора тяжелых танков Победы, трижды Героя Николая Духова... Именно они в невероятно тяжелых условиях в кратчайшие сроки сумели в Челябинске победить в дуэли с лучшими конструкторами танков гитлеровской Германии... Рядом в витрине висит не менее ценный для нас экспонат — промасленная роба рабочего Танкограда, боты-чуни, рабочие рукавицы. Кажется, они и сейчас хранят тепло неведомого нам сборщика танков, которые сумели одолеть стальные лавины Гудериана...

Сотрудники музея вели и до сих пор ведут поисковую работу, открывая людям все новые и новые страницы истории ЧТЗ. Более полувека работает в музее великолепный экскурсовод и хранитель музейных ценностей Татьяна Пушкарева. В трудные времена, когда ребром встал вопрос, быть или не быть музею, должность директора сократили, и Татьяна Прокопьевна, влюбленная в свою работу, взвалила на себя всю ответственность за сохранность музея, практически спасла его от гибели. И если уж говорить, кто сегодня лучше всех знает историю завода, так это именно она. Буквально каждый документ на учете у Пушкаревой, а накопилось их уже более 22 тысяч. Некоторое время после ухода на пенсию здесь работала бывший редактор газеты «За трудовую доблесть» Анна Константиновна Ситникова. Именно при ней музей ЧТЗ впервые вышел на областной партийный архив, получив немало дополнительной,

весьма любопытной информации о тружениках завода. Ситникова привела с собой замечательного журналиста Нину Кульченкову, за подписью которой на страницах заводской газеты публиковались интереснейшие материалы из жизни Танкограда.

Музей ЧТЗ всегда был добрым наставником в деле создания аналогичных экспозиций в подразделениях завода, школьных музеев. Так открылся музей трудовой и военной славы СКБ-2 (ОГК), а позднее — еще и в отделе испытаний СКБ-2, располагавшемся на опытном заводе. Музей истории ЧТЗ создан в школах № 38, 39, 48, 86 и 102. За помощью к архивариусам ЧТЗ обращаются журналисты и писатели, студенты и школьники. Раньше здесь частенько принимали в ряды комсомола и пионерии. И теперь проводятся встречи ветеранов с призывниками и молодежью заводских подразделений — в том числе по инициативе клуба «Танкоград».

Все эти годы музеем ЧТЗ везло с руководителями: каждый из них внес свою лепту в оснащение экспозиции новыми материалами и умелую организацию проведения экскурсий.

В начале 1970-х руководство завода привлекло в музей работника райкома комсомола В. А. Пискунова. Сын тракторостроителя, он много знал о жизни завода, работал контролером на моторном производстве. Природная любознательность, стремление восполнить недостающие знания, инициативность, открытость, общительность — все эти качества настоящего музейщика были присущи Владимиру Алексеевичу. Люди тянулись в музей, приходили пообщаться, приносили интересные документы и материалы. Постоянно пополняющиеся фонды музея были систематизированы, разрабатывались новые формы и методы работы.

Именно в эти годы возникла необходимость переосмысления истории завода 1940–1960-х годов, т. к. накопленные материалы позволяли четче и глубже проработать каждый этап истории: война, целина, Антарктида, реконструкция, новая техника... Пришло время создавать новую экспозицию. Большую помощь в этом оказали ветераны завода, авторы «Летописи Челябинского тракторного» — писатели Л. С. Комаров, Е. Г. Ховив, огромную поддержку ощущал коллектив музея от руководства завода — директора Н. Р. Ложченко, секретаря парткома В. Н. Богданова, помогал и комсомол. Музей был нужен всем.

Три года титанического труда — и работа по созданию новой экспозиции была завершена. Основной груз лег на сотрудников музея. Это были специалисты высочайшего класса, настоящие профессионалы: В. Шмидт, Е. Волкова, Т. Пушкарева, А. Ситникова, Н. Кульченкова — они отдавали свои знания, мысли, чувства лю-

бимой работе. Результатом их труда стала прекрасная экспозиция, открытая к 50-летию завода (1983), которая существует и сегодня.

И это настоящее произведение музейного дела! Несмотря на то, что сегодня используются другие материалы, экспозиция поражает своей выразительностью, образностью и технологиями, а ведь это было 41 год назад. И многие специалисты сходятся во мнении, что экспозицию музея ЧТЗ нужно сохранять в первозданном виде.

Музей входил в гостевой маршрут, и его посетителями были секретари ЦК КПСС Константин Черненко, Егор Лигачев, приезжали работники министерств, ведомств, трудовые делегации ХТЗ, СТЗ, других предприятий страны, иностранные делегации и многие другие. Принимали до двухсот человек ежедневно.

В пору директорства Владимира Пискунова на базе музея проводились всесоюзные семинары. Челябинцы передавали коллегам из других городов собственный опыт проведения увлекательных экскурсий, независимо от того, кому они предназначены: детям, студентам, рабочим или руководителям предприятий.

В 1990-е гг. музей ЧТЗ, как и весь завод, переживал не лучшие времена. Значительно сократился штат музея. Основной задачей сотрудников было сохранение действующей экспозиции. В эти годы музей возглавляли Л. В. Валишина, А. А. Курицын, исполняла обязанности директора Т. П. Пушкарева — бессменный хранитель музейных ценностей. Несмотря ни на что, музей продолжал работать. В его залах по-прежнему проводились экскурсии, организовывались мероприятия, велась консультационная работа.

Сегодня музей трудовой и боевой славы «ЧТЗ-УРАЛТРАК» — историко-культурный центр и для заводчан, и для района, и для Челябинска. Коллектив музея проводит работу по пропаганде истории тракторного завода, по героико-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, по профессиональной ориентации молодежи.

С 2002 года музей работал под руководством Ю. А. Тиванова — тракторостроителя с 50-летним стажем. Им решался вопрос по оснащению музея новыми техническими средствами, вопросы обновления и расширения экспозиционных площадей. Ведь то, что было создано в 1980-е гг., сегодня уже история.

Честь и хвала заводу за то, что он хранит свою историю. Но музей — это не только «хранитель древностей», это пропагандист новых достижений. Настало время рассказать о сегодняшнем дне завода, показать будущее. И это очередная задача, которую успешно решает небольшой коллектив музея ЧТЗ: директор музея — Надежда Артемьевна Дида, заслуженный работник культуры Российской Федерации; хранитель — Татьяна Прокопьевна Пушкарева (награж-

дена грамотой Министерства культуры РФ); экскурсовод — Ольга Александровна Котова (награждена грамотой Министерства промышленности и торговли РФ).

Директор представляет свой маленький коллектив так: хранитель, Татьяна Прокопьевна Пушкарева, — профессионал, со всеми присущими достоинствами: любовью к предметам хранения, знаниями о том, как они появились, где лежат, как хранятся, и главное — что за ними стоит; экскурсовод, Ольга Александровна Котова, — это глубокие знания, умение найти подход к любой аудитории; а мое дело — создать условия для этих талантливых женщин, помогать продвигать хранимое наследие в мир.

Музей ЧТЗ всегда интересен для своей аудитории, это в первую очередь площадка увлекательного доступа к объектам, хранящим память прошлого (1929–2024 гг.). Пятьдесят семь лет назад создавали музей пытались понять, как лучше спроектировать его экспозицию, как организовать выставочное пространство. Заслуга их в том, что сейчас посетителям легко и просто передвигаться по залам, им понятен и удобен для восприятия уникальный музейный социум (фотографии, тексты, графическое и художественное изображение, макеты, натуральные экспонаты и многое-многое другое).

Диалог — вот основная форма работы музея с посетителями. В процессе работы здесь объединили усилия с различными культурно-образовательными пространствами (другими музеями, библиотеками, университетами и т. д.). Ведь музей — это история Танкограда, рождение которого область отмечает 6 октября каждого года в торжественно-праздничной атмосфере, а главный митинг проходит на Комсомольской площади.

Книга отзывов позволяет постоянно исследовать аудиторию, узнавать, какие темы пользуются повышенным интересом, какие программы ценятся больше всего и почему, каких мероприятий не хватает — сотрудники постоянно ищут новых партнеров для совместных проектов и увеличения потока экскурсантов. Своеобразной акцией стал спектакль-реконструкция по пьесе Михаила Рощина «Эшелон», посвященной эвакуации предприятий в тыл в годы Великой Отечественной войны. Декорации спектакля были исторически достоверными, ведь он был разыгран в музее трудовой и боевой славы ЧТЗ.

Почему в качестве театральной площадки был выбран именно заводской музей? Однажды студенты-второкурсники отделения актерского искусства и театрального творчества колледжа культуры после экскурсии в музей ЧТЗ так были впечатлены великой историей нашего завода и погружением в прошлое благодаря экс-

курсоводу — директору музея Надежде Артемьевне Дида, что сами предложили сыграть спектакль именно в этих стенах. Они даже буквально срисовывали свои театральные образы с тех реальных людей-танкоградцев, фотографии которых представлены в экспозиции музея. Актеры разыграли, прожили перед зрителями — молодыми тракторостроителями историю десятка семей, которые направляются в эшелоне, вместе со станками, заводским оборудованием, в глубь страны, с их горестями и радостями, трагедией войны и надеждой на завтрашний день. Спектакль-реконструкция глубоко тронул работников ЧТЗ, узнавших в талантливо воплотивших в жизнь историю актерах своих предков, своих предшественников в заводских стенах, где сами сегодня работают. Заводчане искренне, со слезами на глазах благодарили молодых актеров за пережитые эмоции, за глубокое и правдивое воплощение нашего прошлого.

Здесь ценят каждого посетителя, и очень важно, что экспозиция привлекает не только коренных челябинцев, но и жителей всей России и зарубежья, и, конечно же, очень приятно читать искренние, добрые слова в адрес музея и его сотрудников, они дают силы для дальнейшего развития.

За 57 лет существования музея (1967–2024) через его залы прошли более миллиона посетителей. Это не только тракторостроители и жители города, но и гости из многих уголков нашей страны, Ближнего и Дальнего зарубежья.

В экспозиции музея представлены подлинные документы, личные вещи, образцы техники и ее модели, выпускавшиеся заводом в разные годы.

Экспозиция насчитывает шесть залов:

- Даешь Тракторный (1929–1933);
- Становление тракторного гиганта (1933–1940);
- Танкоград (1941–1945);
- ЧТЗ — народному хозяйству (1946–1965)
- К новым рубежам (1966–1985);
- Курсом научно-технического прогресса (1980–1991).

Музей ЧТЗ — уникальное, бесплатное учебное пособие для людей всех возрастов, потому как в его стенах сформировалась история завода и страны! Челябинский тракторный — это:

- сто тысяч тракторов эпохи индустриализации;
- танковый арсенал Великой Отечественной;
- техника для освоения целины и Антарктиды;
- первые сверхмощные промышленные тракторы.

В залах музея много интересного о создании и создателях этих

машин — талантливых конструкторах и рабочих, которые прославили завод.

Музей ЧТЗ является культурно-просветительным учреждением, целенаправленно собирающим, хранящим, экспонирующим подлинные документы и вещественные материалы, представляющие историческую, научную ценность.

Недавно в музее ЧТЗ появились уникальные экспонаты — вещи, связанные с жизнью танкового короля Исаака Зальцмана. Их привез из Санкт-Петербурга от родных бывшего директора ЧТЗ челябинский литератор Алексей Казаков.

В экспозиции музея появились штаны и книга произведений Владимира Маяковского. Известный советский полярник Иван Папанин подарил директору ЧТЗ утепленный комбинезон на гагачьем пуху, в котором позже Исаак Зальцман будет ходить на охоту. Другая уникальная вещь из семьи «танкового короля» — книга произведений Владимира Маяковского. Она была подарена популярным в годы войны артистом разговорного жанра Владимиром Яхонтовым.

Дарственная надпись «Романтику социалистического труда» была сделана на книге в день передачи танка «Владимир Маяковский» его экипажу. Стоит отметить, что оба эти подарка «танковому генералу» объединяют танки с именами на броне. Так по инициативе советских полярников были собраны денежные средства на создание танковой колонны «Советский полярник». Был в ней танк с именем знаменитого исследователя Арктики Ивана Папанина.

В августе 1944 г. на ЧТЗ частым гостем стал исполнитель стихов В. Маяковского Владимир Яхонтов. На свои средства артист построил в годы войны танк, на броне которого было написано «Владимир Маяковский».

История Великой Отечественной войны связала воедино Челябинск и Танкоград. И новые «штрихи» этой истории интересны и ценны.

Музей трудовой и боевой славы Челябинского тракторного завода — постоянный и активный партнер Объединенного государственного архива Челябинской области, а директор музея, Надежда Артемьевна Дида, — фондообразователь архива.

На базе музея ЧТЗ реализован проект «Поколение Т». Он получил поддержку Президентского фонда культурных инициатив и направлен на привлечение молодежи к сохранению исторической памяти о вкладе коллектива ЧТЗ в развитие города и области. Суть проекта в создании четырех тематических площадок: школы реставратора, школ моделиста и экскурсовода и даже киноклуба. Цель каждого такого «клуба по интересам» — вовлечь школьников

и студентов города в работу музея ЧТЗ, сформировать «эстафету» опыта и знаний.

«ЧТЗ давно стал узнаваемым брендом города, а наш заводской музей — знаковым местом не только для работников нашего предприятия. Экспозиция музея, ее аутентичность, наполненность важными вехами развития региона, неизменно уже много лет притягивает внимание горожан и гостей Челябинска. Поэтому для нас важно обеспечить развитие музея, сформировать вокруг него актив молодых ценителей достижений заводчан по созданию передовых тракторов и танков Танкограда. Если коротко — вырастить патриотичное по отношению к родному региону “Поколение Т”», — считает генеральный директор ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК» Елена Тихомирова.

Отметим, что в рамках школы реставратора ученики не просто получают знания по реставрации музейных и художественных предметов, но и применяют их на практике, полностью обновив один из экспозиционных залов Выставочного комплекса. Учащиеся школы моделиста создадут свои модели бронетанковой техники ЧТЗ, которые придут на смену музейным предметам, требующим капитальной реставрации.

А вот деятельность школы экскурсовода станет продолжением уже начатой ранее работы по подготовке достойной молодой смены действующего коллектива музея — «гидов Победы». Напомним, что недавно в музее были подведены итоги проекта «Дорогами подвига», получившего поддержку Фонда грантов губернатора Челябинской области и стартовавшего в октябре 2023 г.

Работа киноклуба будет включать в себя 15 теоретических и практических занятий по режиссуре и операторскому искусству, а итогом станет создание шести трехминутных фильмов, посвященных Героям Социалистического Труда Танкограда — работникам Челябинского тракторного завода.

Кстати, «школьными» преподавателями станут действующие сотрудники музея, а также приглашенные специалисты. По итогу, творческие работы будут аккумулированы на созданном специально для проекта интернет-портале «Хроника Танкограда».

Музей завода — это как живая история. Здесь многое наводит на размышления, заставляет задуматься. Ветераны труда вспомнят свою юность, молодежь познакомится с жизнью отцов и дедов.

И никто не останется равнодушным.

В создание музея, в его работу на протяжении почти шести десятилетий был вложен труд многих людей. Их энергии, энтузиазму, профессионализму мы обязаны тем, что имеем сегодня. Сила музея

ЧТЗ, его долговечность, выживаемость в трудные годы — все это от того, что он стал поистине народным музеем. Теми, кто создавал его, двигало чувство ответственности, долга перед многочисленным коллективом завода. Как говорит нынешний руководитель музея Надежда Дида, *«мы видим ежедневно, как героическое прошлое тракторного завода заставляет наших посетителей задуматься о своем настоящем и будущем»*.

Коллектив музея более 30 раз был отмечен дипломами, грамотами, значками ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Министерства культуры РСФСР, Министерства просвещения РСФСР; Всесоюзного Совета научно-технических обществ, ветеранских организаций России.

Музей ЧТЗ находится в Тракторозаводском районе Челябинска по адресу: пр. Ленина, 19. Это символично, потому как проспект Ленина в Челябинске — это не только центральная улица города, но и историческая ось Южного Урала. Первый трактор ЧТЗ С-60, танк ИС-3, памятник академику И. В. Курчатову — символы трех важнейших этапов развития Челябинской области: индустриализации, Великой Отечественной войны и атомного проекта. Не случайно, что и музей трудовой и боевой славы ЧТЗ стоит в этом ряду.

М. А. Новиков

**Выпускница исторического факультета
Челябинского педагогического института
Юлия Ичёва — боец Челябинской бригады
Уральского добровольческого
танкового корпуса**

В октябре 2024 г. исполнилось 90 лет с начала занятий в Челябинском педагогическом институте, в сентябре 1935 г. первые студенты переступили порог организованного исторического факультета, а в 1939 г. состоялся его первый выпуск. 4 и 9 июля 1941 г. 35 выпускников стали учителями-историками средней школы и 21 — неполной средней школы (семилетки) [1, л. 7, 8–8 об., 20 об. — 21, 22; 2, л. 1–2]. С началом Великой Отечественной войны кардинально изменилась учебная жизнь и института, и исторического факультета. По *Воспоминаниям* его выпускницы 1941 г., в будущем известного историка-методиста Л. Г. Майзель: «Готовимся к госэкзаменам, успешно сдаем их. Планы. Планы. А 22 июня 1941 г. митинг в институте. Первыми ушли на фронт мои сокурсники, <...> Многие не вернулись, для нас они остались вечно в памяти и в сердце<...>» [3, с. 77–78].

Несмотря на то, что Великая Отечественная война в истории исторического факультета за прошедшие годы нашла отражение на страницах различных работ, в том числе подготовленной **его** ветеранами и преподавателями обобщающей истории [6, с. 21–32, 58–62], а также по истории кафедр факультета [7, с. 9–10; 8, с. 17–18], в настоящее время все больше возрастает интерес исследователей не только к изучению роли факультета в приближении победы в Великой Отечественной войне, но об участии его преподавателей и студентов в сражениях и работе в тылу [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Однако еще достаточно сюжетов, которые необходимо изучать, в том числе по его студентам и выпускникам — участникам Великой Отечественной войны. На это обращает внимание и современная нормативно-правовая база преподавания истории родного края [15; 16, с. 55–61]. Мы попытаемся сделать это на примере судьбы бойца Челябинской бригады Уральского добровольческого танкового корпуса Юлии Ичёвой (по Ю. А. Ичёвой есть небольшое число краеведческо-энциклопедических работ [17; 18; 19] и информации на Интернет-ресурсах.)

В 1965 г. из серии публикаций А. А. Готиной в газете Челябинского педагогического института «Молодой учитель» преподаватели, студенты и южноуральцы узнали о подвиге Юлии Ичёвой [20; 21]. Позднее материал А. А. Готиной несколько раз перепечатывался в «Музейном вестнике» [17; 18; 22] и размещался на сайте университета. В 1960–1980-е на страницах «Кыштымского рабочего» вышло несколько публикаций о судьбе и подвиге Юлии Ичёвой: директора дома пионеров В. Санкович «Мы помним героев!» в 1965 г. [23], «Навечно в памяти народной» Н. Стрельниковой в 1975 г. [24] и *Воспоминания* «Такая короткая яркая жизнь» В. Востротиной в 1982 г. [25].

4 июля 1941 г., согласно приказу по Челябинскому педагогическому институту, его закончила Ичёва Юлия Александровна [2, л. 1–1 об.]. В характеристике на нее, подписанной директором института П. Б. Жибаревым 18 ноября 1940 г., декан исторического факультета М. Н. Мельникова указала: «Ичёва Юлия Александровна, рождения 1921 г., по национальности — русская, поступила в институт в 1939 г. До поступления в институт окончила 2 курса педучилища, общественная работа: комсорг группы, педстажа нет. По учебной работе имеет оценки отлично — 3, хорошо — 3, в том числе по своей специальности: отлично — 1, хорошо — 1, посредственно — 1. Тов. Ичёва является дисциплинированным студентом, организаторские навыки имеет, по подпрактике оценка¹. Рекомендуется на работу в качестве учителя истории неполной средней школы» [2, л. 51].

¹ Оценка не указана.

Еще 1 июля 1941 г. Юлия Ичёва Кировским райвоенкоматом была призвана в Красную армию, так как в 1940 г. закончила курсы медицинских сестер, и ее направили для прохождения службы в эвакогоспиталь [25; 26]. Подруга Юлии Ичёвой по педагогическому училищу В. Востротина, спустя годы, написала на страницах «Кыштымского рабочего» *Воспоминания* о ней «Такая короткая яркая жизнь» с указанием подробностей биографии Юлии: «Мы вместе купались в речке Кыштымке, ходили в лес по ягоды и грибы. Юля любила спорт, прекрасно плавала. Сколько лет прошло, а помню ее лицо до малейших подробностей. Если бы я умела, смогла бы написать ее портрет по памяти. У Юли были светлые волосы, карие глаза, чистое смугловатое лицо с нежным румянцем. Летом она загорала “до черноты”. Очень любила солнце. <...> Ласковая, трудолюбивая, Юля была любимицей и в семье, и в школе. “Моя помощница”, — так ее называла Юлина мама.

После окончания семилетки (в 1937 г.) Юля решила идти учиться в педучилище. И меня она убедила в том, что лучшей профессии, чем учитель, не бывает. “Ты представляешь, что такое учить детей? Делать из них самих себя. Отдавать им то, что знаешь сам, и видеть, как они становятся хорошими людьми”. И, хотя я мечтала тогда стать штурманом дальнего плавания (влияние времени), Юля убедила меня. Вместе мы проучились в педагогическом училище два года. Юля была художником “Прожектора” — литературно-художественного журнала, который выпускал литературный кружок нашего училища. Рисовала она хорошо. Но больше всего увлекалась историей. С упоением читала исторические романы. “Я хочу жить долго-долго! — заявила она однажды после того, как мы вместе прочитали роман о Степане Разине. — Какое это счастье — жить на свете!”. И даже глаза плотно зажмурила на словах “долго-долго”. А потом помолчала, задумавшись. О чем? Я не смела нарушить ее молчание. Юля была старше меня на два года и казалась мне очень взрослой и умной» [25].

После мобилизации, как закончившую курсы медсестер, Юлию Ичёву направили в глазное отделение эвакогоспиталя, где особенно пригодилась ее аккуратность, терпение, сноровка, сердечность. Она читала раненым газеты, рассказывала последние известия, писала письма их родным. Комсомольцы госпиталя избрали ее своим секретарем [20]. Своей подруге по педучилищу В. Востротиной Юля писала на фронт: «Как я тебе завидую! Место каждого молодого человека сейчас только на фронте! В тылу могут работать и пожилые». Она писала одно за другим заявления с просьбой направить ее в действующую армию. И в марте 1943 г. я читаю в ее

очередном письме: «Поздравь меня, Валя! Мои мечты сбылись! Я еду на фронт!» [25], но до отправки на фронт было еще два месяца, так как 9 мая 1943 г. состоялись торжественные проводы Челябинской бригады Уральского добровольческого танкового корпуса им. И. В. Сталина, в который 12 марта 1943 г. Юлия Ичёва была зачислена санинструктором по направлению эвакогоспиталя и подавшая заявление добровольцем [27].

В Объединенном государственном архиве Челябинской области, в делах фонда П-288 К «Коллекции документов по истории Челябинской областной партийной организации» собраны разнообразные документы и по истории Уральского добровольческого танкового корпуса, в том числе списки по городам и районам области отобранных добровольцев для зачисления в корпус за март 1943 г. Среди них и Юлия Ичёва. Несмотря на то, что она — уроженка Кыштыма, но в списке кыштымцев, подавших заявления в корпус, она не значится [28], так как на момент его формирования проходила службу в Челябинске и была зачислена через Советский райвоенкомат [29, л. 22], что подтверждается списком отобранных добровольцев по Советскому району, подписанным секретарем райкома ВКП(б) Летягиным, в котором указаны 64 человека и 12 дописаны дополнительно [30, л. 10–14], в нем под № 5 — Ичева Ю. А. [30, л. 13 об].

В одном из дел содержится интересный документ за 3 апреля 1943 г. — требование помощника командира бригады по хозяйственной части подполковника Фунтикова об изготовлении для 18 добровольцев-девушек обмундирования и обуви, в котором под номером 15 значатся: Ичёва Ю. А. [31, л. 13], а также список военнослужащих войсковой части № 768, где также под номером 15 указана: «Ичева Юля Александровна, санинструктор М.С.В.» [31, л. 14].

24 ноября 1943 г. «Челябинский рабочий» опубликовал письмо из гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса гвардии капитана В. Солдатова и гвардии младшего лейтенанта А. Докучаева «Сражаются южноуральцы», одно из его разделов названо: «Подружки», в котором они сообщили южноуральцам о героическом подвиге и трагической гибели Юлии Ичёвой [32]. 9 марта 1944 г. письмо повторно опубликовала кыштымская газета «За цветные металлы» [33].

«Подружки. Так звали в части этих девушек — черненькую, похожую на испанку, Марусю Бахрак и русую Юлю Ичёву. Они вместе учились в Челябинском педагогическом институте. По учебникам изучали историю войны. И, когда Родина вступила в войну, девушки пошли на фронт, чтобы там, по выражению Маруси Бахрак, в гро-

хоте орудий услышать голос истории. Но война сурова и жестока. И теперь в минуты воспоминаний о гибели подруги хмурятся брови Маруси и под глазами яснее обрисовывается паутина морщинок, образовавшихся после того боя. Маруся во время боя оказывала первую помощь раненым, усаживала их в машину и отвозила на санпункт. В этот день Юля уехала с танковым десантом. Маруся волновалась не за себя. Сердце болело за подругу, и опасение подтвердилось. Когда с одной из машин Маруся приехала на санпункт, ее позвали к Юле. Подруга получили три тяжелых ранения.

— Успокойся, Маша. Все пройдет, — проговорила Ичёва, увидев на глазах у Маши слезы. И тут же забылась.

Помощи Маруси ждали на поле боя. И она поехала. Скоро раненные были эвакуированы. Но это было не все. После битвы надо было прочесать “участок” боя, просмотреть все уголки. И Маруся свято выполнила свой долг. А когда она вернулась, Юля лежала бледная, словно омытая какими-то невиданными дождями... Маруся долго, долго смотрела на остывшее лицо подруги... Юлию Ичёву командование посмертно наградило орденом Отечественной войны 2-й степени. У Маруси на груди — орден Красного Знамени¹» [32].

Согласно приказу № 7/н от 26 августа 1943 г. по 30 добровольческому Уральскому танковому корпусу: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество <...> орденом «Отечественная война 2-й степени» <...> красноармейца Ичёву Юлию Александровну — санитарного инструктора моторизованного стрелково-пулеметного батальона 244-й Челябинской танковой бригады. Посмертно» [27].

В представлении о награждении Ю. А. Ичёвой командир механизированного стрелково-пулеметного батальона Новокрещенов 15 августа 1943 г. указал: «Тов. Ичева Ю. А. санинструктор в боях за населенный пункт Вишневецкая и Борилово 31 июля 1943 г. проявила мужество и отвагу. В бой тов. Ичева Ю. А. поехала в числе танкового десанта вместе со своей ротой. Будучи тяжело раненной, т. Ичева Ю. А. под сильным пулеметным, ружейным и минометным огнем продолжала перевязывать раненых и эвакуировать их в тыл. Тов. Ичева Ю. А. самоотверженно продолжала оказывать помощь раненым до конца боя. Подобранная на поле боя тяжело раненной, при перевозке ее с поля боя до санитарного пункта тов. Ичева умерла. Тов. Ичева Юлия Александровна посмертно достойна правительственной награды орденом Отечественной войны 2-й степени». Командир 244 танковой бригады полковник Фомичев поддержал

¹ В письме ошибка — орден Красной Звезды.

представление: «Достойна награждения орденом Отечественной войны второй степени» и 26 августа 1943 г. командир 30 добровольческого Уральского танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск Родин его утвердил: «Наградить орденом Отечественной войны второй степени посмертно» [34].

Юлия Ичёва стремилась на фронт, чтобы отомстить и пожертвовать собой — погибнуть: у Юли пропал без вести брат, и она стремилась смыть пятно позора, кровью отомстить за него и погибнуть, поэтому и рвалась на фронт, вместе с бойцами на броне танка ушла в атаку... Это сблизило её и сдружило с Марией Бахрак, которой неизвестна была судьба родителей, оставшихся на оккупированной территории в Орловской области (сейчас — Брянская), в одном из местечек. Ведь девушки могли остаться и работать учителями истории, но они выбрали другой путь — закончили школы медсестер, работали санитарями в эвакогоспитале и добровольцами записались в танковую бригаду...

М. Г. Бахрак, вспоминая Юлю Ичёву спустя годы, написала: «Не было в бригаде ни одной медсестры, которую бы так любили, ценили и уважали, как Юлю. Да и могло ли быть иначе? О ее простоте, человечности, отзывчивости, постоянном стремлении помогать другим, необыкновенной скромности, сердечности никогда не забудут те, кто знал Юлю. А какое милое, приветливое лицо, какие ловкие руки, быстро перевязывающие раны, какое неиссякаемое терпение в обращении с тяжелоранеными!» [25]. На привалах часто звучал голос Юлии: она очень любила петь. Особенно ей нравились песни «Вечер на рейде», «Я уходил тогда в поход», «Землянка» [6, с. 61].

В документах о гибели Юлии Ичёвой представлена разноречивая информация о месте ее захоронения, и в Книгах Памяти указана ошибочная информация: Орловская область, Болховский район, д. Борилово [35, с. 290]. В 2021 г. руководитель поискового отряда «Редут-Доброхот» из г. Челябинска П. А. Стромов не смог посетить место захоронения Юлии Ичёвой, согласно указанному в Книге Памяти Челябинской области [36, с. 308–309]. В 2015 г. на запрос жительницы улицы имени Юлии Ичёвой г. Кыштыма Надежды Карцевой пришел ответ из Орловской области от председателя Знаменского сельского совета ветеранов Зои Тепляковой, которая сообщила, что медсестра Ю. А. Ичёва, погибшая под деревней Борилово Болховского района, была перезахоронена вместе с боевыми товарищами в 1948 г. в деревне Булгаково Знаменского района. В письмо вложена фотография памятника на братской могиле, где второй в списке названа Юлия Ичёва [37].

Жители г. Кыштыма чтут память о своей землячке Ю. А. Ичёвой. В преддверии 20-летия Победы в 1964 г. комсомольцы города решили увековечить ее имя. Горком комсомола обратился в исполнительный комитет Кыштымского городского совета депутатов трудящихся с просьбой переименовать улицу Сосновскую в улицу имени Юлии Ичёвой. Горисполком поддержал просьбу комсомольцев и 27 апреля утвердил переименование. 9 мая состоялось торжественное собрание жителей улицы, многие из которых помнили Юлию. На нем было оглашено решение, что улица, на которой жила героиня-комсомолка, будет носить ее имя. Над улицей имени Юлии Ичёвой взял шефство пионерский отряд одной из школ г. Кыштыма [21]. Позднее на улице была установлена мемориальная аннотационная доска, которая, к сожалению, позднее была утрачена, а новая так и не установлена. Так же одному из пионерских отрядов восьмилетней школы № 5, которую закончила Юлия Ичёва, присвоили ее имя [23].

Однокурсница Юлии Ичёвой по педучилищу В. Востротина очень гордилась, что в честь ее подруги в Кыштыме названа улица: «Я иду по улице Юлии Ичёвой. Очень изменилась эта улица, бывшая Сосновская. В конце ее уже несколько красивых многоэтажных зданий. Но дом, где родилась и выросла Юля, откуда ее провожали на фронт в мае 1943 г., сохранился. Там живет Анатолий Александрович, младший брат Юли, со своей семьей. И внучку свою он назвал Юлией, и отчество у маленькой Юли — Александровна. Как я хочу, чтобы эта тезка Юлии Ичёвой, ее внучка, выросла похожей во всем на свою бабушку! И самое мое горячее желание, чтобы вторая Юля никогда не узнала ужасов войны, чтобы она жила «долго-долго», как мечтала ее бабушка!» [25].

Имя Юлии Ичёвой нанесено на мемориальную доску преподавателей, сотрудников и студентов Челябинского педагогического института, погибших в годы Великой Отечественной войны, и ее фотография представлена на стенде в музейной комнате исторического факультета.

В письме М. А. Меньшиковой — краеведу, собирающей материал по истории корпуса, М. Г. Бахрак 27 февраля 1984 г. написала, что в 1964 г. по приглашению совета ветеранов посетила г. Кыштым [38, л. 1 об].

В виртуальном музее управления по делам образования администрации Кыштымского городского округа в информации «Известные выпускники. Юлия Ичева. СОШ № 1» [39] имеется существенная неточность: «Командование госпиталя послало лучших медицинских сестер Ю. А. Ичёву и М. Г. Бахрак в 63-ю Челябин-

скую добровольческую танковую бригаду» [38, л. 2], т. е. поставлено под сомнение добровольчество Юлии Ичёвой и Марии Бахрак, что не соответствует действительности и опровергается архивными документами [29; 30].

Часть документов из ее семейного архива передана в Кыштымский историко-революционный музей и сейчас представлена на информационном ресурсе «Госкаталог». Памяти Юлии Ичёвой кыштымский краевед В. И. Щербаков посвятил стихотворение «На фланге правом...» [38, л. 2], а Ульяна Малёва — «Памяти Юлии Ичёвой» [40]. Учитель математики школы № 5 О. А. Семенова сделала методическую разработку для проведения классного часа «Герои Отечества — наши земляки. Юлия Ичёва» [41].

В 2003 г. в Кыштыме был открыт мемориал Уральскому гвардейскому добровольческому танковому корпусу, а в 2019 г., благодаря стараниям местного краеведа А. В. Мелентьева, на нем установлена и торжественно открыта мемориальная плита, на которой увековечены имена 50 кыштымцев — воинов Уральского гвардейского добровольческого танкового корпуса, среди них и Ю. А. Ичёва [19]. 9 декабря 2021 г. Кыштымская городская библиотека им. Б. Е. Швейкина провела вечер памяти, посвященный 100-летию рождения Ю. А. Ичёвой, на котором присутствовали два ее племянника — Владимир и Александр Анатольевичи Ичёвы [42]. Спустя годы В. Востротина написала об Юлии Ичёвой: «И сейчас, когда пишу эти строки, не могу сдержать слез. Но это не только слезы горя. Гордость за подругу юности переполняет мое сердце, и я верю, что память о таких, как Юля, навсегда сохранится в человеческом сердце» [25].

Таким образом, мы рассказали о медсестре — бойце Челябинской бригады Уральского добровольческого танкового корпуса Юлии Ичёвой — выпускнице исторического факультета Челябинского педагогического института 1941 г., которая не только совершила воинский подвиг на поле боя, оказывая помощь раненым воинам и вынося их с места сражения, но и навечно осталась в памяти потомков, а мы не должны забывать об этом и передавать Память последующим поколениям.

Список литературы:

1. Архив ЮУрГГПУ. Книга приказов по студентам. — Д. 80.
2. ОГАЧО. — Ф. Р-1000. — Оп. 1 Л. — Д. 915.
3. Майзель, Л. Г. Выпуск сорок первого. *Воспоминания* / Л. Г. Майзель // Музейный вестник. — Вып. 23. — Челябинск : ЧГПУ, 2004. — С. 77–79.

4. ОГАЧО. — Ф. Р-1606. — Оп. 1. — Д. 46.
5. ОГАЧО. — Ф. Р-1606. — Оп. 1. — Д. 50.
6. История и историки: Нам 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее). — Челябинск : ЧГПУ, 2006. — 275 с.
7. Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / Л. Г. Майзель и др. — Челябинск : ЧГПУ, 2008. — 216 с.
8. Горшков, С. М. Годы в мелькании дней: размышления о людях и делах кафедры всеобщей истории ЧГПИ, ЧГПУ, ЮУрГГПУ / С. М. Горшков, С. А. Лазарев, В. Д. Павленко, С. Г. Ткаченко ; отв. ред. Н. Б. Виноградов. — Челябинск : АБРИС, 2018. — 256 с.
9. Шмакова, Н. П. Преподаватели кафедры отечественной истории Челябинского государственного педагогического института — участники Великой Отечественной войны (на материале музейного комплекса ЧГПУ) / Н. П. Шмакова // Великая Отечественная война в исторической памяти южноуральцев : материалы обл. ист.-краев. пед. чтений, посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Челябинск : АБРИС, 2010. — С. 86–89.
10. Попова, О. П. «В этот грозный для нашей Родины исторический период...»: преподаватели исторического факультета Челябинского педагогического института в годы Великой Отечественной войны / О. П. Попова // Наука и образование в жизни советского общества : сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 29 окт. 2012 г. : в 12 ч. Ч. 2 / М-во обр. и науки РФ. — Тамбов : Бизнес — Наука — Образование, 2012. — С. 116–118.
11. Худобородов, А. Л. Выдержали испытания временем... (студенты и преподаватели исторического факультета Челябинского педагогического института в 1941–1945 гг.) / А. Л. Худобородов, А. В. Самохина // Архив в социуме — социум в архиве: материалы третьей регион. науч. практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2020. — С. 303–305.
12. Новиков, И. А. Выпускник Челябинского педагогического — Герой Советского Союза А. И. Невзгоднов: новые документы архивов Челябинской области / И. А. Новиков // Музейный вестник Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета / сост. Н. А. Вахрушева. — Челябинск : ЮУрГГПУ, 2021. — Вып. 44. — С. 161–171.
13. Новиков, И. А. 1418 огненных дней и ночей: Великая Отечественная война в судьбе доцента кафедры истории СССР Челябинского педагогического института В. Е. Четина (по источникам личного происхождения) / И. А. Новиков // Х Лазаревские чтения: «Лики

традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» : сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. Челябинск, 25–26 февр., 12–13 марта 2022 г. / сост. Л. Н. Лазарева. — Челябинск : ЧГИК, 2022. — С. 300–302.

14. Исаков, М. А. Судьбой связанный с войной: фронтовые дороги доцента кафедры истории СССР Челябинского педагогического института Василия Егоровича Четина / М. А. Исаков // Мы выстояли и победили: Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы. Оренбург, 26–27 мая 2023 г. : сб. статей / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. — Оренбург : ОГПУ, 2023. — С. 96–101.

15. Методические рекомендации и дидактические материалы по изучению Второй мировой и Великой Отечественной войн в общеобразовательных организациях Челябинской области / под ред. В. М. Кузнецова. — Челябинск : ЧИППКРО, 2020. — 72 с.

16. История родного края. Челябинская область (Южный Урал): концепция преподавания и региональный историко-культурный стандарт / под ред. В. М. Кузнецова. — Челябинск : Край Ра, 2022. — 84 с.

17. Зайцева, Э. Р. Героев кровь на знаменах горит / Э. Р. Зайцева // Музейный вестник. — Вып. 4 (9). — Челябинск : ЧГПУ, 2001. — С. 10–12.

18. Зайцева, Э. Р. «Героев кровь на знаменах горит...». О Юлии Ичёвой / Э. Р. Зайцева // Музейный вестник Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета : спецвып. к 85-летию ист.о фак. / сост. Н. А. Вахрушева. — Челябинск : ЮУрГГПУ, 2021. — Вып. 45. — С. 138–139.

19. Мелентьев, А. В. Кыштымцы в составе Уральского добровольческого танкового корпуса / А. В. Мелентьев // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. 2020 г. : сб. материалов / под ред. С. В. Неганова. — Пермь, 2021. — С. 331–355.

20. Готина, А. Медсестра Юля / А. Готина // Молодой учитель. — 1965. — 23 апр.

21. Готина, А. Имени Ичёвой / А. Готина // Молодой учитель. — 1965. — 28 мая.

22. Готина, А. Сестричка / А. Готина // Музейный вестник / сост. Н. А. Вахрушева, Г. С. Шкребень. — Челябинск: ЧГПУ, 2011. — Вып. 33. — С. 33–36.

23. Санкович, В. Мы помним героев! / В. Санкович // Кыштымский рабочий. — 1965. — 2 апреля.

24. Стрельникова, Н. Навечно в памяти народной / Н. Стрельникова // Кыштымский рабочий. — 1975. — 29 апреля.

25. Востротина, В. Такая короткая яркая жизнь / В. Востротина // Кыштымский рабочий. — 1982. — 6 марта.

26. Справка Советского райвоенкомата г. Челябинска от 20 февраля 1965 г. о призыве Ичёвой Ю. А. в Красную армию // «Память народа»: подлинные документы о Второй мировой войне. — URL: <https://pamyat-naroda.ru>

27. Приказ № 7/н от 26 августа 1943 г. по 30 добровольческому Уральскому танковому корпусу о награждении отличившихся командиров и бойцов // «Память народа»: подлинные документы о Второй мировой войне. — URL: <https://pamyat-naroda.ru>

28. ОГАЧО. — Ф. П-288 К. — Оп. 1. — Д. 104.

29. ОГАЧО. — Ф. П-288 К. — Оп. 1. — Д. 119.

30. ОГАЧО. — Ф. П-288 К. — Оп. 1. — Д. 121.

31. ОГАЧО. — Ф. П-288 К. — Оп. 1. — Д. 120.

32. Солдатов, В. Сражаются южноуральцы (Письмо из гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса): подружки / В. Солдатов, А. Докучаев // Челябинский рабочий. — 1943. — 24 нояб.

33. Солдатов, В. Подружки / В. Солдатов // За цветные металлы. — 1944. — 9 марта.

34. Наградной лист. Ичёва Юлия Александровна. Орденом Отечественной войны II степени // «Память народа»: подлинные документы о Второй мировой войне. — URL: <https://pamyat-naroda.ru>

35. Книга Памяти: Российская Федерация. Челябинская область: в 24 т. Т. 3 / ред. кол. Л. С. Кудрявцев и др. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 304 с.

36. Стромов, П. А. Памятники уральским танкистам в д. Борово Орловской области / П. А. Стромов // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. 2022 г. : сб. материалов / под ред. С. В. Неганова. — Пермь, 2023. — С. 305–313.

37. Найдена могила Юлии Ичёвой // Кыштымский рабочий. — 2015. — 27 авг.

38. ОГАЧО. — Ф. Р-2099. — Оп. 1. — Д. 103.

39. Виртуальный музей управления по делам образования администрации Кыштымского городского округа. — URL: <http://museum.kyshtym.org/2014/11/slavnaya-patriotka-kyshtyma-yulya-icheva/>

40. Малёва, У. Памяти Юлии Ичёвой / У. Малёва. — URL: <https://stihi.ru/2019/06/07/6241>

41. Семенова, О. А. Классный час «Герои Отечества — наши земляки. Юлия Ичёва» / О. А. Семенова // [Kopilkaurokov.ru](http://kopilkaurokov.ru) : сайт для учителей. — URL: https://kopilkaurokov.ru/klassnomuRukovoditeliu/meropriyatia/klassnyi_chas_geroi_otiechiestva_nashi_ziemliaki_julii_icheva

42. Вечер памяти к 100-летию со дня рождения Юлии Ичёвой // Центральная городская библиотека имени Б. Е. Швейкина. — URL: <https://libkyshtym.eps74.ru/Publications/News/Show?id=606>.

Н. А. Дида, Т. П. Пушкарева

Решение некоторых бытовых вопросов в Танкограде

Постройка и предоставление жилья, организация общественного питания, решение множества бытовых вопросов в годы Великой Отечественной войны в тыловом Челябинске стали особенно важны, ввиду наплыва огромного количества людей, эвакуированных на Урал из западных регионов страны.

Перед руководством ЧТЗ (Кировский завод на Урале с октября 1941 г.), наряду с вопросом перестройки производства, обучения, стояли задачи приёма, размещения и создания минимума условий для гигантской армии прибывающих работников.

29 мая 1929 г. СНК СССР принял решение «О приступе к постройке тракторного завода на Урале». Выбор пал на Челябинск ввиду его выгодного географического положения, наличия железной дороги, близости угля и металла.

Строительство крупнейшего в мире завода гусеничных тракторов заняло площади в нескольких километрах от города. Предстояло построить не только завод, но и наладить всю инфраструктуру для рабочих и их семей. С этим возникало немало трудностей. 4 декабря 1932 г. было принято специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы» [1, с. 34]. На основе этого постановления на строительстве завода были созданы отделы рабочего снабжения. В их ведении были огородный коопхоз в Баландино, молочно-кролиководческая ферма в Харино, Митрофановский совхоз, хозяйства для откорма свиней при столовых, рыболовецкая артель на озере Сутояк. За ЧТЗ были закреплены для сдачи мяса Челябинский свиновхоз, птицы — Китайско-Далматовский птицевхоз.

К моменту пуска завода жилые дома на Челябинском тракторостроении занимали площадь в 118 тысяч квадратных метров. В них были проведены водопровод, канализация, связь. Построили комбинат бытового обслуживания с баней, прачечной, фабрикой-кухней. Появились больницы, детские учреждения. Функционировали магазины, столовые, хлебозавод.

Наряду с улучшением материального положения рабочих тракторного завода и их семей — расширением сети общественного питания, созданием нормальных бытовых условий, неуклонно повышался их культурный уровень. Вместе с основными цехами тракторного гиганта один за другим вступали в строй объекты культкомбината: библиотека, школа ФЗО, летний театр в саду ЧТЗ, первый на Урале звуковой кинотеатр (нынешний театр ЧТЗ) и, наконец, заводской клуб, объединивший в самостоятельных кружках свыше 700 тракторостроителей. Газета и книга становились постоянными спутниками рабочих. С 4 марта 1930 г. на ЧТС стала выходить многотиражка «Наш трактор». В июле 1931 г. появился первый номер татаро-башкирской газеты «Ударник стройки». Культурно-воспитательной работе среди национальных кадров уделялось большое внимание: в 1932 г. при библиотеке было создано национальное отделение, работало 28 передвижек национальной литературы. На национальных языках выписывалось 355 экземпляров газет и журналов [1, с. 36].

Многие из строителей завода впервые слышали здесь настоящую музыку, встретились с театром. Работники городского драматического театра взяли шефство над Тракторостроем. На строительных площадках выступали чтецы и лекторы. В Челябинск, на ЧТЗ, приезжали артисты московских и ленинградских театров. Все полнее и глубже входила культура в жизнь рабочих. Отмечая большие успехи в общеобразовательном и культурном уровне строителей тракторного, Н. К. Крупская в ноябре 1932 г. писала педагогическому коллективу ФЗС № 11: «Чувствуется, что строится в Челябинске не только промышленный центр, но вместе с тем и центр культурный, центр социалистический...» [2].

Челябинский тракторный завод занимал ведущее место среди машиностроительных предприятий страны, имел просторные корпуса цехов, огромную территорию, конвейеры, великолепную оснащённость линий, специализированные станки, приспособления. Технология производства и планировка цехов были рассчитаны на производство тракторов, десятков тысяч машин. Когда началась Великая Отечественная война, именно на ЧТЗ было решено организовать первое на Урале массовое производство танков. Для этих целей на Южный Урал перебазировали оборудование и персонал нескольких заводов страны — из Ленинграда, Харькова, Москвы, Сталинграда, Воронежа. С 6 октября 1941 г. объединенное предприятие официально стало называться — Кировский завод Наркомтанкопрома в городе Челябинске (ЧКЗ), получивший всесоюзную известность как Танкоград.

В середине октября 1941 г. пришли первые эшелоны. А затем они поступали непрерывным потоком. Завод все время расширялся. За новые станки нужно было ставить тысячи людей. По указанию областного комитета партии учреждения города отдавали своих работников заводу. Люди шли из торговой сети, школ, трамвайных мастерских, всевозможных бытовых учреждений. Почти все, кто не призывался в армию и мог работать, направлялись на Кировский завод. Эти тысячи новых работников, в большинстве не имевших производственной специальности, нужно было обучать, кормить, одевать, обувать, многим давать жилье. Городские службы быта не поспевали за бурно растущим населением.

Поэтому, наряду с вопросом перестройки производства, обучения, перед руководством завода стояли задачи приёма, размещения и создания минимума условий для гигантской армии работников. Общая численность прибывших в эвакуацию рабочих на начало января 1942 г. составляла 27 321 человек [3], только за январь 1942 г. эта цифра увеличилась до 29 850 человек.

На внеочередном заседании завкома начальник квартирного отдела М. Г. Катаев доложил, что расселено 26 тысяч человек, 8 тысяч из них размещены в городе, в заводских домах — 17 тысяч, на эвакуопунктах находятся 3.800 человек [4, с. 265]. Администрацией завода и активистами завкома была организована их встреча, размещение по эвакуопунктам (школа № 52 — ныне школа № 48 — в дальнейшем госпиталь, школа ФЗУ ЧТЗ — в дальнейшем одно из общежитий завода) [5], в клубе завода. Далее прибывших подсаляли в квартиры заводчан: у кого две комнаты — одну предоставляли эвакуированным, но приходили новые эшелоны — и в порядке «уплотнения» размещали по несколько семей в одну комнату; селили в частновладельческое жилье — все «уплотнялось» до предела. Так решалась поставленная задача: «Ни одной семьи, не давшей приют людям из эвакуированных районов страны» [4, с. 240].

Одна волна расселения сменялась другой. Расселять становилось все труднее. Вскоре резервы жилых помещений были исчерпаны. Людей размещали на кухнях, в тамбурах, коридорах, приспособляли под жилье подвальные помещения, ставя двухъярусные кровати, ваннные комнаты [6]. Владельцам частных домов оставляли жилплощадь в пределах военной нормы: в 1941 г. — 4,7 кв. м на человека, а в 1945 — 2,2 кв. м. И все-таки жилья не хватало, приходилось рыть землянки, натягивать палатки.

Отсутствие тепла, света, водоснабжения приводило к тому, что люди стремились задержаться на эвакуопунктах, где все эти условия присутствовали [4, с. 265].

В табл. 1, приведенной ниже, мы видим резкий рост общежитий в 1943 г. Это вновь построенные бараки. К практике их строительства пришлось вернуться в годы войны. В музее хранятся *Воспоминания* Т. Ф. Погодиной, рассказывающей, что бараки были построены для эвакуированных за поселком «Буденовка». Жили в бараках и трудармейцы разных национальностей и религий. «В бараках всегда был дежурный. В начале барака была отведена комната, как «красный уголок» для проведения культурных мероприятий. Были музыкальные инструменты — гитара, балалайка и другие.... Один барак был клубом. Посредине его находился зал для кинозрителей. А справа и слева от кинозала было отведено огороженное небольшими барьерами-перильцами место для чайханы. Здесь могли отдыхать между сменами по их правилам мусульмане — узбеки, казахи» [8].

Таблица 1

Жилищные условия горожан в 1941–1945

Год	1941	1942	1943	1944	1945
Количество общежитий	20	20	60	77	95
Проживающих в них	3256	2196	9472	14 567	17 092
Проживающие в землянках	–	–	1882	1370	1412
Проживающие в подвалах	317	795	1434	1482	1412
Жилплощадь на 1 чел.	4,7	3,3	2,3	2	2,2

Не хватало столовых, парикмахерских, баня не пропускала резко возросшего числа людей, негде было починить обувь, одежду. И вопросы быта, создание санитарных условий были поставлены как важнейшие, имеющие решающее значение.

Возникли трудности в снабжении, в отоваривании карточек. С целью обеспечения преимущественного снабжения рабочих и служащих, занятых в решающих отраслях промышленности, решением партии и правительства в 1942 г. на челябинском Кировском заводе было создано УРС (управление рабочего снабжения).

С организацией УРСа от Тракторозаводского треста столовых в распоряжение завода было принято свиноводческое хозяйство и сеть общепита (табл. 2).

Сеть общепита

Наименование	Количество	Посадочные места
Фабричная кухня	1	772
Столовых	17	3552
Раздаточные пункты	25	1102

По распоряжению правительства от 28.11.1942 г., ЧТЗ было передано теплично-парниковое хозяйство Муслимовское в составе 2 ферм, а также Касьяновское молочное хозяйство [13], что позволило обеспечить массовые обеды для рабочих по продовольственным карточкам и повысить дотацию: для стахановцев по мясо-рыбным продуктам на 39,4 %, командному составу в пределах от 68,5 до 131 %, для больных диетическое питание на 109,3 %, детям — 150 % [10].

Первоочередной задачей для УРСа было не допустить перебоя в обеспечении коллектива продуктами питания по карточкам. Начиная с весны 1942 года, был организован вылов рыбы сначала в водоёмах области, а позднее и за её пределами. Были подготовлены лодки, простейшие рыболовные снасти, подобраны специалисты-рыболовы. Работниками завода ежегодно добывались сотни тонн рыбы [11]. Каждую весну и осень организовывался отстрел дичи, сбор грибов, ягод. В августе 1942 г. при заводе была организована центральная заготовительная контора по заготовке сельскохозяйственных продуктов в районах области [12].

Приходилось постоянно изыскивать дополнительные источники снабжения. Завод оказывал помощь в своевременной уборке урожая, строительными и другими материалами, посылкой ремонтной бригады, инструментом местным колхозам и совхозам в обмен на имевшиеся у них излишки продуктов, вел заготовки продовольствия в Средней Азии и ряде других районов страны. Было налажено собственное производство некоторых продуктов, например, сахара [12]. Организовали коллективное и индивидуальное огородничество. Предприятие закупало картофель на семена, а рабочие — на семена и для питания. Посевная площадь под огороды сразу выросла во много раз.

Несмотря на предпринятые меры, среди рабочих завода наблюдался рост дистрофии вследствие недостаточного питания и интенсивной работы. 10 июня 1942 г. горисполком вынес решение об изготовлении заводскими столовыми настоя из хвои и ежедневном бесперебойном получении его каждым рабочим предприятия [13]. 14 апреля 1944 г. вышло постановление обкома партии — об обяза-

тельном ежедневном получении каждым рабочим хвойного напитка в количестве 400 граммов [14]. Приказом директора Танкограда Исаака Моисеевича Зальцмана хозяйственниками были расставлены по цехам бочки с пихтовым отваром и обязали всех рабочих при выходе на смену выпивать по кружке горькой жидкости для поддержания иммунитета.

В марте 1943 г. директором Челябинского Кировского завода стал Михаил Абрамович Длугач, возглавлявший с октября 1941 г. ленинградский Кировский завод и вместе с коллективом перенесший блокаду. Приехав в Челябинск, он был поражен физическим истощением танкоградцев. После голода в осажденном Ленинграде ему казалось, что, получая в день 800 граммов хлеба, 50 граммов крупы, 30 граммов мяса, 10 граммов жиров, сахар и овощи да плюс к тому и периодически дополнительное питание за высокие показатели в труде, люди должны выглядеть намного лучше [4, с. 312].

Обследование, проведенное медиками, показало, что многие рабочие были ослаблены настолько, что не могли интенсивно работать. Многое было сделано для улучшения быта людей: строились новые столовые, открывались раздаточные пункты, больных и ослабленных прикрепляли к специализированным столовым. Были созданы ночные профилактории. Правительство из государственных фондов выделило для специализированных столовых и ночных профилакториев дополнительные продукты. С 1 апреля 1943 г. для всех рабочих, ИТР и служащих завода было введено двухразовое питание. Второй обед готовился из дополнительных продуктов, без вырезания талонов из продовольственной карточки. Для рабочих, систематически перевыполнявших сменное задание, выделялось дополнительное — третье питание.

Двухразовое питание и дополнительные меры, принятые для улучшения здоровья ослабевших, способствовали увеличению отдачи в труде. Уже в апреле 1943 года выпуск готовой продукции увеличился по сравнению с мартом на 22 % [4, с. 313].

Заводские столовые работали круглые сутки, что требовало немалых усилий. В музее ЧТЗ сохранились *Воспоминания* Петровой Серафимы Ивановны, вся трудовая деятельность которой с марта 1931 г. была связана с системой общественного питания, в том числе и с работой столовых Танкограда: «В войну на ЧТЗ организуется УРС Кировского завода, на завод прибывают эвакуированные. Директоров столовых с опытом не хватало. Меня направляют в МХ-8 организовать работу столовой, т. к. строится много новых цехов и нужно открывать дополнительные столовые. Затем меня направляют открывать столовую в кино «Кировец». Столовая и кухня большие,

на 500 посадочных мест. В это время ко мне посылают многих из эвакуированных, среди них музыканты, артисты, жены инженеров. Я прихожу в своё партбюро и плачу: «Что я с ними буду делать? Ведь у нас тяжелая работа, нужно уметь держать тряпку в руках, мыть, чистить, готовить у плиты, а ведь около неё жарко, а они люди культурные, интеллигентные, грамотнее меня». А секретарь мне отвечает: «Как работала, так и работай, если они грамотнее тебя, то быстрее научатся нашей работе, учи их мыть, чистить, готовить и обслуживать рабочих, которые сутками не уходят из цеха». Напрасно я боялась их, большинство из них работали добросовестно, правда, некоторые из них работали в резиновых перчатках. Часто сутками не выходила из столовой, т. к. мы кормили не только работающих, но и эвакуированных, еще не устроившихся на работу [15].

Нужно отметить, что на заводе вопрос с питанием решался строго дифференцированно. На 01.01.1943 года существовала целая разновидность питания рабочих и командного состава [16] (табл. 3).

Таблица 3

Питание рабочих и командного состава

№ п/п	Наименование
1	Массовые обеды
2	Стахановские обеды
3	Столовая ИТР
4	Столовая для мастеров и ведущих инженеров
5	Столовая з/у (завоуправления)
6	Столовая начальников цехов
7	Детская столовая
8	Диетическая столовая
9	Усиленное питание больных
10	Повторные обеды за счет госфондов
11	Буфеты для заливщиков
12	Буфеты для рабочих горячих цехов
13	Повторное питание бойцов рабочих колонн

«Пирамида» выглядела следующим образом. Верхушка завода питалась в любое время суток в небольшом зале, располагавшемся около приемной директора. Водка, коньяк здесь не исчезали, на закуску бывали красная рыба, икра, иные деликатесы. Главные специалисты и начальники ведущих цехов пользовались закрытой столовой «литера А». Их шутливо называли литераторами». Тут

было скромнее, но достаточно сытно и разнообразно. Заместители начальников цехов и начальники цеховых техбюро и лабораторий, в том числе начальники бюро и лаборатории отдела главного металлурга и Центральной заводской лаборатории, были прикреплены к столовой «литера Б». Рядовые технологи, исследователи пользовались цеховыми столовыми и периодически, в виде поощрения, получали талоны УДП (усиленное дополнительное питание). Талон давал право на 1 кг крупы, одну-две банки тушенки, папиросы, иногда на пол-литра водки. «УДП» остряки расшифровывали так: «Умрешь днем позже» [17, с. 135].

Основным принципом снабжения работников завода явилось распределение продуктов по количеству и качеству труда, что обеспечивало преимущество рабочим, перевыполнившим нормы. «Материальное поощрение в виде продуктов, одежды, ордеров на жилье в годы войны было наиболее действенным», — подчеркнул в своих *Воспоминаниях* директор Танкограда И. М. Зальцман [18].

«Так, лучшая смена сталелитейного цеха награждалась 100 пачками табаку, 20 промтоварными и ежедневно 100 продуктовыми талонами. У начальников цехов стояли сейфы, в которых хранились бутерброды и пайки для детей, выдававшиеся рабочим, которые отличились при выполнении суточного задания или оставались на сверхурочные работы» [18].

Или еще пример. По окончании всего цикла работ по внедрению в производство завода новой техники высокочастотной электротермии по методу профессора В. П. Вологодина в сентябре 1942 г., в приказе по заводу № 1187 особым пунктом отмечалось: «для поощрения особо отличившихся рабочих и НТР выделить в распоряжение начальника цеха:

- а) 15000 руб.;
- б) 300 пачек табака;
- в) 10 продуктовых наборов» [17, с. 135].

Вопросы питания, быта, создание санитарных условий были поставлены как важнейшие, имеющие решающее значение. Многие эвакуированные приехали без запасной смены белья или совсем без белья, без верхней тёплой одежды, пришлось бороться и со вшивостью. Руководство завода поддерживало любую инициативу в изыскании внутренних возможностей на месте, как, например, почин цеха МХ-4: в цехе оборудовали душевую с дезинфекционной камерой, открыли свою парикмахерскую, прачечную, сапожную мастерскую, где вместо кожи использовали резину, брезент, отходы производства [4, с. 267]. По указанию правительства завод получил 23 тысячи пар валенок.

УРС Кировского завода на 01.01.1943 г. имел хорошо разветвленную торговую сеть, которая состояла из 26 магазинов и лавок, из 11 ларьков и киосков [19]. Еще с июля 1942 г. УРС приступил к организации промышленных предприятий (мастерских) по производству ширпотреба. Были открыты цеха по производству щеток и гуталина, швейная мастерская, цех по производству металлического ширпотреба, по ремонту хозяйственного инвентаря, лаптеплётная мастерская, пимокатный цех. Вскоре открылись мастерские по ремонту обуви и ремонту одежды. Выпускали обувь даже на деревянной подошве. С 12 мая 1942 г. по 1 января 1943 г. было отремонтировано 15.040 пар обуви [20].

Приказ директора завода от 3 декабря 1942 года.

«В целях удовлетворения крайней нужды рабочих, ИТР и служащих в ремонте и готовой обуви приказываю:

§ 1. Моему заместителю по УРСу т. Обранту:

а) с 1 декабря 1942 г. обеспечить ежесуточное изготовление не менее 100 пар валенок и 100 пар лаптей.

б) обеспечить с 1 декабря с. г. централизованный ремонт обуви в количестве 3000 пар ежемесячно, из них 400 пар улучшенного ремонта на кожаном материале для стахановцев» [21].

Всего за годы войны комбинат УРСа, насчитывающий 11 производственных цехов, изготовил товаров на 27,5 млн. рублей. В 1944–1945 гг. цехи завода выпустили 70 тысяч ложек, 73 тысячи тарелок и мисок, 10 тысяч кроватей и других изделий ширпотреба..., помимо алюминиевых кастрюль, сковородок, мисок, кружек, ведер, корыт и других предметов... отрабатывались усовершенствованные керосинки-керогазы, коньки, кухонные ножи, молотки [22].

В Танкограде решались и другие немаловажные задачи. Так, в ноябре 1942 г. состоялся пуск первой троллейбусной линии города «ЧКЗ (ЧТЗ) — стадион «Динамо»» для рабочих завода, вынужденных добираться на работу со всех концов города.

Развернулось индивидуальное строительство жилых домов. Завод оказывал застройщикам конкретную помощь. Были развернуты работы по благоустройству заводского городка: проведён ремонт и заасфальтированы дороги (построен свой асфальтовый завод), осуществлено освещение улиц, вдоль улицы Спартак (нынешний проспект имени В. И. Ленина) установлены художественные чугунные решетки.

В победном 1945-м началось строительство и жилого городка «Кировец» — нескольких кварталов двух- и трёхэтажных шлакоблочных и кирпичных домов. Были построены свой шлакоблочный и цементный заводы. Сами изготавливали всю сантехнику и все ско-

бяные изделия. 4 ноября 1945 г. первые жильцы въехали в новые квартиры.

Весной 1945 г. силами заводчан был разбит новый парк — будущий детский парк им. В. Терешковой. Сооружен фонтан, установлены скульптуры, а сам парк обнесён художественной чугунной оградой. Был разбит сад и сооружен фонтан у клуба завода (ДКиТ).

В октябре 1945 г. началось строительство катка и лыжной базы в Саду ЧТЗ (сад Победы). 21 декабря 1945 г. был открыт спортивный зал, оснащённый инвентарём, сделанным руками самих рабочих завода.

Для восстановления сил работников завода после интенсивных нагрузок на производстве был создан санаторий на озере Увильды (на базе скромной дачи Енукидзе) [17, с. 136], построены дачные поселки в районе Шершней на Миассе и на озере Смолино, куда отправляли отдыхать работников завода на 3–10 дней.

Кино в военное время приобрело особую значимость. Для жителей Тракторозаводского района, рабочих тракторного завода оно стало неотъемлемой частью жизни. В первые годы войны в киноклубе (сегодня Театр ЧТЗ) и рабочем клубе (ДКиТ ЧТЗ) размещали эвакуированных, формирующиеся воинские части. А с 1943 г., несмотря на уход киномехаников на фронт, начался показ фильмов. За 11 месяцев 1943 г. в киноклубе (Театр ЧТЗ) было проведено 840 киносеансов. Кроме художественных фильмов, шли «Боевые киносборники», «Военная хроника», «Киноконцерты» [23].

В суровые годы войны в тыловом Челябинске все было нацелено на трудовые свершения. Люди трудились без отпусков и выходных дней, рабочая смена длилась 11 часов. Велик был объем обязательных сверхурочных работ. Лишь в октябре 1944 г. приказом директора завода для рабочих горячих цехов введены три выходных дня в месяц, а рабочим всех остальных цехов — два выходных [24].

Огромен вклад Танкограда в дело Победы. 18 тысяч танков, 48,5 тысяч танковых двигателей было произведено здесь для фронта. Но все это стало возможным в том числе и благодаря человеческому отношению к людям, работавшим на заводе, грамотной организации их жизни вне производства.

Список сокращений

ДКиТ — дворец культуры и техники

Завком — заводской комитет профессионального союза

ИТР — инженерно-технические работники

Коопхоз — кооперативное хозяйство

Культкомбинат — культурный комбинат

МХ — механический цех

Наркомтанкпром — Народный комиссариат танковой промышленности

НТР — научно-технические работники

СНК СССР — Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик

Совхоз — советское хозяйство

УДП — ударный дополнительный паек или усиленное дополнительное питание

УРС — управление рабочего снабжения

ФЗС — фабрично-заводская семилетка

ФЗУ — фабрично-заводское училище

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков

ЧКЗ — Челябинский Кировский завод

ЧТЗ — Челябинский тракторный завод

ЧТС — Челябинтраскторострой

Школа ФЗО — школа фабрично-заводского обучения

Эвакопункт — эвакуационный пункт

Список литературы

1. Шмакова, Н. П. Наш тракторный. Из истории строительства Челябинского тракторного завода / Н. П. Шмакова. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966.

2. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения / Н. К. Крупская. Т. 11. — Москва : АПН СССР, 1963. — С. 454.

3. ПАЧО. — Ф. 92. — Оп. 1. — Д. 1574. — Лл. 1–2.

4. Летопись Челябинского тракторного. 1929–1945 / сост. Л. Комаров, Е. Ховив, Н. Заржевский. — Москва, 1972.

5. Музей ЧТЗ. — Ф. II. — Дп. 224.

6. Конструктор боевых машин. — Ленинград, 1988. — С. 196.

7. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 7. — Д. 30. — Л. 43.

8. Музей ЧТЗ. — Фонды. Воспоминания Погодиной Т. Ф.

9. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Лл. 1–6.

10. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Лл. 12–13.

11. Маркин, П. С. Отделы рабочего снабжения / П. С. Маркин // Великий подвиг труда : сборник. — Челябинск, 1970. — С. 410.

12. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Л. 22.

13. ОГАЧО. — Ф. Р-220. — Оп. 6. — Д. 9. — Л. 260.

14. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 32. Лл. 13–14.

15. Музей ЧТЗ. — Фонды. Воспоминания С. И. Петровой.

16. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Лл. 12–13.

17. Гольдштейн, Я. Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размыш-

ления / Я. Е. Гольдштейн. — Челябинск : Рифей, 1995.

18. Из воспоминаний И. М. Зальцмана // Хрестоматия по истории Урала. XX век / под ред. проф. М. Е. Главацкого. — Екатеринбург, 1996.

19. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Л. 6.

20. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 10. — Д. 2. — Л. 21.

21. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 5. — Д. 33. — Л. 21а.

22. Летопись ЧТЗ» — новый вариант к 70-летию завода : рукопись / под ред. Т. А. Нахтигаль // Музей ЧТЗ. — С. 7.

23. Хабиров, М. Х. Из истории развития кинозала ДК ЧТЗ / М. Х. Хабиров.

24. ОГАЧО. — Ф. 792. — Оп. 5. — Д. 90. — Лл. 40–41.

Е. И. Дементьева

В труде как в бою (о работе завода имени Д. Колющенко в годы войны)

23 июня 1941 г. на многочисленном митинге колющенцы гневно осудили вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз и выразили готовность защитить свою Родину. «Если потребуется, — говорилось в единодушно принятой резолюции, — каждый из нас с оружием в руках будет защищать целостность и неприкосновенность границ Советского Союза... Все для фронта, все для Победы! — так и только так будет работать отныне каждый...»

В тот же день в партийном комитете завода собрались секретарь парткома Д. Филоненко, директор завода С. Полянцев, главный инженер Н. Дятлов, председатель завкома профсоюза С. Земсков, секретарь комитета комсомола В. Колсанов, ведущие специалисты. Они обсудили вопросы перестройки завода на военный лад, разработали меры по переходу на производство мин и снарядов.

Переход на выпуск военной продукции потребовал не только изменения технологии, но и расширения площадей, дополнительной установки специального оборудования. И в течение нескольких дней в экстренном порядке под производственные цехи приспособили гаражи, складские и различные подсобные помещения, смонтировали резервное оборудование. Проверили и уточнили, сколько на заводе сырья, материалов, инструмента, изучили технологию производства мин, снарядов, авиабомб.

Уже 29 июня 1941 г. партком заслушал отчет начальника цеха № 2 об освоении производства 12-миллиметровых мин.

В первые дни войны были призваны в действующую армию более 500 квалифицированных рабочих, инженеров, техников. В то же время для широкого развертывания производства военной продукции требовались кадры. И вместо ушедших на фронт на завод поступили 443 подростка и более 800 женщин, большинство из которых до этого были домохозяйками.

Чтобы научить новичков работать на станках, на заводе создали учебную сеть: курсы технического минимума, повышения квалификации, стахановские школы, различные кружки, в которых только в 1941–1942 годах прошли обучение более четырех тысяч, повысили квалификацию около двух тысяч человек.

Людей не хватало, поэтому установили 12-часовой рабочий день, а для инженерно-технического персонала — казарменное положение. Целыми неделями мастера, бригадиры, наладчики и рабочие, занятые на ответственных участках производства, не уходили домой. Для них прямо в цехах организовали комнаты отдыха, где стояли кровати. Здесь же они питались.

Колющенцы осваивали производство военной продукции. Их не оставляла тревога за судьбу страны, за жизнь родных и близких. С замиранием сердца слушали они сообщения Совинформбюро. Красная Армия под натиском фашистской военной машины отступала, западные районы страны захватили гитлеровцы.

За очень короткое время завод перестроился на военный лад. Во второй половине июля 1941 года предприятию поручается освоение производства новых снарядов марки РС-132.

А 9 августа по решению Государственного Комитета Обороны заводу имени Колющенко совместно с московским «Компрессором» поручается освоить производство секретной боевой установки БМ-13, которую позднее бойцы стали называть «катюшей».

Выполнение задания Государственного Комитета Обороны потребовало увеличения площадей и оборудования. В черте города заводу предоставили дополнительные производственные помещения на углу улиц Елькина и Труда, у железнодорожного вокзала, у трамвайного парка и другие.

В сентябре 1941 г. в Челябинск почти одновременно стали прибывать железнодорожные эшелоны с людьми и различным оборудованием: из Херсона эвакуировался завод имени Г. И. Петровского, из города Сумы — цех завода имени М. В. Фрунзе. Производственные планы этих предприятий были объединены, и колющенцы стали выпускать еще и гаубичные 152-миллиметровые снаряды, и 250-килограммовые фугасные бомбы, корпуса 82-миллиметровых мин и другие боеприпасы.

Оперативно управлять производствами, разбросанными по всему городу, было трудно, и в обкоме партии предложили организовать филиал завода имени Колющенко вне территории предприятия.

В конце октября 1941 г. в Челябинск начали прибывать эшелоны с работниками и оборудованием эвакуированных заводов Московского промышленного куста. Создание филиала ускорилось. Руководству завода, партийной, профсоюзной и комсомольской организациям, городским партийным и советским органам приходилось в то время искать дополнительные производственные площади, монтировать оборудование, размещать людей, проявляя о них максимум заботы. Среди прибывших было много больных, ослабевших людей, которым за долгую дорогу пришлось пережить немало горьких потерь.

Жилищно-коммунальный отдел взял на учет все пригодные для жилья помещения. Высвободили 40 кухонь для приехавших. Во всех домах и бараках провели уплотнение. Устройством эвакуированных руководил Я. С. Огарков, работавший тогда начальником ЖКО.

— Помню все до деталей, — рассказывал он, — как приходилось встречать людей. Заранее к эвакуопункту с конного двора подавали лошадей. Ответственные дежурные из числа рабочих встречали эвакуированных и развозили по квартирам. Во время большого наплыва прибывших селили в палатках прямо около эвакуопункта. Более 5500 человек приняли мы. И при этом надо отметить, что наши заводчане с большим сочувствием отнеслись к приезжим. Ни обид, ни шума. Встречали, как своих родственников. Делились с ними посудой, мебелью, обувью, одеждой.

Колющенцы по-братски встречали всех. Вот что рассказывал о тех днях ветеран завода Митрофан Михайлович Юрченко:

— Эвакуировался я из города Сумы вместе с мамой и сестренкой-школьницей. Брат служил в армии. Завод имени М. В. Фрунзе, на котором я работал технологом после окончания техникума, вместе с оборудованием и специалистами перебазировался в Челябинск. Первые два дня мы жили в палатках. Помню, как только выгрузились возле завода, нам сразу принесли хлеба и рыбы. А потом жили в бараках, по две семьи в комнате. Конечно, в тесноте, но все понимали, что в то тяжелое время большего для нас сделать было невозможно. Завод обеспечивал рабочих углем. Мы сажали и выращивали картофель. Для многих украинцев Урал стал родным, и они навсегда связали свою жизнь с этим суровым, но замечательным краем. Вместе со мной приехали и остались на долгие годы Вадим Ростиславович Рущиц, Андрей Федорович Белокур и другие сумчане...

Прибывшим оборудованием была забита вся территория от переезда до завода вдоль железнодорожного полотна. Механик цеха № 2 А. Ф. Игнатьев, вспоминая о тех трудных днях, рассказывал:

— Для разгрузки оборудования не было технических средств. Создали две бригады почти из одних женщин. В каждой по 18 человек. Перетаскивать оборудование пришлось вручную, на листах железа, с помощью канатов. Женщины за 12 часов работы делали по четыре захода. Потом пришлось увеличить число бригад до четырех. Задача одна — как можно быстрее поместить оборудование под крышу, пока строители не закончили закладывать проемы в стенах и не начались большие морозы. Помню, однажды две старушки стоят у своих ворот по Комсомольской улице и горько плачут, глядя на женщин, тянувших станок. Весь путь (около полутора километров) без отдыха пройти не хватало сил. Решили делать две передышки. А лист во время остановки пристывал к земле, его нужно отрывать ломом. Тут помогали мужчины... Но как бы тяжело ни было, мы делали все возможное, чтобы как можно скорее доставить станки на завод.

Работы велись высокими темпами, днем и ночью. Главный диспетчер Я. М. Гуренко вспоминал впоследствии:

— Станок еще тащат в цех, а на него уже дается план, и к назначенному часу он начинал работать. Подчас над станком не было крыши, а его уже подключали. Вокруг росли сугробы, но люди не прекращали работу.

Особенно тяжело было женщинам. Многие из них подавали детали к станкам, перевозили их с операции на операцию. Тяжелые, с шероховатой поверхностью детали быстро рвали рукавицы, сшитые из лоскутов. Ладони кровоточили. Женщины бинтовали руки тряпками и продолжали работать.

В конце 1941 г. филиал завода стал носить имя «Челябкомпресор». В конце января 1942 г. он выделился как самостоятельное предприятие, а в конце 1944 г. вновь волился в завод имени Колющенко.

Производство продукции для фронта наращивалось и шло широким потоком. Уже в ноябре 1941 г. на фронт отправили более 18 тысяч снарядов РС-132, которые эффективно использовались в кровопролитных сражениях с немецко-фашистскими захватчиками.

В декабре 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение заданий правительства по освоению и производству вооружения, повышающего мощь Красной Армии, были награждены орденами и медалями мастер Н. М. Гончаренко, мастер М. А. Калистратов, токарь В. С. Шахматова, слесарь А. Н. Слеса-

рев и лакировщица В. И. Шелухоткова. Эти награды колющенцы восприняли как высокую оценку их труда, их вклада в вооружение Красной Армии.

И еще одна радостная весть окрылила рабочих в декабре 1941 г. Вскоре после разгрома немцев под Москвой завод получил задание — восстановить производство плугов. Рабочие с радостью говорили друг другу: «Если вспомнили о плугах, значит, есть полная уверенность в победе над врагом».

Самым главным заданием стало для колющенцев задание Государственного Комитета Оборона — освоить производство боевой ракетно-артиллерийской установки БМ-13. Она состояла из подвижной фермы, восьми направляющих — лонжеронов и простейшей электрической системы. Вся эта конструкция монтировалась первоначально на тракторах СТЗ-НАТИ и отечественных автомобилях ЗИС-5, а позднее — на автомашинах «Студебеккер». Снаряды использовались различные: РС-132, РС-82 и другие.

Освоить производство установок БМ-13 предстояло в кратчайшие сроки, фронт ждал их.

Самым сложным в производстве оказалось изготовление фермы. При сварке ее тонкостенные трубы несколько деформировались. Технологи и рабочие применяли самые разные способы правки труб, но удовлетворительных результатов долго получить не могли.

Нелегко дались фермы колющенцам. Существовал, видимо, своеобразный психологический барьер, который не могли перешагнуть рабочие. Тогда решили поручить изготовление ферм другим людям. Мастером был назначен П. Н. Алексеев, прибывший в Челябинск с московским заводом «Компрессор». Он подобрал себе группу наиболее квалифицированных рабочих: электросварщиков И. И. Дубинского и В. А. Павлова, заготовщика С. А. Алексеева, сборщиков И. М. Норкина и В. Н. Крохина. Каждую операцию выполняли очень тщательно. Однако трубы фермы продолжали деформироваться. Начались поиски способов исправления брака. Много бессонных ночей ушло на это. Наконец после многочисленных консультаций со специалистами мастер изготовил особое приспособление. Производство ферм пошло более быстрыми темпами, и бригада П. Н. Алексеева на протяжении всего военного времени успешно выполняла высокие плановые задания, выдавая по 45–50 ферм в месяц.

Многие инженеры, мастера и рабочие были заняты выпуском «катюш», но не знали, что изготавливают. Производство ракетных установок осуществлялось в разных помещениях. И лишь сборщики видели конечный результат. Готовые установки, как правило, отправлялись с завода ночью при соблюдении строгой секретности.

Из официальных сообщений Совинформбюро, из писем фронтовиков и рассказов раненых бойцов, лечившихся в госпиталях Челябинска, колющницы с удовлетворением узнавали, что их реактивные установки БМ-13 наносят сокрушительные удары по ненавистному врагу.

Выпуск военной продукции увеличивался с каждым днем, несмотря на многочисленные трудности. С честью справились колющницы с выполнением своего главного задания, освоив производство «катюш» и реактивных снарядов.

«Все для фронта, все для победы!», «В труде, как в бою!» — под этими боевыми лозунгами колющницы самоотверженно трудились все военные годы. Пример показывали коммунисты и комсомольцы.

Еще до войны в ряды передовиков производства выдвинулась комсомолка Анна Андриянова. За своим токарным станком она буквально творила чудеса, перевыполняя норму на 300–400 процентов.

Вера Шеина добилась на сварке самой высокой производительности труда на заводе и отличного качества продукции. В 1944 году ее наградили орденом Ленина. Шел ей в ту пору 19-й год.

На заводе развернулось соревнование фронтовых комсомольско-молодежных бригад. Первыми стали бригады токарей, возглавляемые Данилой Паньковым, Иваном Романовым, Евгением Курочкиным. Все они работали в цехе № 8, начальником которого был Г. В. Дворников, а комсоргом Ляля Корт.

Бригада Д. Панькова, состоявшая вначале из 10 токарей, освоив многостаночное обслуживание, высвободила троих человек. Семеро членов бригады обслуживали 19 станков. Сам бригадир, которому в 1942 году было всего 17 лет, сменные задания выполнял на 400–430 процентов. Об ударном труде бригады часто рассказывала заводская газета «Колющенец и областная газета «Челябинский рабочий».

По примеру бригады Д. Панькова работали и фронтовые комсомольско-молодежные коллективы Марии Вольхиной, Марии Гамаюновой, Валентины Шахматовой. В начале 1944 года Нина Фагина перешла в отстающую бригаду и вскоре вывела ее в передовые. Комсомольско-молодежные коллективы были первыми во всех начинаниях, в том числе и в соревновании за экономию материалов, инструмента, электроэнергии.

Далеко за пределы области разнеслась слава о фронтовой комсомольско-молодежной бригаде слесарей-лекальщиков Семена Кукова. По инициативе слесарей на участке установили отрезной и доводочный станки, внедрили немало рационализаторских предложений. В начале 1944 г. бригада С. Кукова заняла второе место

по области, затем ей было присуждено второе место во Всесоюзном соревновании. Лекальщики вызвали на соревнование знаменитую бригаду Е. П. Агаркова, работавшую на одном из челябинских заводов, и не раз побеждали ее в городском и областном соревнованиях.

В 1944 г. за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Оборона по выпуску военной продукции орденами и медалями была награждена большая группа работников завода, в том числе мастер П. Н. Алексеев, начальник цеха А. А. Вдовин, бригадир токарей Д. Л. Паньков и другие.

Организуя тружеников завода на выполнение заданий по выпуску военной продукции, дирекция, партком, профком и комитет комсомола многое сделали для улучшения жилищно-бытовых и материальных условий жизни людей: строили жилье, столовые, организовали дополнительное питание по талонам, снабжение рабочих одеждой и обувью, совершенствовали премиальную систему оплаты труда. В заводском подсобном хозяйстве в военные годы выращивали картофель, овощи, зернобобовые культуры. Рабочим выделялись участки под индивидуальные огороды. В цехе № 8 открыли сапожную мастерскую. Она обеспечивала рабочих ботинками и сапогами собственного изготовления. А когда сложилось тяжелое положение с продуктами питания, в цехе организовали бригаду для ловли рыбы в близлежащих озерах.

Труженики завода активно помогали жителям городов и сел, освобожденных от фашистских захватчиков. Так, в Курскую область колющенцы отправили металлообрабатывающие станки, плуги, на десятки тысяч рублей различных инструментов, изготавливали для жителей разоренных деревень металлические тазы, тарелки, ложки, вилки, корыта и другие предметы бытового назначения. В марте 1944 г. колющенцы отправили в Мелитополь 16 токарных станков и паровой молот, в Сумскую область 23 токарных станка, в Запорожскую — три электромотора, мотовоз, несколько сельскохозяйственных машин.

И вот пришел долгожданный День Победы. 9 мая 1945 г. на заводе состоялся многотысячный митинг. Люди ликовали, смеялись и плакали. С болью вспоминали о погибших. Память павших почтили минутой молчания. А потом тысячи колющенцев со знаменами, транспарантами направились к площади, в центр города. Праздник продолжался до позднего вечера.

С гордостью могли сказать колющенцы, что внесли достойный вклад в борьбу с коричневой чумой, что сделали все, что в их силах и сверх того, чтобы приблизить День Победы. За успешное выполне-

ние заданий по производству военной продукции орденами и медалями наградили 107 работников завода. Высшей награды Родины — ордена Ленина — были удостоены электросварщица В. И. Шеина, стерженщица О. А. Плотникова, слесарь-лекальщик С. Д. Куков, начальник цеха И. С. Морашко, директор завода С. А. Полянцев и другие.

Колющенко увековечили трудовой подвиг создателей легендарных «катюш» и в канун 30-летия Победы у заводского Дома культуры установили памятник, сооруженный по проекту заслуженного архитектора РСФСР Е. В. Александрова и заслуженного художника РСФСР скульптора В. С. Зайкова. На гранитный пьедестал поднялась боевая машина БМ-13. На постаменте высечены строки:

«Создателям гвардейских минометов —
Оружия отмщенья и побед
С великой благодарностью».

По материалам музея завода имени Д. В. Колющенко.

Г. М. Филатова

Событие, о котором нужно говорить вечно

Великая Отечественная война — событие, о котором можно и нужно говорить вечно. На фронт уходили не только мужчины, но и женщины, девушки и парни. И лишь немногие смогли вернуться назад. К сожалению, наше молодое поколение не так много знает о Великой Отечественной. Те страшные годы все больше и больше отдаляются от нас. Но мы не в праве забыть тех, кто отдал свои жизни, чтобы продолжились наши. Память о войне особенно важна теперь, 80 лет спустя, когда практически не остаётся живых свидетелей тех страшных лет. Для нашей гимназии память о погибших — тема совершенно особенная.

Давайте обратимся к истории.

В 1965 г. отмечалось 20-летие Победы и 30-летие школы. Когда выпускники собрались на юбилей, обнаружили, что из выпусков 1935–1945 гг. пришли всего 5–6 человек. Судьба многих оказалась такой же горькой, как и история нашей страны тех лет. Тогда и появилась мысль: провести операцию «Поиск» и узнать об их судьбах подробно и достоверно. Начало поиска стало рождением нашего музея.

Два года шла поисковая работа. К концу 1967–68 учебного года школа узнала о 67 выпускниках, сражавшихся и погибших на Великой Отечественной. И вот тогда было решено увековечить их память,

воздвигнув на территории школы мемориал. Силами учеников и их родителей, выпускников и учителей, под непосредственным руководством В. А. Караковского (директора школы) мемориал был создан. Автором памятника стал молодой тогда скульптор Виктор Петрович Бокарев. «Подвиг» — так официально назывался памятник. Но в школе почувствовали: он наш, родной. И стали называть его Алешей.

Открытие памятника состоялось 19 сентября 1970 г. С тех пор 19 сентября — День Памяти выпускников, погибших в Великой Отечественной войне, стал особой традицией нашей школы. Это самая дорогая, самая святая традиция для многих поколений учеников и учителей нашей гимназии, в чьей памяти 19 сентября остается не только как день печали и скорби, но и как день, который заставляет задуматься о своем предназначении в жизни, о чувстве долга, о возможности рисковать своей жизнью ради других.

Цель проведения этого дня — сохранение памяти о не вернувшихся с войны ребятах и воспитание гражданственности, чувства долга, ответственности у ребят сегодняшних.

В этом коллективном творческом деле принимают участие практически все ученики школы.

Начальные классы участвуют в выставке осенних букетов и поделок. Выставка оформляется на первом этаже школы, и ее могут посетить все гости. Среднее звено выпускает газеты, посвящённые этому дню. Материал ребята подбирают в школьном музее. 10-е классы проводят беседы о погибших выпускниках на английском языке в своей параллели.

Руководитель музея приглашает классы на беседы и часы мужества в музей. В этом году, например, это был час мужества для 4-х классов: «Боевые погоны сержанта Вари» (о В. М. Пименовой — учительнице начальной школы, прошедшей боевой путь от Дона до Берлина, орденоносце, 52 года проработавшей в нашей школе, 28 лет руководившей музеем). 1-е классы прослушали беседу «Застыл солдат у школьного порога» о создании памятника «Алеша» и о появлении традиции — Дня Памяти. Кроме руководителя музея, в этих мероприятиях участвуют ребята из актива музея, которые выходят во 2-е и 3-и классы с беседой «Они защищали Родину».

Мероприятия находят большой отклик у ребятшек.

Так к одиннадцатикласснице, которая написала работу о Варваре Митрофановне Пименовой, а на уроке мужества читала ее *Воспоминания*, подошла четверокласска и сказала: «Какая ты молодец, что собрала все вместе о Варваре Митрофановне!». А во время беседы об Алеше девочка-первоклассница соскочила вдрут со своего места,

подбежала к учительнице, забралась к ней на колени, обняла и не отпускала до самого конца. На вопрос, что случилось? ответила: «Грустно!»

На самой линейке раньше присутствовали ребята 8–11-х классов, а теперь приглашаются желающие из всех классов.

На 11-е классы ложится ответственность по подготовке линейки. Собственно то, что происходит непосредственно 19 сентября, и линейкой-то назвать нельзя. Это, скорее, мини-спектакль, действие, проходящее по определенным канонам.

Первое слово — директору школы, который вводит в тему дня.

Разворачивается литературно-музыкальная часть. Здесь и стихи, и песни, и пластика, и танец. Всё это имеет свою тему и свой сюжет. И самое главное — рассказ о выпускниках, погибших на войне. Одиннадцатиклассники рассказывают о своих ровесниках, отдавших свои жизни за Родину: представляют их портреты, рассказывают биографии, читают письма с фронта к родным, любимым, друзьям. И за это время они переживают, проживают, вживаются в эту боль и трагедию. И для них всё это перестаёт быть чужим. Появляется связующая нить между поколениями. Они всегда будут помнить, кому этот памятник посвящён, почему на плитах выбиты эти фамилии, будут вспоминать себя на этой линейке. Лишь когда ребёнок непосредственно сам «потрогал» материал, связанный с бесконечно далёкой от него войной, тогда к нему приходит некое осознание. Когда он не просто услышал, что столько-то человек погибло, а узнал о человеке, почти его ровеснике, который тоже ходил по этой школе, а потом ещё и воплотил его жизнь в танце, постановке, стихах...

Переключка. Вспоминаем всех поименно. В записи звучат имена и фамилии всех 118 человек (а именно столько погибших выпускников и учителей известно на сегодняшний день). Эти имена навсегда остаются с нами.

Затем объявляется минута молчания. Удивительно просто: в этот момент не скажешь, что перед школой стоит около пятисот человек. Тишину нарушают только проезжающие мимо машины.

Далее — вынос и возложение гирлянды из еловых веток. Этот момент имеет глубокий смысл: когда гирлянду выносят, печатая шаг, одиннадцатиклассники-допризывники, а затем возлагают к плитам с фамилиями погибших, они словно принимают эстафету мужества и ответственности от своих ровесников, не доживших до наших дней. Кажется, парни взрослеют в один момент.

Завершается линейка возложением цветов к памятнику: сначала ветераны, затем — все остальные.

Е. Г. Ховив — папа нашей выпускницы, известный челябинский поэт, написал стихи, посвящённые погибшим выпускникам и нашему памятнику, а М. В. Илларионова — преподаватель музыки 1970-х гг., положила их на музыку. Так родилась песня «Память», которая часто исполняется на линейках 19 сентября.

В этот день в родную школу приходят ветераны, выпускники разных лет, родители и просто гости. Собирается до 500 человек. День памяти оставляет большой след в душах и сердцах каждого из присутствующих.

У каждого Дня Памяти есть своя тема. Например, «Выпускники нашей школы в Курской битве» или «В битве за Москву», «В битве за Сталинград». «У войны не женское лицо» (о наших девушках, добровольцами ушедших на фронт). День Памяти посвящался ребятам, воевавшим на флоте, ребятам-летчикам. Был день памяти, посвященный 35-летию памятника, и т. д. То есть каждый год выбирается какой-то определённый аспект.

В 2024 г. линейка Памяти была посвящена матерям, которые проводили на фронт своих сыновей и дочерей, которые сегодня провожают своих детей на боевые действия, всем матерям... В линейке приняли участие мамы-выпускницы нашей школы 1992, 1996, 1997 годов, у которых сегодня дети учатся в 11 классе нашей гимназии. Они исполняли танец-колыбельную, пели «Балладу о красках» вместе с детьми, а папа читал стихотворение.

Прозвучали письма наших выпускников с фронтов Великой Отечественной, адресованные своим матерям.

Линейку второй год подряд проводили в вечернее время (в 20.00). Свет прожекторов, игра цветом и светом добавили эмоций. Пронзительно. Душевно. Трогательно. До слез...

Все, кто учился и учится в нашей школе, работал или работает сегодня, знают точно, что День Памяти состоится 19 сентября, независимо от дня недели (будь это даже воскресенье) и при любой погоде.

В сентябре 2025 г. исполнится 55 лет нашему Алеше и День Памяти пройдёт в 55-й раз. Традиция продолжается, и мы стараемся сохранить ее для будущих поколений.

А. В. Лушникова,
Н. В. Овчинникова

Герои госпиталя 1721

В 2020 г. мы начали работу над историей госпиталя 1722, который располагался во втором корпусе современного ЧГИК. 20 мая 2025 г. состоится презентация завершающей 4-й книги. Работа показалась нам полезной и интересной. Мы решили воссоздать историю госпиталя 1721, который работал в 30-й школе, а потом уехал в Белоруссию.

Пусть накануне Дня Великой Победы прозвучат имена и подвиги тех, кто лечился в этом госпитале!

БАКТЫБАЕВ ГАРИФ АБДРАХМАНОВИЧ (13.05.1912, Хайбуллинский р-н, с. Акъяр, Башкирская АССР — 30.11.1971).

Башкир. Член ВКП/б. Гв. лейтенант. Призван в армию в 1932 г., на фронт 30.08.1941 г. Хайбуллинским РВК (Башкирская АССР). Военские части, в которых служил: 112 сп 39 гв. сд.

Награды: орден Отечественной войны II ст. (04.05.1945), медали «За победу над Германией в Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Инвалид Отечественной войны 2 гр.

Находился на лечении (ампутирована правая нога) в ЭГ 1721 в 1944 г. (до 30.04.1944).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 024-25.

Воспоминания

(Муталов, Урал. Г. А. Бактыбаев // Бессмертный полк Хайбуллинского района)

Бактыбаев Гариф Абдрахманович — участник, инвалид Великой Отечественной войны. Родился в 1912 г. 13 мая в селе Акъяр Хайбуллинского района Башкирской АССР в семье крестьянина-бедняка. В 1932 г. добровольно вступил в Красную Армию и служил до 1935 г. как доброволец. Там же окончил школу младших командиров в городе Владивостоке и служил младшим командиром, пом. ком. взвода в особой Дальневосточной Армии. В 1939 г. его мобилизовали в Хайбуллинском райвоенкомате на финский фронт, где он был командиром отделения, откуда был демобилизован в 1940 г. как командир отделения. 6 сентября 1941 г. отца вновь мобилизовали и

направили на фронт Великой Отечественной войны, где он воевал на Калининском фронте до 1942 г. 4 февраля 1942 г. он был ранен и вернулся домой в Хайбуллинский район. 13 августа 1942 г. был направлен на курсы младших лейтенантов, а в 1943 г., после курсов, в звании младший лейтенант и в должности командира взвода был направлен на фронт. Участвовал в боях в составе I Украинского фронта в 112 стрелковом полку 39 гвардейской стрелковой дивизии в 8 гвардейской армии, где находился до 13 октября 1943 г. в должности командира стрелковой роты 1 батальона 1 роты. 13 октября был тяжело ранен в правую ногу разрывной пулей. В госпитале ампутировали правую ногу, после чего был направлен домой со снятием с воинского учета. Вернувшись, работал заведующим Хайбуллинским райсобесом. Сердце ветерана войны перестало биться 30 ноября 1971 г.

Мы гордимся отцом!

БЕЛЯЕВ ИВАН ПОТАПОВИЧ (1924, д. Лухцы, Бабаевский район, Вологодская обл. — 19.02.1973).

Русский. Член ВЛКСМ. Член ВКП/б с 1944 г. Капитан. Командир пулеметной роты. Призван в армию 13.08.1941 г. Сормовским РВК (Горьковская обл.). Воинские части, в которых служил: 2 Белорусский фронт, 685 сп 193 сд, 895 сп 193 сд, 109 сп. Дата выбытия: 19.07.1946 г.

Награды: орден Красной Звезды (28.07.1944), орден Суворова III ст. (06.03.1945), Герой Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая звезда» (24.03.1945), медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За освобождение Варшавы», «За оборону Ленинграда». Ранен 19.01.1945 г.

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1945 г. (до 22.03.1945).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 113-21.

Воспоминания

(Беляев Иван Потапович. История солдата // Бессмертный полк)

Родился 12 января 1924 г. в д. Лухцы Бабаевского района Вологодской области в крестьянской семье. В 1937 г. окончил шесть классов школы, после чего переехал вместе с семьёй в деревню Ройка Кстовского района Горьковской области. Ещё год проучившись в школе, поступил в школу фабрично-заводского ученичества. Окончив училище, работал помощником мастера на Сормовском судоремонтном

заводе. В июне 1941 г. был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. В декабре 1941 года он окончил Смоленское военное пехотное училище. С января 1942 г. — на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях Волховского фронта в Новгородской области во время неудачной попытки прорыва блокады Ленинграда, сражался в окружении в районе Спасская Полясть — Апраксин Бор — Мясной Бор — Любань.

В апреле 1943 г. вновь вернулся на фронт. Участвовал в боях на Центральном, Белорусском, 1-м и 2-м Белорусском фронтах. Принимал участие в битве на Курской дуге, форсировании Десны, Сожа и Днепра, Речицкой операции, освобождении Белоруссии (Бобруйск, Барановичи, Слоним), форсировании Южного Буга и Нарева. В 1944 г. вступил в ВКП(б). Участвовал в освобождении Польши и Восточно-Прусской операции. За годы войны трижды был тяжело ранен.

К сентябрю 1944 г. лейтенант командовал пулеметной ротой 685-го стрелкового полка 193-й стрелковой дивизии 65-й армии 1-го Белорусского фронта. Отличился во время освобождения Польши. 5–15 сентября 1944 г. в районе населенного пункта Гзово в 11 километрах к северу от города Сероцк рота форсировала Нарев, закрепились на плацдарме, отразила контратаки немецких подразделений и прикрывала переправу подразделений полка. За десять дней боев лично уничтожил около 50 немецких солдат и офицеров, а также подбил гранатами восемь вражеских танков. В бою был ранен, но поля боя не покинул.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» лейтенант был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 7231.

После выписки из госпиталя в апреле 1945 г. был назначен помощником военного коменданта железнодорожной станции «Горький». В 1946 г. в звании капитана был уволен в запас. В 1948 году он окончил Горьковский автотранспортный техникум, а в 1962 г. — политехнический институт. В 1959–1973 гг. работал в органах государственной безопасности.

Скончался 19 февраля 1973 г. Похоронен на нижегородском Бургровском кладбище.

Открыта мемориальная доска землякам — Героям Советского Союза в Санинской школе. В честь Героя Советского Союза Ивана Беляева назван грузовой теплоход на Волге.

БОЛТЕНКОВ СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ (15.03.1923, с. Безобразово, Черемисиновский р-н, Н.-Савинский с/с, Курская обл. — 10.03.2010).

Русский. Член ВКП/б с 1944 г. Ст. сержант. Призван в армию 15.11.1941 г. Черемисиновским РВК (Курская обл.). Воинские части, в которых служил: 42 сд.

Награды: орден Отечественной войны I ст. (06.04.1985), медаль «За отвагу» (12.08.1944).

Находился на лечении (ранен в правую руку разрывной пулей) в ЭГ 1721 в 1945 г. (до 15.08.1945).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: ЭГ 1721-400129.

Воспоминания

(Остапенко, Ольга Павловна. История солдата // Бессмертный полк)

Болтенков Семен Михайлович попал на фронт в 18 лет. 15 ноября 1941 г. новобранцы пешком отправились в г. Старый Оскол. Оттуда Семён Михайлович попал в Касторное, где зачисляется в 537 стрелковый полк 160 стрелковой дивизии. Здесь он со своими товарищами обучался военному делу, стрельбе из винтовки, рытью окопов, умению владеть штыком. В те годы Семён Михайлович был рослым и сильным парнем, имел разряд по ГТО, значок «Ворошиловский стрелок». Обучение велось по ускоренной программе, так как бои уже шли на территории Советского района.

Боевое крещение С. Болтёнков принял под станцией Мармыжи. В это время наши войска вели ожесточенные бои на этом участке фронта. Исходным пунктом наступления была д. Мелехово, в 7 километрах от ст. Мармыжи. Командир сказал, что наступать будут ночью. Весь день (был декабрь месяц) лил холодный дождь, ночью ударил мороз. Вся одежда обледенела. Бойцы продвигались вдоль железнодорожной линии. При приближении наступающих немцы обрушили на них шквал пулемётного и автоматного огня. Казалось, что от пуль укрыться негде и будто каждая летит в тебя. Появились убитые и раненные. Первый раз в своей жизни увидел молодой паренек так близко смерть тех, кто только что шёл рядом...

После освобождения Мармыжей был получен приказ идти ускоренным маршем в направлении ст. Долгое Орловской области. На пути с боем выбили немцев из населённых пунктов Седелёвка и Ковалёвка Советского района, освободили от захватчиков большое село Барково. Новый 1942 год Семён Михайлович встретил в на-

селенном пункте Морозовка Тимского района. Затем были бои и освобождение от гитлеровских захватчиков деревень Карандаково, Покровское, Петрищево и других. В это время Болтёнков Семён зачисляется в 395 минометный полк разведчиком-наблюдателем.

Вскоре был освобожден г. Курск. Полк ведет бои за г. Рыльск, освобождает от немцев населенные пункты близ г. Рыльска. Затем победа на Курской дуге. В этой победе есть и заслуга полка, в котором воевал Семен Михайлович. За проявленные мужество и героизм 395 минометному полку было присвоено звание «Гвардейский». Впоследствии мой дед воевал в составе Смоленской Краснознамённой стрелковой дивизии орденов Суворова и Кутузова миномётчиком. Дивизия участвовала в освобождении Белоруссии. В боях за Польшу Семен Михайлович был тяжело ранен в правую руку разрывной пулей. И только благодаря военным хирургам руку удалось спасти от ампутации. Победу встретил в госпитале. Очень дорожил дедушка своими боевыми наградами: медалью «За боевые заслуги», орденом Великой Отечественной войны I ст. и другими наградами. В послевоенные годы Семен Михайлович работал страховым агентом, заведующим библиотекой в Старых Савинах. Научился писать левой рукой. В дальнейшей жизни встретил немало годовщин Победы. Умер, не дожив немного до 87 лет.

БУРКОВСКИЙ ИВАН ФИЛИППОВИЧ (25.10.1922, д. Кузьминки, Октябрьский р-н, Челябинская обл. — 1989).

Русский. Член ВЛКСМ. Лейтенант. Командир взвода. Призван в армию в 1940 г. Октябрьским РВК (Челябинская обл.), на фронте с 10.10.1941 г. Воинские части, в которых служил: 222 сп 49 сд. Дата окончания службы: 27.01.1951 г.

Инвалид Отечественной войны III гр. Работал старшим военруком ремесленного училища № 28 Челябинской области управления трудовых резервов.

Награды: ордена Красной Звезды (06.11.1947), Отечественной войны II ст. (06.04.1985). Ранен 05.03.1943.

Находился на лечении (ранение правой ноги с повреждением берцовой кости) в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 07.07.1943). Судьба: не голен.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Офицерский состав. Картотека ранений. Номер ящика: 113-33.

Воспоминания

(История солдата / Басалаева Татьяна Филипповна (сестра героя), Челябинская область, Коркино // Бессмертный полк)

Иван Филиппович Бурковский — мой старший брат. Огромное уважение, непререкаемый авторитет, разница в возрасте 22 года обусловили то, что я всегда называла и зову его по имени и отчеству. Наши корни лежат на Украине. После 1917 г. родители переехали в Октябрьский район Челябинской области, но украинский язык не забывали. В семье Филиппа Бурковского росли четыре сына и три дочери.

В 1940 г. сыну Ивану исполнилось 18 лет. Октябрьский районный военный комиссариат призвал его в РККА (Рабоче-крестьянская Красная Армия). Где мой брат встретил Великую Отечественную войну, нам неизвестно. О своем боевом пути, о войне он не рассказывал: «Это не надо знать. Это кровь, боль и страх!» — хорошо запомнила я его слова. Если он и делился *Воспоминаниями*, то только с мужчинами.

В 1949 г. брат переехал в Ленинград, где учился в институте имени Герцена. После недолгой учебы в Ленинграде Иван Филиппович стал жить в Челябинске, работать директором школы, находившейся на улице Доватора. В 1960-х гг. перешел в Челябинский железнодорожный техникум.

После поездки в Ленинград он женился на Антонине Григорьевне Кадакиной, которая стала работать бухгалтером в Челябинском политехническом институте. В 1951 г. у них родилась дочь Лариса, в 1961 г. — сын Игорь.

Брат приезжал — как свет в окошке. Он много и интересно рассказывал. Для каждого у него находилось доброе слово. А я ему благодарна за почерк и походку. Однажды Иван Филиппович приехал, а я учу уроки. Он посмотрел в мою тетрадку и говорит: «Така гарна дивчина, як погано пишешь» (брат дома говорил на украинском языке). После таких слов начала я вырабатывать почерк, и к 10-му классу он стал очень красивым.

Была я высокой, в родителей (рост отца Филиппа — 1 м 80 см, мамы Федосьи — 1 м 68 см). Однажды мы гуляли с подружкой Верой по улице, а в это время по той же улице нам навстречу шли приехавшие из Челябинска Иван Филиппович с женой. Когда подошли поближе, Иван Филиппович подозвал нас с Верой и говорит: «Вы что ходите как землемеры? Некрасиво ходите!». Мы спрашиваем: «А что делать? Как научиться ходить красиво?» Брат ответил: «У вас шпалы на железной дороге есть? Вот и ходите по ним!». И стали мы

вырабатывать красивую походку чуть не ежедневно, чем вызвали подозрение стрелочниц, работавших на переезде. Одна из них, знакомая Веры, спросила: «Вы что тут ходите?» Пришлось ей объяснять причину частых прогулок по железнодорожному полотну. Женщина передала рассказ коллегам, и работницы больше не удивлялись появлению двух девушек на железной дороге.

Иван Филиппович был активным лектором. Он входил в лекторскую группу областной организации «Знание» и ездил с лекциями о международном положении по городам и селам области. Когда бывал в Еткуле, обязательно заезжал в Коркино. Очень любил Иван Филиппович охоту, рыбалку. Это перешло к нему по наследству.

Здоровье Ивана Филипповича было неважным. Сказывалось ранение в ногу. В зрелом возрасте добавилась язва желудка. Ежегодное лечение на курортах Кисловодска приносило облегчение, но до конца не излечивало. В 1988 или 1989 г. открылась прободная язва, и его не смогли спасти. Память об Иване Филипповиче Бурковском жива в сердцах сестер, внуков, правнуков.

В музее истории профессионального училища № 33 (так позже называлось ремесленное училище № 28) собран материал о моем брате, его портрет — среди портретов сотрудников училища — участников Великой Отечественной войны.

(Воспоминания о герое // Музей истории ПУ № 33, г. Челябинск)

Профессиональное училище № 33 всегда славилось военно-патриотическим воспитанием. Эту традицию заложили первые сотрудники ремесленного училища № 28 (так называлось ПУ № 33 в 1944–1949 гг.) — участники Великой Отечественной войны. на молодого мужчину с орденом Первым военруком училища был Иван Филиппович Бурковский. О нем наш рассказ.

Предки И. Ф. Бурковского жили на Украине. После 1917 г. они переехали в Октябрьский район Челябинской области. В семье родителей было семь детей. Иван — второй сын, 1922 года рождения. Когда ему исполнилось 18 лет, Октябрьский районный военный комиссариат призвал его в РККА.

Где Иван Филиппович встретил войну — нам неизвестно. О своем боевом пути, о войне он не рассказывал: «Это не надо знать. Это кровь, боль и страх!» — хорошо запомнила его слова младшая сестренка Татьяна. Если он и делился *Воспоминаниями*, то только с мужчинами. Поэтому о боевом пути мы знаем совсем мало.

Комсомолец, младший лейтенант Иван Филиппович Бурковский был командиром пулеметного взвода. 5 марта 1943 г. он получил тя-

желое ранение правой ноги, стал инвалидом III группы. В Красной Армии был по август 1944 г. За пролитую кровь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками награжден орденом «Красной Звезды».

Демобилизовавшись, работал старшим военруком ремесленного училища № 28 Челябинской области Управления Трудовых Резервов. К сожалению, воспоминаний об И. Ф. Бурковском в годы его работы в училище очень мало. Когда в 1989 г. создавался музей истории профессионального училища № 33, ветеран-фронтовик А. Я. Макаров, перечисляя имена фронтовиков училища, назвал его фамилию и имя, не вспомнив отчество, и указал должность — замполит. Алексей Петрович Воробьев, директор училища с января 1946 по апрель 1949 г., в своих *Воспоминаниях* в 1990 г. написал: «Под руководством преподавателя физкультуры Ивана Филипповича Бурковского возникла и стала известной в области футбольная команда».

То есть мы знаем, что сначала он работал военным руководителем. А когда уроки военного дела заменили уроками физкультуры, стал преподавателем этого предмета. Из книги приказов известно, что он был ещё и помощником директора по культурно-воспитательной работе, а сотрудники и учащиеся называли его замполитом.

Однажды в музей истории училища пришли пожилые женщины — коренные жительницы города. Увидев портрет И. Ф. Бурковского, они в голос воскликнули: «Иван Филиппович! Красавец! За ним все коркинские девки бегали!». В 1949 г. он переехал в Ленинград, где, по *Воспоминаниям* сестры Татьяны Филипповны, учился в институте имени Горького. Имя этого писателя и сегодня носит Литературный институт в Санкт-Петербурге. Какую профессию получал там Иван Филиппович, сестра не помнит, но он очень хорошие знания получил по истории и географии. Сохранилась фотография Ивана Филипповича, высланная им из города на Неве. После недолгой учебы в Ленинграде Иван Филиппович стал жить в Челябинске, работать директором школы, находившейся на улице Доватора. В 1960-х гг. перешел в Челябинский железнодорожный техникум. После поездки в Ленинград он женился на Кадакиной Антонине Григорьевне, которая стала работать бухгалтером в Челябинском политехническом институте. В 1951 г. у них родилась дочь Лариса, в 1961 г. — сын Игорь. Иван Филиппович не забывал о своих родителях и навещал их в Коркино. К сожалению, материалов о жизни фронтовика не сохранилось. После смерти его родителей в их доме произошел пожар, во время которого сгорели документы, фотографии.

БУТОРИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (р. 06.12.1912, д. Астраповцы, Оричевский р-н, Бошошенский с/с, Кировская обл.).

Русский. Беспартийный. лейтенант. Призван в армию 05.05.1942 Ишимским ГВК (г. Ишим, Омская обл.). Воинские части, в которых служил: 19 сп. Военную службу закончил 04.11.1952 г.

Награды: ордена Красного Знамени (29.09.1942), Отечественной войны I ст. (1985 г.). Ранен 26–28.08.1942 г.

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 16.09.1943).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 113-34.

Воспоминания

(Мыльников, А. История солдата // Они ковали Победу)

Буторин Александр Васильевич, 1912 г. р., уроженец поч. Займища Буторинского Коршинской волости (Оричевского района). Призван 15.11.1934 г. Оричевским РВК, 1941 г. Ишимским РВК Омской области. лейтенант, заместитель командира роты, 894 сп 211 сд; 19 сп.

Награды: орден Красного Знамени.

Выписка из наградного листа: «При наступлении 1-го батальона на сильно укрепленный узел немецкой обороны разъезд Дишня Новосильского района Орловской области лейтенант Буторин находился в штурмовой группе.

После первых артиллерийских залпов с криками «ура» поднялся в атаку, одним из первых ворвался в оборону противника и забросал ДЗОТ гранатами, уничтожил в нем 13 человек немцев. В этот момент он был ранен пулей в руку, но не оставил поле боя и в течение 3 суток (26, 27 и 28 августа 1942 г.) вел бой с контратакующим противником.

В одну из контратак 27.8. 1942 г. захватил немецкий пулемет и повернул его в сторону противника, рассеял взвод автоматчиков. Только тяжелое вторичное ранение 28.08.1942 г. заставило лейтенанта Буторина покинуть поле боя. Всего в этих боях лейтенант Буторин уничтожил 33 немецких солдат и офицеров».

ВЕТЕЛИН АРКАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ (р. 05.02.1907, г. Сарапул, Удмуртская АССР).

Русский. Член ВЛКСМ. Ст. лейтенант. Призван в армию в 12.1941 г. Свердловский ГВК (г. Свердловск, Свердловская обл.). Воинские части, в которых служил: 115 осбр.

Награды: орден Красной Звезды (30.05.1951), Отечественной войны I ст. (06.04.1985), медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (06.06.1945). Ранен 27.08.1943. Инвалид Отечественной войны 3 гр.

Находился на лечении (ранен в левую руку и левую ногу) в ЭГ 1721 в 1944 г. (до 04.01.1944). Выбыл домой.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Офицерский состав. Картотека ранений. Номер ящика: 114-22.

Воспоминания

(Архив АО «Сарапульский радиозавод» // Сарапул. Энциклопедия победителей)

Аркадий Михайлович Ветелин после смерти отца в 15 лет поступил на Сарапульский кожкомбинат, где в 16 лет вступил в комсомол. Окончил курсы пионервожатых и работал в райкоме ВЛКСМ. В 19 лет стал членом ВКП(б) и по направлению райкома продолжил учебу в Уральском областном промышленно-экономическом техникуме. В декабре 1941 г. был мобилизован в РККА. Окончил интендантскую академию РККА им. В. М. Молотова. Воевал на Центральном фронте в районе Сталинграда. В течение лета 1943 г. участвовал в боях в составе мотострелкового батальона 171-й мотострелковой дивизии 65-й армии, удерживавшей Курский выступ. Получил тяжелое ранение в районе г. Севска и находился на лечении в ЭГ № 1721 в г. Челябинске. Демобилизован в 1944 г. Работал в Свердловске (ныне Екатеринбург). В декабре 1955 г. по направлению Сарапульского ГК КПСС был назначен начальником отдела сбыта радиозавода им. С. Орджоникидзе. Проработав на заводе свыше 30 лет, в 1986 г. ушел на заслуженный отдых.

ФУРТИКОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (р. 1906, Ставрово, Собинский р-н, Ивановская обл.).

Русский. Член ВКП/б с 1929 г. лейтенант. Призван в армию в 1942 г. Селивановским РВК (Владимирская обл.). Воинские части, в которых служил: 881 самоходно-артиллерийский полк.

Награды: ордена Отечественной войны II ст. (28.01.1945), Отечественной войны I ст. (28.01.1945).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1945 г. (до 15.06.1945).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Фонд ист. информации: Картотека ранений. Номер ящика: 095-35.

Воспоминания

(История солдата / Дмитрий Зайцев, внук героя // Бессмертный полк)

Павел Николаевич был призван на службу в 1942 г. Место службы: 881 самоходно-артиллерийский полк, 29 стрелковый корпус 48-й армии. Командовал самоходной артиллерийской установкой СУ-76. 14 января 1945 г в Польше, при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе д. Маковицы, самоходная установка СУ-76, которой командовал лейтенант Фуртиков Павел Николаевич, благодаря его умелому и решительному управлению, одной из первых ворвалась в траншею немецкой обороны. Интенсивным огнем из орудия лейтенант Фуртиков обеспечил успех наступающей пехоте. В этом бою его установка уничтожила противотанковое орудие, 4 огневых точки, 3 миномета и до 18 солдат противника. Во время операции по овладению населенным пунктом Обещаново (Польша) его самоходка обеспечила успех продвижению нашей пехоте, вырвалась вперед и огнем в упор расстреливала гитлеровцев, при этом уничтожила одно орудие 75 мм, 2 автомашины с боеприпасами, 3 станковых пулемета и до 25 солдат противника, и этим поддержала успех нашей пехоты. В этом бою лейтенант Фуртиков Павел Николаевич был ранен, но некоторое время оставался на поле боя, до закрепления на участке. За этот подвиг лейтенант Фуртиков был награжден орденом Отечественной войны II степени. Сам Павел Николаевич рассказывал, что во время боя ему перебило сухожилие. Он стоял рядом с местом, куда упала граната. Погибли все, кто был рядом, а ему повезло. Пока лежал в госпитале (в Польше), война закончилась. До Берлина чуть-чуть не дошел...

ТЫРЫШКИН АЛЕКСАНДР НИКАНДРОВИЧ (23.02.1910, с. Казанда, Алтайский р-н, Алтайский край — 02.08.1987, с. Майма, Алтайский край).

Русский. Член ВКП/б с 1939 г. Лейтенант. Призван в армию в 11.1932 г. Шебалинским РВК (Ойротская АО), на фронте с 30.09.1944 г. Воинские части, в которых служил: 161 стрелковый полк 95 стрелковой дивизии, 718 стрелковый полк 139 стрелковой дивизии 1 Белорусский фронт.

Награды: ордена Красной Звезды (09.07.1944), Красной Звезды (30.09.1944), Отечественной войны II ст. (12.02.1945), Отечественной войны I ст. (06.04.1985).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1945 г. (до 18.05.1945). Судьба: выбыл в запас.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 095-10.

Воспоминания

(Тырышкин, А. Н. Один день войны / в ред. внука героя // Звезда Алтая» —1975. — 05 апр.)

Июнь 1944 г. Окрестности Могилева. Выйдя из болота, наш батальон остановился на привал. Кто-то стал приводить в порядок оружие, кто-то курил, а многие после бессонной ночи боролись с дремотой. Неожиданно за недалеким пригорком поднялась автоматнo-винтовочная стрельба. Все встrepенулись. К нам подбежал незнакомый солдат в цветастом маскхалате, с автоматом в руках. Доложил комбату: «Дивизионная разведка приняла бой на себя. Нас мало осталось, а немцы подкрепление подбрасывают. Не справиться одним». Комбат приказал мне, командиру взвода автоматчиков, выручить разведчиков. Пошли по лощине. Открылась полоса ржи. За ней гитлеровцы. Мы развернулись в цепь и бросились в атаку. Поднялись и разведчики. Ошеломленные фашисты обратились в бегство. Но уйти живым удалось только двоим. Пулеметчик Цыганков даже зубами скрипнул от досады: «Плохо стреляем!»

Мы подобрали трофеи и вернулись в расположение батальона. Комбат поблагодарил бойцов за смелость. И снова мы двинулись в путь — на Могилев. Солнце уже было в зените. Впереди показались деревни, Большие и Малые Васильки. Располагались они на взгорках. Между ними — лощина. В ней небольшой сарай, рядом — ивовый куст. И все. Остальная местность как на ладони. И все-таки командир роты капитан Богусловский отдал приказ: провести разведку боем. Но как только мы появились на открытом месте, немцы открыли пулеметный и минометный огонь. Взвод залег и тут же снова бросился вперед. Посередине лощины вновь залегли под шквальным огнем врага. Цепь взвода заметно редела. Из трех пулеметчиков стрелял только Цыганков.

Но вот в небе появились наши бомбардировщики, развернулись и начали бомбить передний край обороны противника, проходивший по огородам. Открыла огонь и наша артиллерия. В грохоте взрывов деревня занялась огнем. Немцы метались по ней, не зная, где спрятаться. Со стороны Малых Васильков шли четыре наших «тридцатьчетверки». Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника, и мы по сигналу красной ракеты кинулись в атаку. Вдруг впереди меня разорвалась вражеская мина. Один из осколков

пробил каску на моей голове, и я упал, потеряв сознание.

В себя пришел к вечеру. Рядом, в воронке, лежал знакомый разведчик — один из тех, кого мы выручили утром. Он с трудом улыбнулся: «Я вас перевязал. Выручка за выручку». А сам не может даже рукой пошевелить — обессилел. Полевой госпиталь. В палату заходит солдат. Он был из соседней роты. Он-то и рассказал, как закончился бой за Большие Васильки. Здесь снова отличился пулеметчик Цыганков. Когда меня ранило, он принял командование на себя. Правда, во взводе осталось лишь двенадцать человек, но они, как и все, продолжали атаковать.

Цыганков с автоматчиками бежал к большому дому, стоявшему на окраине деревни, на ходу стреляя из своего ручного пулемета, — здоровенным парнем он был. Кончились патроны, он взялся за автомат, висевший за спиной. Заметил трех фашистов, бежавших к кустам, что виднелись за деревней. У одного из них в руках был длинный сверток. Это показалось Цыганкову весьма подозрительным. И он, прицелившись, дал по ним длинную очередь. Все трое упали. Но тот, что со свертком, был жив. Цыганков подскочил к нему, ударом ноги выбил автомат, рванул сверток. Однако гитлеровец был не из слабых. Завязалась борьба. На помощь своих Цыганкову нечего было надеяться: автоматчики с боем брали дом. Тогда боец выхватил трофейный пистолет, который ему утром оставил комбат в качестве подарка, и прикончил фашиста. Свертком оказалось немецкое знамя.

Так, 23 июля 1944 г. перестал существовать еще один полк гитлеровской армии. Через несколько дней многим моим товарищам по оружию вручили за проведенный бой правительственные награды. Цыганков получил орден Красного Знамени. Какова дальнейшая судьба моих близких друзей-автоматчиков — Цыганкова, Санина, Крылова, Филиппова и других, не знаю. Но память о них будет жить в моем сердце. Александр Тырышкин, бывший командир взвода автоматчиков.

БАЙКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (р. 08.05.1916, с. Вознесенское, Вознесенский р-н, Горьковская обл. — 30.11.2002).

Русский. Член ВКП/б с 1940. Политрук. Капитан. Призван в армию 10.10.1937 (Вонесенским РВК, Горьковская обл.). Воинские части, в которых служил: 1452 самоходно-артиллерийский полк автобронетанк. склад 942 169 гв. отб 81 гв. мех. полка 1 Прибалтийский фронт 6 гвардейская армия 1 отдельный стрелковый батальон. Дата окончания службы: 25.06.1946.

Награды: орден Отечественной войны I ст. (06.04.1985), Красной Звезды (14.10.1944), Красного Знамени (30.09.1944), Отечественной

войны I ст. (24.11.1944), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Ранен 19.04.1942.

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1942. Выбыл в отпуск, 21.07.1942. Инвалид Отечественной войны 2 ст.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Фонд: картотека ранений. Номер ящика: 113-07.

Воспоминания

Родился в 1916 г., на самом деле в 1917 г., т. к. хотел вступить в комсомол. Поступил в педучилище. Перед службой в армии удалось поработать учителем в школе. После окончания курсов младших политруков избрали секретарем партийного бюро. Первое ранение, легкое, получил на четвертый день войны. Затем одно за другим — тяжелые ранения. После излечения в госпиталях снова вставал в строй.

В 1943 г. его назначили командиром батареи 1452-го самоходно-артиллерийского полка. Их танковый корпус, находившийся в резерве Ставки Верховного Главнокомандования как корпус прорыва, за отличие в боях позднее стал именоваться Краснознаменным и Перекопским. Особенно проявил себя на Курской дуге, а также при освобождении Крыма и Прибалтики.

Много лет спустя Байкин, взяв с собой в дорогу четырнадцатилетнего сына, ездил в Крым, где встречался с однополчанами.

До мельчайших подробностей помнил первые августовские дни 1944 г. «Перейдя в наступление, противник в районе г. Биржая бросил на нас много танков. Орудий, минометов и бронетранспортеров. Нам пришлось крепко потрудиться. 5 августа батарея подбила 6 полевых орудий калибра 105 мм, три противотанковых орудия, уничтожила около 40 гитлеровцев.

На другой день мы завязали бой у деревни Репейкяй. Опять отражали контратаки, и вновь отличилась наша батарея: уничтожили 2 батареи, 5 автомашин и 5 пулеметных точек противника. Но главный бой был еще впереди. Он случился 7 августа. Командир СУ-8 шел первым. Экипаж, обнаружив тяжелую немецкую самоходку «Фердинанд», сходу подбил ее точными выстрелами, а батарея в целом помогла танковой бригаде продвинуться вперед и закрепить на достигнутых рубежах.

Вот написал стихи:

Прошел он путь от Курска до Берлина,
Смотрел смертям, как говорят, в глаза,
И мы его о той дороге длинной,
Собравшись, попросили рассказать.
Давно, до нас, свои свернула взрывы
Война, забыть которую нельзя.
...Боец поведал о полках прорыва,
О фронтовых проверенных друзьях
И о героическом нашем экипаже,
О бое том. Что вспомнился сейчас,
И ждали мы, сидящие, доскажет...
А он слезу рукой прижал у глаз.
Мы, без вины, смотрели виновато,
И гулкий зал вдруг намертво притих...
В кольце врагов себя взорвав гранатой,
тот экипаж погиб...

Н. А. Шемяков

БЛИНОВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. 07.09.1919, с. Курашим, Юговский р-н, Молотовская обл. — 2007).

Русский. Член ВКП/б. Образование: высшее. Гражданская специальность: преподаватель вуза. Ст. лейтенант. Призван в армию в 10.1938 г. Верещагинским РВК (Молотовская обл.). Воинские части, в которых служил: 723 штурмовой авиационный полк.

Награды: ордена Отечественной войны I ст. (06.04.1985), Красного Знамени (09.08.1941), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943. Выбыл в отпуск 05.05.1943.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Фонд: картотека раненных. Номер ящика: ЭГ 315-300251.

Воспоминания

(Музей Кемеровского государственного медицинского института)

Блинов Геннадий Александрович — солдат, коммунист, педагог, кандидат исторических наук, доцент, заведовал кафедрой истории КГМИ (1962–1980).

Родился Геннадий Александрович 7 сентября 1919 г. в поселке Курашим Юговского района Молотовской обл. После получения среднего образования он в сентябре 1937 — октябре 1938 гг. преподавал физическую культуру в средней школе г. Верещагино. В 1938 г.

Г. А. Блинов стал курсантом 15-й военной школы летчиков-наблюдателей. С 1938 по 1940 гг. был курсантом Челябинского высшего военного авиационного училища. 13 мая 1938 г. учебное заведение было переименовано в «Челябинское военное авиационное училище летчиков-наблюдателей». Штурман. Из воспоминаний Блинова Г. А.: «После окончания военного авиационного училища я был направлен для прохождения службы в 213-й полк ближнебомбардировочной авиации, который дислоцировался на станции Идрица, недалеко от западной границы СССР. Начались будни армейской службы в сложное и тревожное время уже начавшейся второй мировой войны. Помню: рано утром 22 июня 1941 г. прозвучала боевая тревога. Я думал, что обычная тревога, которых было много. Но когда получил боевое задание и над аэродромом стали пролетать немецкие самолеты, понял, точнее, почувствовал, что это не так. Однако полностью не осознал еще, что началась война. Такое же чувство было у моих товарищей. Вот и первый боевой вылет. Нашей эскадрилье, которую вел капитан Елисеев, было приказано произвести бомбовый удар по скоплению живой силы и танков противника, сосредоточенных в одном из небольших населенных пунктов на нашей территории. Мы над целью. Надо сбрасывать бомбы, но никто этого не делает. Почему? Я, как и другие, думал: там внизу наша земля, наша деревня, а в ней — наши люди. Как же на них сбрасывать бомбы? Это был какой-то психологический барьер, преодолеть который удалось только со второго захода на цель, когда около нас стали рваться снаряды фашистской защитной артиллерии. Только в этот момент я с особой остротой почувствовал, что это война, что и от меня, и от моих умелых действий зависит моя жизнь, свобода и независимость Родины.

После первого боевого вылета мы все собрались. Очень быстро поняли, глубоко осознали, что успех зависит от спаянного, боевого коллектива, взаимной выручки, стойкости, самопожертвования, знаний и упорного труда. Это стало законом нашей жизни. В подтверждение можно привести пример, когда в одном из воздушных боев комиссар эскадрильи капитан Грошев, рискуя собственной жизнью, спас меня от верной гибели. Или другой пример: после бомбового удара по цели в районе Харькова наше звено (три самолета) атаковала шестерка фашистских истребителей «Мессершмидт-109». Наши летчики, что называется, «притерлись» друг к другу и мощным огнем из пулеметов, прикрывая товарищей, били по врагу. Фашисты вынуждены были отступить, потеряв один самолет».

За бой через две недели (его звено разбомбило мост, по которому немцы замыкали окружение целой армии) был награжден

орденом Боевого Красного Знамени. Воевал еще год. В сентябре 1942 г. в одном из боевых вылетов Г. А. Блинов был тяжело ранен. Его направили в госпиталь 1721 в Челябинск. Почти год пролежал в госпитале. Выхаживала, лечила медицинская сестра Анна Алексеевна. Молодые люди поженились. Геннадия Алексеевичу было 24 года, когда он получил инвалидность как участник войны.

Вместе с женой Анной поехал на свою родину, в г. Верещагино Пермской области. Он стал заведовать Верещагинским городским карточным бюро. Работал инструктором райкома партии, учился в ВППШ в Москве. В 1946 г. получил направление в Кемерово и был утвержден заведующим лекторской группы обкома партии. В 1950–1953 гг. он обучался на историческом факультете Сталинского государственного педагогического института. В 1962 г. закончил аспирантуру МГУ (заочно). Работал до 1952 г. заведующим идеологическим отделом Кемеровского обкома партии, затем заместителем директора областной партшколы (до 1957 г.), потом — старшим преподавателем Кемеровского горного института (с 1957 г.)

Г. А. Блинов был заведующим кафедрой истории КПСС КГМИ с 1962 по 1980 гг. Почти все годы работы в мединституте входил в руководство парткома. После выхода на пенсию в 1980 г. Г. А. Блинов еще до 1989 г. работал доцентом. Награжден орденом «Знак Почета».

Источник:

1. Звягин, С. П. Доцент КГМИ Г. А. Блинов: солдат, коммунист, педагог / С. П. Звягин // Вестник общественных и гуманитарных наук. — 2023. — Т. 4, № 2.

КИРЕЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. 11.01.1921, д. Стрешнево, Тепло-Огаревский р-н, Тульская обл. — 1986).

Русский. Член ВКП/б. Гв. ст. лейтенант. Призван в армию 30.10.1940 Тепло-Огаревским РВК (Тульская обл.). **Воинские части, в которых служил: 68 механизированная бригада 137 горно-стрелковый полк 76 горно-стрелковой дивизии, 216 гвардейский стрелковый полк 79 гвардейской стрелковой дивизии 142 отдельный автотранспортный батальон 5 гвардейской танковой армии, 51 гвардейская стрелковая дивизия.** Дата окончания службы: 23.11.1945.

Награды: ордена Красной Звезды (05.01.1944), Красной Звезды (18.05.1945), медали «За отвагу» (18.12.1943), «За отвагу» (18.02.1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За оборону Сталинграда» (22.12.1942), «За взятие Кенигсберга», «За оборону Сталинграда»

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943. Выбыл 18.06.1943.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Фонд: картотека раненых. Номер ящика: 41.

Воспоминания
(Бессмертный полк)

Мой дедушка, Киреев Василий Александрович, был призван в ряды РККА в 1940 г. Начало войны встретил на границе с Ираном, оттуда был отправлен на Западные рубежи. Стал участником обороны Сталинграда, где был тяжело ранен, но после госпиталя вернулся в расположение 8 механизированного корпуса и стал участником взятия в плен немецких офицеров во главе с фельдмаршалом Ф. Паульсом. После освобождения Сталинграда в составе частей участвовал в боях за освобождение Украины. Форсирование р. Днепр, Корсунь-Шевченковская операция. Мой дедушка освобождал Польшу и стал участником взятия Берлина. После окончания Великой Отечественной войны он был отправлен на борьбу с милитаристской Японией. Его война закончилась в сентябре 1945 г. По окончании войны ему пришлось извещение о необходимости явиться в военкомат для получения звания капитана, но он так и не явился, потому что хотел забыть обо всем, что пережил.

После окончания войны он вернулся в родную деревню еще совсем молодым (ему было всего 25 лет), но уже боевым офицером, встретил мою бабушку, тогда молодую красавицу Марию Федоровну, они поженились, и у них родилось 2-е детей. Мои родные прожили вместе всю жизнь. Дедушка нехотя рассказывал о войне, он всегда говорил, что это было очень страшно, и нам лучше этого не знать.

К моему дедушке однажды приехал гость — это был Михаил Шолохов. *Воспоминания* моего деда стали частью романа «Они сражались за Родину». В своей послевоенной жизни дедушка был бухгалтером совхоза, очень скромным человеком. Он не любил носить свои награды и на празднование Дня Победы ходил в простом костюме.

Мы, потомки героев этой страшной войны, очень гордимся своими дедушками и бабушками. Слава героям! И вечная память ушедшим!

Елена Киреева.

ИВАНОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ (27.01.1923, г. Иваново, Ивановская обл. — 09.11.2011).

Русский. Член ВКП/б. Подполковник. Призван в армию 14.05.1941 г. Ивановским ГВК (г. Иваново, Ивановская обл.). Военские части, в которых служил: Резерв Главного командования, 496 горно-вьючный минометный полк, 38 армия, 1 гвардейская армия, Борисоглебская ВАШП. Дата окончания службы: 26.05.1961 г.

Награды: ордена Красного Знамени (02.06.1951 — за бои в Корее), Красного Знамени (10.10.1951 — за бои в Корее), Красной Звезды (29.04.1954 — за налет в сложных метеоусловиях), Красного Знамени (22.02.1955 — за полёты в сложных метеоусловиях), орден Красной Звезды (30.12.1956 — за выслугу лет), орден Отечественной войны II ст. (11.03.1985), медаль «За боевые заслуги» (19.11.1951 — за выслугу лет).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 11.03.1943).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 084-22.

Воспоминания

(Советские асы. 1936–1953)

Иванов Л. Н. родился 27 января 1923 г. в г. Иваново в семье служащего. Учился в средней школе № 51 г. Иваново. В 10 классе его направили на учёбу в местный аэроклуб, который окончил в апреле 1941 г. После этого был направлен в Борисоглебскую военную авиационную школу пилотов, которую окончил в 1943 г. и был оставлен в ней летчиком-инструктором. Зимой 1943 г. в течение месяца был на боевой стажировке (Воронежский фронт) в составе неустановленного полка. **Побед не имел.**

По ноябрь 1949 г. служил в Борисоглебском ВАУЛ им. Чкалова в должности летчика-инструктора. В декабре 1949 г. спецкомиссией был отобран для прохождения службы в составе 324-й ИАД на должности командира звена 196-го ИАП в звании старшего лейтенанта.

В декабре 1950 г. убыл в правительственную командировку в КНР и принимал участие в боевых действиях **в небе КНР** с апреля 1951 по январь 1952 гг. Был командиром звена, заместителем командира эскадрильи по лётной подготовке 196-го ИАП (324-я ИАД, 64-й ИАК). Совершил 186 боевых вылетов, участвовал в 49 воздушных боях, в которых лично сбил 7 самолетов противника.

С мая 1952 г. был командиром эскадрильи 196-го ИАП (324-я ИАД, 52-я Воздушная армия). С января 1955 г. — заместитель

командира 178-го ИАП по лётной подготовке. В 1956 году сбил 2 шара-разведчика, запущенных со стороны Финляндии. С августа 1956 г. — старший инспектор Истребительной авиации Московского округа ПВО. С апреля по ноябрь 1959 года учился на Липецких курсах, затем назначен офицером отдела штаба МО ПВО. С апреля 1960 г. — начальник штаба 23-го ИАП. В июне 1961 г. подполковник Л. Н. Иванов уволен в запас по болезни. Жил в Москве. Умер 9 ноября 2011 г.

Летчики 1-й АЭ 196-го полка имели меньше всех побед в полку — всего 17, но и в рядах летчиков этой АЭ также вырос один результативный летчик, ставший асом на этой войне. Речь идет о заместителе командира 1-й АЭ по летной подготовке капитане Иванове Льве Николаевиче. Он прибыл в состав 196-го ИАП в январе 1950 г. из состава Арзамасского ЗАПа, где в это время он был летчиком-инструктором. Он был отобран в декабре 1949 г. специальной комиссией, которая отбирала наиболее опытных в пилотировании летчиков. Из Арзамасского запасного авиаполка были отобраны 3 лётчика-инструктора: старшие лейтенанты Л. Н. Иванов, А. М. Достоевский и А. Ф. Горшков. Все трое прибыли в состав 196-го ИАП и Иванов попал в состав 1-й АЭ, которой на тот момент командовал майор А. И. Бабаев. Тогда же, в феврале 1950 г., Иванов начал осваивать реактивную технику и совершил первый полет на реактивном Як-17, а затем на боевом МиГ-15.

Иванов не должен был ехать в правительственную командировку в Китай, его оставляли в Кубинке для продолжения летной службы. Однако по семейным обстоятельствам в Китай не мог поехать и другой лётчик 196-го ИАП, старший лейтенант Неседимов, у которого были малолетние дети. Тогда и был вместо него отправлен в Китай Лев Иванов.

Прибыв в Китай, полк несколько месяцев готовился к боям, и в это время Иванов получил звание капитана. Он был в тот момент на должности командира звена в 1-й АЭ у капитана Н. А. Антипова. Лётчики 1-й АЭ свой первый боевой вылет совершили 4 апреля 1951 г., и в этом вылете и отличился капитан Лев Иванов. Вылет состоялся утром в 07:00, 8 экипажей 1-й АЭ, ведомые командиром АЭ капитаном Антиповым, вылетели на перехват самолётов противника в район Сенсен. В районе Тецузана, на высоте 9000 метров состоялась встреча с группой из 12 F-86, с которыми и состоялась схватка. Звено капитана Антипова атаковала первое звено «Сейбров», а звено Иванова перешло в атаку на второе звено «Сейбров». Иванов совершил атаку на встречных курсах и на выходе из атаки наблюдал, что атакованный им «Сейбр» с дымом

пошёл вниз. Бой продолжался ещё несколько минут, но больше побед не было одержано, а противник был вытеснен из данного района. По данным фотоконтроля капитану Иванову была зачислена победа над F-86 — это была первая официальная победа Льва Николаевича в этой войне!

Свою вторую победу капитан Иванов одержал в сражении 12 апреля 1951 г. В 08:55 на перехват обнаруженной наземными постами РТС большой группы самолётов противника были подняты 2 группы «МиГов» из состава 196-го ИАП. Первую группу в составе 8 экипажей вёл старший лейтенант Шеламонов из состава 3-й АЭ, а вторую группу в составе 6 экипажей вёл заместитель командира 1-й АЭ капитан П. Ф. Ткацкий.

Шедшая впереди группа капитана Ткацкого в районе Тецузана обнаружила 2 четвёрки бомбардировщиков В-29, которых прикрывали истребители F-80. Первым противника обнаружил Иванов, о чём и доложил ведущему группы. Тот дал команду паре Иванова атаковать бомбардировщики, а сам сверху прикрывал его атаку. О том, что было дальше, рассказывает Лев Николаевич:

«Мы обнаружили большую группу бомбардировщиков В-29, которых прикрывало много истребителей противника. Они, словно мухи, роились вокруг “крепостей”. Мы решили атаковать шедшие впереди два звена В-29. Они летели в форме “ромбов” строем “фронт” и были ниже нас. Я выбрал для атаки второй “ромб”, который был чуть сзади первого и вместе со своим ведомым Сашей Кочегаровым перешли в атаку. Атаковал крайнего в строю бомбардировщика под ракурсом 2/4. Сначала открыл огонь с дальней дистанции, так как впервые атаковал такую крупную цель, как В-29. Вижу снаряды, идут ниже цели. Продолжил сближение и сделал поправку по прицелу и с дистанции 600 метров снова открыл огонь. Вижу, как снаряды ложатся по левому крылу “крепости”, и у него загорелись оба двигателя, и он стал разворачиваться, и тут его атаковал мой ведомый Кочегаров и добавил ему ещё. Из бомбардировщика стал выпрыгивать экипаж В-29, и тут же повисли в воздухе их парашюты.

Мы вышли из атаки, и тут нас атаковали истребители противника, и пара F-80 зашла в хвост Кочегарову. Я сделал резкий разворот и перешел в атаку на этих “Шутов” и обстрелял их. Они, обнаружив мой самолет, тут же бросили Кочегарова и ушли вниз. Мы также повернули на свой аэродром, так как в баках заканчивалось горючее». Однако эту победу Льву Николаевичу не засчитали: решили отдать эту победу ведомому Иванова старшему лейтенанту Кочегарову, у которого были хорошие снимки ФКП и, к тому же, у Иванова уже

была одна победа, а у Кочегарова не было. Лев Николаевич особо не возражал против этого, считая, что победа была коллективная, а кому запишут эту победу, было не важно для него, так как он за победами не гнался.

Также не была засчитана Иванову и следующая победа в корейском небе: это произошло 21 июля 1951 г. Об этом бое с палубными «Пантерами», которых наши лётчики приняли за F-94, уже рассказывалось. В этот пасмурный день 2 звена палубных F9F-2 совершили глубокую воздушную разведку в район Мукдена (КНР) и на обратном пути они были перехвачены 10 «МиГами» из состава 196-го ИАП под командованием подполковника Пепеляева. По *Воспоминаниям* Льва Николаевича, он также участвовал в этом вылете вместе со своим постоянным ведомым Александром Кочегаровым и даже сбил одного F-94. События, по словам Льва Николаевича, развивались следующим образом: «В этот день была плохая погода, и мы долго ждали команду на вылет. Когда Кожедуб дал «добро» на вылет, то в воздух ушли только 10 особо подготовленных экипажей, имеющих опыт полётов в СМУ. В составе этой десятки была и моя пара. После того, как мы взлетели и пробили облачность, мы обнаружили восьмерку самолетов противника, летевших двумя четвёрками в строю «ромб» одна за другой. Мы были выше их на 1500 метров. Пепеляев сразу пошёл в атаку, а наше звено осталось выше прикрывать атаку. Строй самолётов противника рассыпался после атаки Пепеляева, и их начали преследовать, разбившись на пары. Тут мне кто-то крикнул по радио: «Лев, смотри слева». Я обернулся влево и увидел пару самолетов противника в каких-то 150–200 метрах от себя. Я резко развернул свой самолёт влево, стараясь направить нос самолёта на ведущего этой пары, и почти в упор ударил по нему короткой очередью. Наблюдал попадания снарядов в самолёт противника, но дальше я потерял его из вида, так как атака была скоротечной».

По словам Иванова, по данным фотоконтроля ему записали эту победу на его счет. Однако в документах 324-й ИАД нет упоминания о зачислении победы на счёт капитана Иванова в этот день. Странное дело, Лев Иванов заявляет о своей победе в этом бою, но ее почему-то не засчитывают, а вот Николаю Шеламонову, который утверждает, что в этом вылете даже и не участвовал, почему-то записана победа... Видимо, тут имеет место либо ошибка офицеров штаба 196-го полка или дивизии, либо это так распределяли победы штабные чиновники. Лётчики всё равно не интересовались, кому и за что записывалась победа, об этом они узнавали спустя некоторое время из приказов по части, и никто их не оспаривал.

Свои очередные, официально засчитанные командованием победы, Лев Иванов добыл в небе Кореи только в сентябрьских боях. Сначала 9 сентября лётчики 1-й АЭ провели трудный бой с опытными пилотами 334-й и 335-й FIS, в котором одержали 2 победы над «Сейбрами» — их записали на свой счёт капитан Иванов и старший лейтенант Василий Фукин. Но и сами в этом бою понесли потери, потеряв одну машину, — ее пилот, старший лейтенант Николай Андрушко, благополучно катапультировался и вскоре вернулся в часть. Американцы, как обычно, отрицают какие-либо потери своих F-86 в этот день.

12 сентября летчики 196-го полка во второй половине дня в районе Дзюнсен — Сюкусен перехватили группу F-80 и нанесли ей потери: 3 «Шутинг Стара», по заявлению наших летчиков, упали на землю Северной Кореи. Одного из этих F-80 сбил капитан Иванов, и это была его уже 3-я официальная победа. 2 октября во второй половине дня капитан Иванов участвовал в большом сражении с группой «Сейбров», в котором участвовали лётчики 324-й ИАД. Из летчиков 196-го полка в этом сражении отличился капитан Лев Иванов, сбивший одного из «Сейбров». Однако этот день запомнился ещё одним событием: в утреннем бою «Сейбрами» был сбит летчик 523-го ИАП (303-я ИАД), старший лейтенант С. З. Москвичёв, причём он был ранен в бою, но смог найти силы, чтобы катапультироваться из подбитой машины. Он опустился на парашюте на своей территории, и его вскоре подобрали китайские народные добровольцы. Вроде бы всё закончилось хорошо для нашего летчика, однако он был серьёзно ранен в левое плечо и потерял много крови, пока его доставили в ближайший китайский госпиталь. Как выяснилось, у Москвичёва была редкая группа крови, запаса которой не было в госпитале. Советский лётчик мог умереть в ближайшие часы, если не будет сделано переливание крови.

Наше командование приняло решение послать срочно в район госпиталя, который располагался на территории КНДР, двухместный учебный самолёт Як-11, в одной из кабин которой находился начальник парашютной службы дивизии, мастер парашютного спорта, полковник Свобода, у которого была фляга с нужной кровью. Так как полёт должен был проходить над районом, над которым активно действовала авиация обеих сторон и была возможность атаки со стороны вражеских истребителей, прикрытие этого важного самолета было возложено на звено капитана Иванова. Задание было выполнено отлично: кровь нужной группы была доставлена вовремя, и жизнь нашего летчика была спасена!

26 октября в первой половине дня заместитель командира полка майор А. И. Митусов повёл группу из 12 летчиков в район Дзюнсен, где состоялась встреча с 20 F-80. Наши летчики атаковали «Шутов» и быстро разгромили эту группу, сбив 3 F-80. Одного из них записал на свой счёт капитан Лев Иванов, это была его 5-я официальная победа в небе Кореи, он стал очередным асом в списке пилотов 64-го ИАК. В этом бою лётчики 196-го ИАП вели бой со смешанной группой самолётов противника, состоявшей из группы F-80 из состава 25-й FIS 51-го FIW и группой F-84 из состава 136-й FBW. Американцы потеряли в этом бою 2 «Тандерджета» и 1 «Шутинг Стар», причём потери были серьёзные, так как из этого вылета не вернулся командир 182-й FBS, подполковник Джеймс Уитт (James R. Witt). По данным аргентинского историка Диего Зампини, именно Лев Иванов в этом бою сбил самолёт подполковника Уитта, который смог спастись и попал на долгое время в плен.

Последние две свои победы капитан Лев Иванов одержал в декабрьских боях. Свою очередную победу он одержал 13 декабря. В этот день лётчики 324-й и 303-й ИАД вели бои с новыми «Сейбрами» модификации F-86E и заявили о 10 победах над «Сейбрами» при одной своей потере. При этом 4 «Сейбров» записали на свой счёт пилоты 196-го ИАП, в том числе один из них на счету Иванова. Американцы признали потерю только 2-х «Сейбров» в этот день, так что многие наши пилоты претендуют на эти 2 победы!

На следующий день, 14 декабря, летчики 196-го полка провели 2 успешных боя с лётчиками 4-го и 51-го FIW и добились очередных побед. Было заявлено 4 победы над «Сейбрами», без своих потерь. Во 2-м бою во второй половине дня отличились капитан Лев Иванов и капитан Владимир Алфеев. По данным западных исследователей, в этом бою капитан Алфеев сбил F-86E №50-0665 из состава 51-го FIW, а капитан Иванов повредил F-86A №49-1191 из состава 335-й FIS, пилот которого Шаклер (Schuckler) смог дотянуть до своей базы и благополучно посадить свой самолёт, который был впоследствии восстановлен.

Как бы там ни было, но эта была 7-я официальная победа Льва Николаевича в корейском небе. В конце декабря из-за ухудшившегося состояния здоровья Лев Иванов убыл вместе с ещё несколькими лётчиками полка в СССР. За всё время участия в боевых действиях в небе Кореи Лев Николаевич совершил 186 боевых вылетов, участвовал в 49 воздушных боях, в которых лично сбил 7 самолётов противника. За участие в боях в небе Кореи майор Иванов был награждён двумя орденами Красного Знамени.

Представлялся Лев Николаевич и на звание Героя Советского Союза, об этом пишет в своих *Воспоминаниях* и Евгений Георгиевич

Пепеляев: «Знаю, что командир 324-й истребительной дивизии, в которой я воевал, трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб представлял меня к званию дважды Героя Советского Союза и 6 летчиков-асов моего полка к званию Герой Советского Союза: Алексея Митусова, Бориса Бокача, Владимира Алфеева, Ивана Заплавнева, Льва Иванова, Бориса Абакумова. Эти лётчики сбили по 7–8 американских самолётов, а некоторые из них и по 2–3 немецких самолёта в Отечественную войну. По прибытии из Кореи 324-ю авиадивизию передали из ВВС в состав ПВО страны. Начальство ПВО, защищая свои амбиции, все эти документы положило под сукно, где они и лежат до сих пор».

В заключение рассказа о Лье Николаевиче Иванове нельзя не упомянуть и о веселом характере этого человека, который помогал ему и его товарищам переносить все тяготы той войны. Лучше всех о своем боевом товарище сказал Борис Сергеевич Абакумов: «У нас были свои заводилы, которые имеются в каждом коллективе. Таким заводилой был у нас Лев Иванов, остроумный, симпатичный товарищ. У него было много разных прибауток, сказанных вовремя и к месту. Если собирались в кружок, где были Володя Иштокин, Лев Иванов и Володя Алфеев, то, считай, уйдёшь оттуда, уставший от смеха. И не случайно они все любили играть в шахматы. Надо же, в конце концов, и «серьёзно подумать», сделать передышку в весёлом своём настроении. Да и там игра часто приобретала весёлый характер, если в этом участвовал Алексей Иванович Митусов, тоже представленный к званию Героя Советского Союза и тоже это представление не было утверждено. Он играл в шахматы в любое свободное от полетов время и часто подшучивал над партнёрами. А ведущим партнером у него почти всегда был Лев Иванов».

ГАВРИЛЕНКО МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ (22.01.1924, г. Копейск, Челябинская обл. — 19.06.2008, г. Челябинск).

Русский. Член ВЛКСМ. Образование: 7 классов. Гражданская специальность: слесарь. Старшина. Полковник. Призван в армию 15.06.1942 г. через Челябинский ОК ВЛКСМ ушел в партизаны Воинские части, в которых служил: Центральный фронт 4 гвардейский кавалерийский полк 2 гвардейской кавалерийской дивизии 208 фронтовой запасной стрелковый полк госпиталь для легкораненых 33, 1 гвардейский кавалерийский корпус. Дата окончания службы: 03.01.1969.

Награды: орден Отечественной войны I ст. (06.04.1985), медали «За отвагу» (17.03.1943), «За победу над Германией в Великой От-

еественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За боевые заслуги» (20.04.1953).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1944 г. (до 23.08.1944).

Источник информации: ЦАМО. Фонд 8504. Опись 303238. Дело 65.

Воспоминания

(Энциклопедия Челябинской области)

Гавриленко Михаил Семенович (р. 22.01.1924, Копейск), участник партизанского движения в Великой Отечественной войне, полковник. С 1936 жил в пос. Шершни. Работал слесарем-сборщиком в фюзеляжном цехе Шершневской авиаремонтной мастерской (с 1938), наладчиком станков чел. завода «Штамп» (с 1940), производившего с 1941 для фронта ручные гранаты Ф-1 и РДГ-33. Одновременно занимался спортом, изучал воен. дело в кружке Осоавиахима. Обратился в райком ВЛКСМ с просьбой направить на фронт добровольцем. В 1942 по комсомольской путевке учился в Московской партизанской спецшколе НКВД, по окончании которой получил специальность «диверсант-подрывник». С группой партизан в сентябре 1942 заброшен в тыл противника, действовал в составе 2-й бригады партизанского отряда «Народные мстители» на Смоленщине. Участвовал в нападении на вражеские гарнизоны, в ликвидации комендатур, 4 железнодорожных эшелонов с военной техникой и живой силой противника. За проявленные в боях смелость и большую физическую силу получил прозвище Медведь. С февраля 1943 служил в отдельном лыжном разведывательном батальоне 29-й гвардейской дивизии. В звании старшего сержанта участвовал в освобождении г. Гжатска Смоленской обл. В районе Вязьмы в критический момент сражения взял руководство боем на себя, был ранен. С мая 1943 помощник командира взвода кавалерийского полка; участвовал в Курской битве (1943), в боях за освобождение гг. Киев, Житомир, Луцк. 22 марта 1944 под г. Броды (Львовская обл., Укр. ССР) был тяжело ранен и отправлен в тыл. Проходил курс лечения в Челябинском госпитале 1721. Окончил Тамбовское Краснознаменное кавалерийское училище им. 1-й Конной армии (1946), Командные курсы при 1-й танковой армии в Дрездене (Германия, 1946), Высшие офицерские курсы «Выстрел» в Солнечногорске (Моск. обл., 1963). Командир мотострелкового полка (1969) в Новосибирске. После увольнения в запас работал инженером по эксплуатации зданий библиотеки Академгородка в Новосибирске (1988). С 1992 в Челябинске: председатель комитета ветеранов войны и военной службы Курчатковского района, член Челябинского областного комитета ве-

теранов войны и военной службы. Участник парада на Красной площади, посвященного 55-летию Победы (2000). Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Славы 3-й степ., медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2002), 2 медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги» и др.

ГРИНЕВИЧ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ (10.03.1919, г. Дзержинск, Дзержинский р-н, Минская обл., Белорусская ССР — 12.07.2006).

Белорус. Член ВКП/б. Майор. Призван в армию в 10.1939 г. Бобруйским РВК (Могилевская обл., Белорусская ССР), на фронте с 22.06.1941. Воинские части, в которых служил: 227 отдельный танковый полк, 1199 самоходно-артиллерийский полк, 44 стрелковый корпус, 10 гвардейская армия, 141 ремонтно-восстановительный батальон, 45 танковый полк 23 танковой дивизии. Участвовал в освободительном походе в Прибалтику (1940). Дата окончания службы: 08.07.1947 г.

Награды: ордена Отечественной войны II ст. (23.06.1944), Отечественной войны II ст. (03.11.1944), Отечественной войны I ст. (06.04.1985), медали «За отвагу» (06.02.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За освобождение Варшавы».

Находился на лечении (тяжелое ранение в правую ногу) в ЭГ 1721 с 01.1945 г. до 08.07.1945. Судьба: выбыл в запас. Инвалид Отечественной войны 2 гр. После войны работал 5 лет главным инженером, 10 лет директором хлебокомбината, 23 года начальником отдела облпотребсоюза, 2 года старшим инспектором потребсоюза.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 103-34.

Воспоминания

(Тихонова, Полина Евгеньевна. Мой дедушка П. С. Гриневич/ П. Е. Тихонова)

Мой дедушка Гриневич Павел Степанович в 1939 г. стал танкистом. Участвовал в освобождении Прибалтики. Двадцать вторая танковая бригада задержалась под Калининградом и боем встретила немцев в первый день войны. Затем было отступление, трехлетний незабываемый плацдарм под Старой Руссой и движение с боями вперед. За спасение документов и Боевого знамени представлен к ордену. Множество орденов и медалей, в т. ч. ордена Отечественной войны двух степеней, медаль «За отвагу».

«В госпитале 1721 все были окружены одинаковым вниманием и заботой. Навещали нас военнослужащие, жители города и близлежащих поселков. Я был лежачим больным. Самым памятным был день, вернее, ночь 8 мая 1945 г., когда к нам в нателном белье вбежал комиссар госпиталя и объявил, что война закончилась нашей великой Победой. Все мы плакали от радости, и незаметно прошла эта на всю жизнь запомнившаяся ночь.

Хочется быть уверенным, что, как и мы не забыли ни одного боевого товарища, погибшего рядом с нами в тяжелые годы войны, чтобы и Вы не забывали нас, калек и ветеранов войны, когда нас не будет, чтобы Вы о нас помнили и приняли нашу эстафету в свои руки».

ГУДАКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (р. 05.06.1922, Крюковка, Лукояновский р-н, Горьковская обл.).

Русский. Беспартийный. Ст. лейтенант. Призван в армию в 1940 г, на фронт с 01.1943 г. Лукояновским РВК (Горьковская обл.). Военские части, в которых служил: 59 тп 29 тд.

Награды: ордена Красной Звезды (30.05.1951), Отечественной войны I ст. (06.04.1985), медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945). Ранен 06.07.1943 г. Инвалид Отечественной войны 2 гр.

Находился на лечении (ампутация левой ноги) в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 11.11.1943).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: ЭГ 1721-400129.

Воспоминания

(Гудаков И. История солдата // Бессмертный полк)

Иван Михайлович Гудаков родился 05 июня 1922 г. в селе Крюковка Лукояновского района Горьковской области в простой крестьянской семье, где отец и мать даже не знали грамоты. Тяга к знаниям не давала покоя мальчику с ранних лет, и он самостоятельно освоил грамоту. В возрасте 14 лет он поступил учиться в Лукояновский ветеринарный техникум, который закончил с отличием, и его пригласили как активиста, комсомольца работать в райком комсомола города Лукоянова. Проработал он всего год, и его по комсомольско-молодежной путевке направили поступать учиться в высшее танковое училище в г. Пушкин около г. Ленинграда. Дедушка благополучно поступает, учится — и вот уже готов приме-

рить лейтенантские погоны, в ожидании 22 июня 1941 г. Это день выпуска! Но увы... Погоны примерил, а вот диплом об окончании, сказали, вручат после войны, ведь она ожидалась недолгой.

Училище эвакуируют в г. Рыбинск. В конце 1941 г., когда немцы стояли уже у стен Ленинграда, отец получает боевую бригаду танков и направляется на оборону Ленинграда. Танки получал в г. Горьком, на станции Варя, в 150 километрах от родного дома, но военное положение не позволило отлучиться на встречу с матерью. Пунктом обороны был город Ломоносов, Воронья гора, Пулковские высоты, то есть юг Ленинграда. Приближалась блокада Ленинграда. Бои были ожесточенные, суровая зима, но был приказ: «Держать оборону любой ценой!». Ставка главнокомандующего усиливает оборонные действия на Ленинградском фронте, и в середине 1942 г. танковую бригаду, которой командовал отец, передислоцируют на южное направление, где шли ожесточенные бои в районе Харькова, Белгорода. Наступления держали до рокового сражения под Прохоровкой до 5 июля 1943 г. Сражение началось в 4 часа утра и длилось до темноты.

Это было сражение техники, стороны должны были показать техническую мощь своей страны. Утром 6 июля сражение началось с новой силой. В этот роковой день был подбит дедушкин танк. Как командир экипажа он вытащил всех из горящего танка, а сам оказался ранен в обе ноги. Раненого, его доставили в ближайший медсанбат, но положение было серьезное: жара, недостаток медикаментов и медперсонала спровоцировали гангрену одной ноги и дедушку срочно вывозят в г. Златоуст, на Урал, везя в очередной раз мимо дома.

Год провалялся в госпитале. 22-летний парень остался без одной ноги, а вторая вся в шрамах от осколков, которые навсегда остались в его теле, и с ними он потом умер. Вот так закончился боевой путь моего дедушки. Победу встретил дома, в родном селе. Он награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и всеми юбилейными медалями. После войны учительствовал, женился, а потом все-таки военное дело взяло верх, и он был назначен начальником военно-учетного стола при районном военном комиссариате г. Лукоянова.

ГУЖАВИН АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ (01.09.1923, с. Гужавино, Параньгинский р-н, Марийская АССР — 01.08.2013).

Мл. лейтенант. Полковник в отставке. Призван в армию в 03.1942 г., направлен в Ленинградское пехотное училище. Воин-

ские части, в которых служил: 59 особ 9А. Дата окончания службы: 04.06.1946 г.

Награды: ордена Красной Звезды (24.09.1966), Отечественной войны II ст. (06.04.1985), медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1944 г. (до 26.08.1944).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 060-25.

Воспоминания

(«Научный полк»: боевой путь ректора Гужавина)

С 1967 г. Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт возглавил кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны Анатолий Иванович Гужавин. К этому времени первый ректор КГПИ Андрей Михайлович Лосев был отозван с Дальнего Востока на Урал, где возглавил Оренбургский педагогический институт, а на его место Министерством просвещения назначен Анатолий Иванович. В должности ректора КГПИ он проработал три года (с 1967 по 1970 год), стал доцентом.

Анатолий Иванович родился в 1923 г. в деревне Гужавино (Параньгинский район Марийской АССР). В 1940 г. поступил на физико-математический факультет Ульяновского государственного педагогического института. В 1946 г. продолжил учебу на историческом факультете Ульяновского педагогического института, который окончил в 1950 г.

Анатолий Иванович начал службу в марте 1942 г. в 59 особой стрелковой бригаде 9-й армии. В звании младшего лейтенанта Анатолий Иванович попал на фронт в подразделение минометчиков. Под первый в своей жизни обстрел он угодил еще по дороге из Астрахани в Махачкалу. Бои на Кавказском фронте шли тяжелые. И уже через несколько дней боев он заменил погибшего командира минометного расчета.

В декабре 1943 г. Анатолий Иванович участвовал в боях по ликвидации Херсонского плацдарма. В апреле 1944 г. последовало новое назначение. Вместе со своей частью командир штурмового взвода Анатолий Иванович Гужавин оказался на Перекопе — самом узком месте крымского перешейка, который немцы основательно укрепили. Готовилось сражение за Крым.

В сражении за освобождение Крыма 8 апреля Анатолий Иванович был ранен. С поля боя его вынес ординарец Григорий Доранский, уроженец Курска. Три километра нес он своего командира. С тех пор, по *Воспоминаниям* дочери Татьяны, в семье Гужавиных 8 апреля праздновался, как второй день рождения отца. 4 июня 1946 г. Анатолий Иванович был демобилизован. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Кавказа», орденом Красного знамени, Отечественной войны II степени.

Началось новое время — время мирного труда и восстановления хозяйства страны после войны. Как пишет Татьяна Анатольевна: «После окончания войны и демобилизации мой отец был на комсомольской работе, возглавлял в Ульяновске областную организацию общества «Знание», преподавал в Ульяновском пединституте, затем был ректором пединститута в Комсомольске-на-Амуре. В 1970 году вместе с семьей переехал в Череповец, где до 1986 года был заведующим кафедрой общественных дисциплин в пединституте. Ушел из жизни 1 августа 2013 года, не дожив до своего 90-летия один месяц».

Интересный факт, что преподавательская и научная деятельность не прервалась на Анатолии Ивановиче. Увлеченность наукой передалась его дочери. И это вполне объяснимо, ведь Татьяна Анатольевна — представитель известной в Череповце учительской династии Гужавиных. Она пошла по стопам своих отца и матери. Окончила исторический факультет Вологодского государственного педагогического института по специальности учитель истории, обществознания и английского языка, затем — аспирантуру при Московском государственном педагогическом институте. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-философские основания гражданского общества (общетеоретические подходы и региональная практика)». В настоящее время Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФБГОУ «Череповецкий государственный университет», ведущий научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований **РАН**.

(История солдата // Бессмертный полк)

В моей семье на войне были дедушка Александр Петрович Михайлов — мамин отец, мой отец — Анатолий Иванович Гужавин, двое моих дядюшек — Григорий Иванович и Фёдор Иванович. Все остались живы, все вернулись домой. Мой дед, Александр Петрович Михайлов, встретил Победу в Венгрии. Мой дядя, старший брат мо-

его отца, Фёдор Иванович Гужавин, встретил день Победы в Праге. Он воевал в танковых войсках и освобождал Чехословакию. Второй дядя, Григорий Иванович Гужавин, попал в плен в 1941 году, бежал и воевал до Победы в партизанском отряде в Белоруссии. Свой день Победы встречал в Минске. И, наконец, мой отец Анатолий Иванович Гужавин 9 мая встречал в госпитале в Челябинске, где лечился после ранения, полученного во время штурма Перекопа при освобождении Крыма в апреле 1944 г.

По этим географическим точкам можно увидеть масштабы вовлеченности и населения, и территорий в события Второй мировой. В звании младшего лейтенанта Анатолий Гужавин попал на фронт в подразделение минометчиков. Под первый в своей жизни обстрел он угодил ещё по дороге из Астрахани в Махачкалу. Но все обошлось благополучно. Бои на Кавказском фронте шли тяжёлые. И уже через несколько дней боев он заменил погибшего командира миномётного расчета.

Дороги войны не давали засидеться на одном месте. В декабре 1943 г. Анатолий Иванович участвовал в боях по ликвидации Херсонского плацдарма. Пришло переломное время, и мы возвращали назад свои земли. В апреле 1944 г. последовало новое назначение. Вместе со своей частью командир штурмового взвода Анатолий Иванович Гужавин оказался на Перекопе. Готовилось сражение за Крым. Перекоп — самое узкое место на крымском перешейке. Немцы укрепили его основательно. В сражении за освобождение Крыма 8 апреля Анатолий Иванович был ранен. С поля боя его вынес ординарец Гриша Доранский, уроженец Курска. Три километра нёс он своего командира, он спас моего отца. Низкий поклон ему за это. Потом их связь потерялась. Но с тех пор 8 апреля в моей семье праздновался как второй день рождения моего отца.

Крым — знаковое место для нашей семьи. Там был ранен мой отец, там живёт мой двоюродный брат с семьёй, живут мои племянники. И все мы были очень рады возвращению Крыма. Если бы Анатолий Иванович был жив, мы бы отметили ещё раз с ним это событие.

В 1946 г. он был демобилизован. Началось новое время — время мирного труда и восстановления хозяйства страны после войны. После окончания войны и демобилизации мой отец был на комсомольской работе, возглавлял в Ульяновске областную организацию общества «Знание», преподавал в Ульяновском пединституте, затем был ректором пединститута в Комсомольске-на-Амуре. В 1970 г. вместе с семьёй переехал в Череповец, где до 1986 г. был заведующим кафедрой общественных дисциплин в пединституте. Ушел из жизни 1 августа 2013 г., не дожив до своего 90-летия один месяц.

Задумываясь о том, что довелось пережить нашим дедам, нашим отцам, понимаешь, каким непростым был их жизненный путь. Как и не простой была и остается история нашей страны. Но невозможно оторвать себя от этой истории. Ведь здесь и могилы наших предков. И здесь память о них. Здесь все то, с чего начинается Родина: «с той песни, что пела нам мать, с заветной скамьи у ворот, и с того, что у нас не отнять». Это наша святая обязанность сохранять память о наших отцах, отдавших многое за то, чтобы сберечь для нас нашу страну, чтобы мы могли сказать: «Да, вот она, моя страна, моя Россия».

ВАХРУШЕВ ФЕОКТИСТ СТЕПАНОВИЧ (р. 1905, д. Монаково, Галичский р-н, Костромская обл.).

Русский. Член ВКП/б. Красноармеец. Призван в армию 27.10.1941 г. Галичским РВК (Костромская обл.). Воинские части, в которых служил: 210 сп 82 сд.

Награды: орден Отечественной войны I ст. (06.11.1947). Ранен 15.03.1943 г. Работал счетоводом колхоза «Раздолье».

Находился на лечении (ампутированы обе ноги в нижней трети) в ЭГ 1721 в 1944 г. (до 04.02.1944).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 037-23.

Воспоминания

(Вахрушев, Макар (правнук героя). Посвящается моему прадеду Вахрушеву Феоктисту Степановичу)

Рассвет. А потом летний зной.
А у кого-то был выпускной.
В траве кузнечики стрекочут,
Еще не высохла роса.
И вот тогда на нашу землю,
Пришла беда, пришла война.
Мой прадед не учился на военного,
В войска НКВД попал.
Как птицу выпустил из рук,
Знакомьтесь — новый политрук.
По фронтам людей бросала
Жизнь военная тогда.
И судьба их фронтовая
В Харьков деда завела.

Бой был жуткий, пекло было,
Деду нашему хватило.
Рядом мину разорвало,
Обе ноги оторвало.
Стиснув зубы, с кулака,
Отогнал он смерть тогда.
На чердак залез без ног,
И забился в угол.
Сам тогда еще не знал,
Что он в Харькове пропал.
Похоронку отослали, и его уж не искали.
Город долго осаждали,
Защищали, да бросали,
И смешалось все вокруг,
Где тут наши, где не наши,
Доктора не разберут.
Сколько так лежал, не помнит,
Ног не чуя, пил мочу он.
Его две женщины нашли,
К немцам в госпиталь снесли.
А дома ни весточки, ни письма
Не получала семья.
Видно, подкралась беда,
Похоронка на деда пришла.
Мой прадед много пережил,
Немецкий врач его лечил.
Он видел войну, но духом не пал.
Он Родину нашу, как мать, защищал!
В 44-м — Ура! Закончилась для деда война.
Пусть без ног, но всё ж живой,
Он с войны пришел домой.

АЛИМОВА АНТОНИНА ФЕДОРОВНА (р. 10.11.1924, с. Березичи. Козельский р-н, Калужская обл.).

Русская. Член ВКП/б с 1948 г. Сержант. Санинструктор. Призвана в армию в 06.1942 г. Воинские части, в которых служила: 75 ос. стал. бр.

Награды: орден Отечественной войны II ст. (30.05.1951), медали «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ранена 12.12.1942 г. Инвалид Отечественной войны 3 гр.

Находилась на лечении (ампутация правой голени) в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 08.09.1943). Судьба: выбыла в институт протезирования (г. Омск).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений: Номер ящика: 007-33_Алимов Тура — Алимбаев Турусбе.

Воспоминания

(Лапуценко А. В. Испытание Великой Отечественной войной: героический подвиг А. Ф. Алимовой / Музей истории ОмГМУ)

В первые тяжелые годы Великой Отечественной войны наша страна мобилизовала все материальные и человеческие ресурсы для достижения великой цели — Победы над захватчиками. Молодежь, воспитанная комсомолом, с особым высоким патриотизмом откликнулась на всеобщую мобилизацию. Райкомы стали формировать добровольческие отряды комсомольцев. Молодое поколение студентов-медиков встало в авангарде всех событий. Антонина Федоровна Алимова, семнадцатилетняя студентка первого курса Омского государственного медицинского института, была среди них. Она прошла отбор среди студентов-медиков 11 июля 1942 г. на открытом комсомольском собрании. После этого Антонина была рекомендована к зачислению в отдельную 75-ю гвардейскую стрелковую бригаду 17 июля этого же года вместе с Е. Виноградовой, Т. Закоркиной, Е. Шнайдер и М. П. Кукса. Санинструктор четвертого стрелкового батальона, Антонина Федоровна стала одной из участниц кровопролитных боев на Калининском фронте.

Много слез пролила Тоня, вспоминая «Долину смерти» около города Белый, где пало в бою 80 % личного состава 75-й дивизии. Очень тяжело вспоминала стоны раненых, которых приходилось выносить с поля сражения и днем, и ночью, а иногда и круглые сутки. Все же испытание войной закалило боевой дух молодой девушки. Более 30 жизней спасла Антонина. Ей пришлось научиться совершать героические подвиги: спасать под огнеметным обстрелом жизни раненых солдат, проявлять стойкость, отвагу и бесстрашие. Несмотря на все тяготы и ужасы войны, Антонина проявляла жизнелюбие и оптимизм, была светлой и творческой натурой. В отряде фронтовые друзья прозвали озорную девушку Антонину «маленькая тоненькая запевала».

К сожалению, в бою за деревню Цицино А. Ф. Алимова получила тяжелое ранение. Перенесла пять операций и ампутацию

ноги. Превозмогая бесконечные боли от долго заживающих ран, Антонина Федоровна держалась за жизнь и свое счастливое будущее. Пришлось эвакуироваться по госпиталям в разных городах нашей страны для восстановления утраченного здоровья. Так она оказалась впоследствии в Омском военном госпитале после череды городов.

И наконец-то после долгих мытарств Антонина вернулась домой. Примерно через четыре месяца после выписки из Омского военного госпиталя (с февраля 1944 г.) она вновь студентка второго курса Омского мединститута.

Вскоре после окончания ОГМИ (1947) училась в клинической ординатуре и аспирантуре при кафедре детских болезней. С 1953 года жизнь Антонины Федоровны — это научная и преподавательская деятельность на кафедре пропедевтики детских болезней с юными студентами-медиками, которые вновь и вновь заполняли учебные помещения. Ее жизнь была наполнена великим смыслом — передать свое мастерство врача молодому любознательному поколению. Ведь по зову своего сердца Алимова Антонина Федоровна стала педиатром в мирное послевоенное время и профессионалом своего дела.

За боевые заслуги она награждена орденом Отечественной войны II степени и пятью медалями. Все награды ценны и трогательны, особенно медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Уникальный момент в жизни Антонины Федоровны состоял в том, что фронтовые товарищи считали ее погибшей в сражении. Однажды по случаю празднования очередного юбилейного Дня Победы 5 мая 1967 г. ветераны Великой Отечественной войны встретились в городе Омске. Не передать словами радость встречи друзей-фронтовиков, как говорится, со слезами на глазах... Ура! Антонина жива, а значит, жизнь продолжается, и впереди только светлое будущее и тесное дружеское общение однополчан. И в тот особенный памятный день отставной полковник А. Ширяев рядом с другими наградами прикрепил А. Ф. Алимовой значок в честь 25-летия разгрома немецких войск под Москвой.

АНИСИМОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (10.01.1908 — 02.02.1971).

Родился дер. Большеприютная Петуховского р-на Курганской области. Передовой рабочий. Первостроитель ЧТЗ (1930–1932). Участник Великой Отечественной войны (1942–1944). Танкоградец (1944–1945).

Трудовую деятельность начал на строительстве ЧТЗ в 1930, затем служил в РККА (1932–1933), работал на Южно-Уральской железной дороге (1933–1942).

В 1942 призван в армию и в боях под Сталинградом был тяжело ранен, долго лечился в госпиталях, а в 1944 стал работать диспетчером в Управлении рабочего снабжения ЧТЗ. С 1945 по 1952 работал заведующим магазином Трактороторга. В 1952 перешел на ЧТЗ, где проработал до 1971 слесарем. Помогал станочникам изготавливать детали для тракторных двигателей, участвовал в ремонте оборудования, стал рабочим широкого профиля. Внес вклад в производство тракторов С-80, С-100, Т-100М, Т-100МЗ и Т-130. Активно участвовал в общественной жизни цеха. Был хорошим организатором, много и охотно занимался с молодыми рабочими, помогая им осваивать профессию. Своими силами построил красивый дом для своей семьи. По личной инициативе и при содействии соседей достал на заводе трубы и трактор и провел водопровод по улице в рабочем поселке. Награжден медалями «За оборону Сталинграда» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1947).

АХМЕДОВ ХАМЕД (р. 1907, п. Кислотная, Молотовская обл.).

Татарин. Образование: 5 классов. Сержант. Призван в армию в 1941 г. Орджоникидзевским РВК Воинские части, в которых служил: 3 тк.

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 22.11.1943). Судьба: выбыл домой.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: ЭГ 1721-400129.

Воспоминания

(Сын Родины / записано со слов Х. Ахмедова полковником Водлажским в ЭГ 1721).

Из расчета нас осталось трое и все раненые, отбиваться от окружавшего нас численно превосходящего противника было невозможно. Кольцо наседавших немцев сжималось. Истекая кровью, я потерял сознание. Очнулся от толчка о землю дна оврага. Мелькают серо-зеленые фигуры, видимо, командный пункт. Подошел офицер с двумя солдатами. Тонкие длинные ноги, туго перетянут поясом, голова на высокой шее, прыщеватое лицо со вздернутым носом — напоминал мне петуха.

— Какая ч-а-а-сть? Где стоят? — картавя и вибрируя голосом, начиная писком и кончая низким надтреснутым басом.

Я молчал, делая вид, будто плохо знаю русский язык.

— Ну, отвечай! Пистро! — и глаза делал при этом то широкие, то узкие.

Я смотрел на него, пожимая плечами. Тонкими сделал губы и, сощутив глаза, ударил меня в лицо длинным и острым кулаком, потом затопал ногами, выкручивая руками какие-то вензеля в воздухе, отрываясь при этом от земли, засеменил к землянке, махнув на ходу солдатам, платком вытирая пот.

Меня потащили и бросили в яму, закрытую досками. Открыл глаза, зайчик играл у меня на лице, наверное, было утро. Я почувствовал необыкновенную легкость, и будто я лечу, лечу... Сделав взмах руками, я почувствовал острую боль во всех суставах, издал глухой стон. Осмотрелся — подо мной мокрая солома, в стороне лежал рядовой Будило из моего расчета с разорванным ртом, выколотым глазом и с рукой без пальцев, покоившейся на животе. Он был холодный. Выступил липкий пот. Сухим языком провел по колючим губам, хотелось пить. Я дрожал от холода.

Меня вытащили наверх. Подошел на тонких ногах. Рот растянулся до ушей, острый взгляд в пенсне, руки за спиной, расставил широко локти и еще шире сапоги.

— Путешь говорить? — смешался писк и бас. — Ну! Не-е-т, ты путешь рассказывайт! — шатая коленом, щелкнув пальцем, приподнял козырек, отошел в сторону, что-то сказал своим.

— Ни-и-и-ичего я тебе не скажу, куриная твоя голова, — решил я. Меня взяли и потащили за руки, от боли я закусил губу до крови, оставили в тени, недалеко я заметил броневик.

— Ну- у- у- у! Ховори, а то капут! — и высоко поднял брови.

Я смотрел на него и хотелось плюнуть в его прыщи, но нечем было, а резко качнуть головой набралось силы.

Горизонтальная линия мелькнула от перстня на пальце и головой мотнул в мою сторону.

... хворост затрещал возле меня, запах бензина, тепла...

Вокруг русский говор. Наши пришли!.. Я почувствовал теплое и сладкое во рту...

— Перелом ключицы, повреждение тазовых костей и органов, — ставил диагноз врач. Глубоко вздохнув, опустил очки со лба и пристально посмотрел мне в глаза. — Будет жить, — произнес он.

СКВОРЦОВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (р. 10.12.1915, д. Бесходарное, Воскресенский р-н, Горьковская обл. — 20.02.1991).

Русский. Беспартийный. Образование: 5 классов. Гражданская специальность: бригадир в колхозе. Старшина. Призван в армию 12.04.1942 г. Воскресенским РВК (Горьковская обл.). Воинские части, в которых служил: (между 01.10.1942 и 30.10.1942) 92 запасной стрелковый полк 13 запасной стрелковой дивизии, 18 батальон выздоравливающих, 92 запасной стрелковый полк (06.10.1942) 13 запасная стрелковая бригада, 53 гвардейская танковая бригада 93 отдельный мотоциклетный батальон 1043 стрелковый полк 284 стрелковой дивизии (08.09.1943), 07921 Челябинский военно-пересыльный пункт, Челябинская обл., г. Челябинск.

Награды: ордена Красной Звезды (15.08.1944), Славы III ст. (14.05.1945), Отечественной войны I ст., Отечественной войны II ст., медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 08.09.1943).

Источник информации: ЦАМО. Челябинский ВПП. Опись 565126. Дело 46.

Воспоминания

(Скворцов Алексей (внук героя). Записи из проекта «Дорога Памяти»)

Григорий Алексеевич Скворцов родился 10 декабря 1915 года в деревне Бесходарное Воскресенского района Горьковской области в семье крестьянина. Детство у него было очень трудным и голодным. Окончил 5 классов сельской школы. Затем работа в колхозе, нужно было помогать поднимать 3 сестер и 2 братьев. Прошел обучение на тракториста.

Началась война. Дедушку призвали в армию в 1942 г. После окончания ускоренных курсов танкистов и присвоения звания ст. сержант направлен в действующие войска Орловского направления. 02.06.1942 г. был тяжело ранен, отправлен в госпиталь г. Котельнич. После лечения он снова вернулся на фронт. Затем был Южный фронт, 1 Украинский фронт, за это время дважды горел в танке. Порой спасало только «чудо» да слаженность экипажа. В ноябре 1942 г. снова ранение, полевой госпиталь, и снова в бой. 1 Белорусский фронт. Дедушка в звании гвардии старшина был командиром орудия Т-34, участвовал во взятии Берлина. Из его экипажа до Берлина дошли только двое, но об этом дедушка рас-

сказывал неохотно, было видно, что ему эти воспоминания даются очень тяжело.

В записной книжке, что прошла с ним путь от Сталинграда до Берлина, есть последняя запись: «Это мы победили немецкого зверя. И мы были в Германии и водрузили знамя Победы над Берлином». Закончилась война, и мой дедушка был демобилизован 20.03.1946 г.

Его боевой путь, пройденный от курсанта до гвардии старшины, отмечен знаками и наградами: «Отличный танкист», «Гвардия», орденами Отечественной войны I и II степени, «Красная звезда», «Славы III степени», медалью «За освобождение Варшавы», медаль «За взятие Берлина», медаль «За победу над Германией». А еще у него была трофейная гармонь, на которой он изредка играл, она была с ним там, в Берлине, и на ней он играл нашу, русскую «Катюшу».

Вернувшись домой, снова стал трактористом, поднимал родной колхоз. За отличный труд Родина наградила его орденом Ленина. Жена Анастасия, сын Николай, дочь Лидия, сын Александр — вот его мирная и счастливая семейная жизнь. Мой дедушка ушёл из жизни 20.02.1991 г., когда мне было 7 лет. Я запомнил дедушку добрым и весёлым, в его доме я сделал свои первые самостоятельные шаги (мы живем в Новоуральске, но каждый год с родителями я ездил к дедушке). Он брал меня с собой на рыбалку, где мы варили уху в его армейском котелке, катал верхом на лошади, во дворе я любил качаться на качелях, которые он сделал сам, каждый вечер мы с бабушкой обходили двор «закрывать запиринки (изгородь)». Дедушка на лошади сам пахал огород, а потом мы с ним (посадит меня верхом) отводили лошадь на конюшню. Он хорошо косил, ведь они с бабушкой держали корову и поросят, к нему вечерами приходили люди — кому косу отклепать, кому борону починить, никому не откажет, уважали его в деревне. А ещё у него была трофейная гармонь, на которой он изредка играл, она была с ним там, в Берлине, и на ней он играл нашу, русскую «Катюшу». Восстановить его боевой путь мне помогли рассказы моего отца и дедушкина красноармейская книжка. А в дни празднования Победы в войне мы достаём дедушкины награды, вспоминаем его рассказы и то время, что мы проводили с ним вместе. Жалко, вот недавно не стало и моей бабушки Насти, его верной спутницы жизни.

Мы все помним и любим нашего дедушку: он воспитал двух сыновей и дочь, у него 5 внуков и внук и ещё 3 правнучки и правнук. И сейчас обязанность нас, взрослых, рассказать им всю правду о Великой Отечественной войне, о героизме простых солдат и офицеров, отстоявших свободу и независимость нашей страны.

РАССАДНИКОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (1907, х. Вертячий, Городищенский р-н, Сталинградская обл. — 18.12.1991, Нижний Новгород).

Русский. Член ВЛКСМ. Член ВКП/б. Красноармеец. Призван в армию 09.07.1941 г. Иловлинским РВК (Сталинградская обл.). Военские части, в которых служил: 523 сп 794 сапп (09.03.1943) 239 армейский запасной стрелковый полк Лиховский СПП.

Находился на лечении (осколочное ранение правого локтевого сустава) в ЭГ 1722 с (11.1941–08.1942), 1721 (03.04.1942–21.04.1942). Судьба: не гожен.

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 131-36.

Воспоминания

(Болнова, Ирина Николаевна. История солдата // Бессмертный полк)

Мой дедушка, Василий Петрович Рассадников, родился в хуторе Вертячем Городищенского района Сталинградской обл. в 1907 г. Окончил в 1918 г. два класса начальной школы в хуторе Вертячий, получил гражданскую специальность шофер третьего класса. Перед войной его отец, донской казак Петр Алексеевич Рассадников, и мать, Рассадникова, в девичестве Макрида Степановна Авдеева, жили в хуторе Кислов. Они имели троих сыновей, одним из которых был мой дедушка. Петр Алексеевич был физически очень сильным человеком, работал кузнецом. По словам бабушки, мог взять быка за рога и пригнуть его к земле. Семья была трудолюбивая, в хозяйстве были лошади, быки и коровы.

До войны дедушка был колхозником. В 1941 г., когда началась война, дедушка был мобилизован Иловлинским РВК 09.07.1941 г. и зачислен в 794 артиллерийский полк ездовым. В октябре 1941 г. полк был расформирован. С сентября по ноябрь 1941 г. служил стрелком в 523 стрелковом полку. 27 октября 1941 г. дедушка был тяжело ранен осколком мины в правую руку и находился на лечении в эвакогоспитале № 1721 с 3 марта 1942 г. по 21 апреля 1942 г. В военном билете присутствует запись «эвакогоспиталь № 1722» на излечении с ноября 1941 по август 1942 г. 6 марта 1942 г. была проведена операция: удаление инородного тела из правого плеча. После лечения был признан негодным к военной службе с переосвидетельствованием через 1 год. Дедушка вернулся в Сталинград, где зарегистрировался в Иловлинском райвоенкомате. Через год

18 апреля 1943 г. врачебная комиссия эвакупункта № 158 признала его годным к нестроевой службе. Дедушка был зачислен в третий запасной стрелковый полк стрелком, где воевал с августа 1942 по август 1943 г. Затем воевал в 52 военно-строительном отряде шофером с 12 августа 1943 г по ноябрь 1945 г.

Пока дедушка воевал на фронте, фашисты прорвались к Сталинграду, занимали хутора, жителей убивали и угоняли в Германию. В их дом в хуторе Кислов попал снаряд, где его мать Макрида Степановна пекла хлеб для наших бойцов. Осколок попал ей в грудь, и она погибла. Похоронили ее прямо в саду. Прадедушку, Петра Алексеевича, фашисты угнали в Германию, а моего папу (ему было 12 лет) с маленьким братом вместе с другими мирными жителями днем пешком гнали на запад, а на ночь запирали в сарай. Папа (Рассадников Николай Васильевич) рассказывал мне, как маленькая девочка утром плакала и ползала по телу мертвой матери, которая умерла ночью. Моему папе повезло: в одну из ночей их освободили наши солдаты. Возвращались вдвоем с маленьким братом, просили в уцелевших домах любую корочку хлеба. Воду пили из луж, но дошли. Есть было нечего, от голода опухали ноги. Рядом в хуторе Вертячий фашисты устроили лагерь советских военнопленных. После освобождения нашими войсками увидели зверства: у замученных бойцов были распороты животы, выколоты глаза, обрезаны уши и носы.

Хутор Кислов заняли немцы и румыны. Когда его освобождали, шли танковые бои, и хутор был полностью уничтожен. После войны люди там не стали селиться. После демобилизации дедушка вернулся на Дон, но дом построил в соседнем хуторе. Сегодня это хутор Донской Городищенского района Волгоградской области. Там он прожил всю оставшуюся жизнь.

После войны все восстанавливали страну, много работали, стране нужен был хлеб, и он уехал поднимать целину. В 1957 году был награжден медалью «За освоение целинных земель», а в 1958 г. постановлением Главного Комитета Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки был награжден «Малой серебряной медалью». Также в 1958 г. был награжден орденом Ленина. Позднее был награжден многими юбилейными медалями в связи с победой в войне. Умер дедушка 18 декабря 1991 г. в Нижнем Новгороде.

Был награжден орденом Отечественной войны 2 ст., медалью «За взятие Будапешта», медалью «За победу над Германией». После войны мой дедушка опять вернулся на Дон, где поднимал разрушенное после войны хозяйство. По зову Родины дедушка поехал на целину, где за героический труд в 1956 г. был награжден медалью

«За освоение целинных земель». Вернувшись в Сталинградскую область, в 1958 г. за доблестный труд был награжден орденом Ленина. Также был награжден Серебряной медалью ВДНХ. Вся наша семья гордится дедушкой, чтит его память и помнит о бессмертном подвиге.

МЕЛАМЕД САУЛ ИОНОВИЧ (29.11.1917, г. Проскуров, Проскуровский р-н, Каменец-Подольская обл., Украинская ССР — 11.1980, Витебск).

Еврей. Член ВКП/б. Капитан. Начальник химической службы полка. Призван в армию 07.07.1941 г. Ленинским РВК (г. Киев, Украинская ССР). Воинские части, в которых служил: 136 сбр.

Награды: орден Красной Звезды (06.11.1947), медаль: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945). Инвалид Отечественной войны 2 гр. **Работал ст. преподавателем химии в Челябинском механико-строительном институте.**

Находился на лечении (хронический остеоэмилит шейки левого бедра) в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 17.04.1943).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Офицерский состав. Картотека ранений. Номер ящика: 097-05.

Воспоминания

(Меламед Семен Саулович, сын героя)

Мой отец, Саул Ионович Меламед, родился в Проскурове 29 ноября 1917 года в бедной многодетной (шестеро детей) семье. Его отец до революции занимался перевозкой товаров, а после революции работал несколько лет шахтером на Донбассе. В 1937 году окончил школу в Проскурове и поступил на химический факультет Киевского университета. В 1941 г. отец закончил университет и получил назначение на суконную фабрику в Дунаевцы. Потом пришла война...

Уже после войны от соседей узнали, что деда Йойхена, моего дедушку, убили немцы во дворе его дома в первый же день оккупации. Он повздорил с ними из-за чего-то. Дом взорвали...

Уже 7 июля 1941 г. моего отца призвали в армию и, хотя в университете он получил военную специальность стрелка-радиста бомбардировщика, решили, что будет полезнее использовать его на фронте по его основной специальности химика. Поэтому его направили на ускоренный курс академии химической защиты. После окончания академии в июле 1942 года в звании лейтенанта он

направляется на Калининский фронт на должность начальника химической службы 1-го Курсантского батальона 136-й Курсантской бригады.

Прибыв на фронт, отец вступает в члены ВКП(б). Тогда же, в июле 1942 года, отец ранен и контужен, но после кратковременного лечения возвращается в строй, ему присваивается звание старшего лейтенанта. В ноябре 1942 г. он тяжело ранен, направляется на 4-месячное лечение в эвакогоспиталь и инвалидом II группы, на костылях, приезжает в мае 1943 г. в Челябинск, куда была эвакуирована моя мама. Хотя он был на фронте всего около 4-х месяцев, за это время он был награжден орденом Красной Звезды и медалями, которые хранятся у меня.

В сентябре 1943 г. мой отец начинает работать ассистентом кафедры химии Сталинградского механического института, который в то время был эвакуирован в Челябинск. В феврале 1944 года, после реэвакуации Сталинградского механического института, он начинает работать старшим преподавателем Челябинского механико-машиностроительного института.

В апреле 1944 г. родился я, Меламед Семен Саулович. В ноябре 1949 г. отец поступает в аспирантуру Уральского государственного университета и уезжает в Свердловск. В октябре 1950 г. отец успешно защитил диссертацию на тему «Периодатометрия — новый окислительный метод объемного анализа». При голосовании на ученом совете все 22 члена проголосовали «за». Результат его работы, а именно новый метод получения солей йодной кислоты, был успешно внедрен на Свердловском реактивном заводе. Тогда же, в октябре 1950 г., ВАК утвердил решение ученого совета, и отцу была присуждена ученая степень кандидата химических наук.

В сентябре 1951 г. отца избрали по конкурсу на должность старшего преподавателя в Сальских степях, в 70 километрах от Ростова, в поселке Зерновой (несколько километров до станции Верблюды), в институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Но читать не курс химии, а курс «топливо-смазочные материалы и вода».

Отцу быстро дали должность доцента. В июле 1954 г. отца избрали по конкурсу доцентом кафедры химии Куйбышевского инженерно-мелиоративного института. Институт был, по сути, в деревне, в 45 километрах от Куйбышева и примерно в 5 километрах от станции Советы.

В марте 1958 г. отца избрали доцентом кафедры химии нового Мордовского университета в городе Саранск, но у отца была мечта вернуться на Украину, на свою родину. И вот в 1963 г. такая воз-

мжность представилась — его избрали доцентом кафедры химии Винницкого пединститута.

Отца в Виннице, как и в других местах, очень уважали и любили студенты. В 1966 г. отца избрали заведующим кафедрой Витебского педагогического института, однако в 1968 году он вынужден был подать заявление и уйти с заведования кафедрой на должность доцента по состоянию здоровья.

А после тяжелой болезни и смерти мамы в сентябре 1979 г. он вынужден был подать заявление с просьбой перейти на полставки. К сожалению, в ноябре 1980 г. сердце его не выдержало, и он скончался в возрасте 63 лет. Похоронен в Витебске.

МОИСЕЕНКО ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ (17.09.1917, с. Суземка, Суземский р-н, Орловская обл. — 19.11.1979).

Партизан. Красноармеец.

Награды: орден Красного Знамени, медали «Партизану Отечественной войны» I ст., «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Находился на лечении в ЭГ 1721 в 1943 г. (до 03.12.1943). Судьба: комиссован (признан негодным к строевой).

Источник информации: филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Картотека ранений. Номер ящика: 174-01.

Воспоминания

(Горелова (Моисеенкова) Татьяна (дочь П. Г. Моисеевно))

Войну Петр Григорьевич Моисеенко встретил на самой германской границе под г. Каунас в составе 27 артиллерийского полка 11 армии, где проходил армейскую службу. После начала войны 22 июня 1941 г. армия оказалась в окружении и вынуждена была отступать. Шли ночью, а днем отдыхали. Артиллерийские орудия тащили на конной тяге. Вдоль колонны вспыхивали сигнальные ракеты диверсантов. Потом появлялись вражеские самолеты и бомбили. После каждого привала появлялись новые командиры, которых в глаза никто не видел (видимо, вражеские агенты). Так продолжалось несколько недель. Колонна отступающих становилась все меньше и меньше.

Подшли к станции Локня Псковской области. Расположились на привале. Командир послал Петра Моисеенко на правый фланг охранять колонну. Солдат взял пулемет и расположился в неболь-

шом овражке. Вскоре налетели немецкие самолеты. Это был настоящий ад. Отбомбившись, самолеты улетели. Моисеенко встал, стряхнул с шинели землю. Шинель была посечена осколками. Направился к расположению колонны, где увидел жуткую картину: орудия, лошади, люди — все разбито и разбросано. По всему полю чернели воронки от взрывов. Посоветавшись, решили пробираться к своим по занятой врагом территории.

Только к началу зимы дошли до Суземки. Область была оккупирована немцами, а в Суземке хозяйничали полицаи. Моисеенков подался к партизанам. В отряде «За власть Советов» Моисеенков проявил себя как отважный народный мститель. Умело управлялся с пулеметом: стрелял стоя, держа пулемет на весу. Товарищи прозвали его «человек с ружьем». Он принимал участие во всех операциях отряда, был командиром отделения. За боевые заслуги был назначен политруком отряда, здесь же его приняли в партию.

12.10.1942 г. в бою у с. Невдольск Моисеенков был ранен в обе ноги. Некоторое время пролежал в землянке, потом его доставили в с. Смолиж на партизанский аэродром. Прилетели три самолета. Подносят санитары его к первому, там лежащих не берем, во втором — нет мест. Кое-как расположили носилки с раненым в третьем самолете. При перелете через линию фронта первый самолет был сбит, второй пропал без вести, лишь третий самолет долетел до места.

Потом был военный госпиталь в г. Монино, где 11 месяцев пролежал в гипсе, перенес 7 операций. Кости на ногах не хотели срастаться. В это время приехал профессор из Москвы, который пообещал сохранить ногу. Последняя операция прошла удачно. Долечивался партизан в ЭГ 1721 в Челябинске. К моменту его возвращения Суземка уже была освобождена.

С декабря 1943 г. и до выхода на пенсию работал учителем математики, директором школы, заведующим районным отделом образования. Умер 19 ноября 1979 г. Сказались старые раны.

Поиск материалов о героях госпиталя 1721 продолжается.

11 ЛЕТ МУЗЕЙНОЙ АССОЦИАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ Г. ЧЕЛЯБИНСКА

Н. А. Алексеев

Главный врач металлургов (к 100-летию Ш. И. Шмайна)

27 ноября 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения заслуженному врачу Шулиму Иосифовичу Шмайну, главному врачу медсанчасти Челябинского металлургического завода с 1965 по 1988 год.

Он из семьи рабочих. В подростковом возрасте работал на заводе токарем. Мечтал стать врачом и стал им. В 1949 г. окончил Челябинский медицинский институт. В студенческие годы всегда был веселым, остроумным, добрым, несмотря на болезнь (туберкулез тазобедренного сустава).

После окончания института Шулима Иосифовича зачислили в клиническую ординатуру на кафедру профессора М. В. Бургсдорфа, который высоко ценил его клинические способности и эрудицию и возлагал на него большие надежды как на врача и ученого.

В 1955 г., после окончания ординатуры, несмотря на приглашение остаться в клинике, Шмайн уходит начмедом в медсанчасть Челябинского металлургического завода.

Здесь в течение 10 лет он работал первым заместителем по лечебной работе с опытными организаторами здравоохранения — заслуженным врачом РСФСР Н. С. Михеевой и О. В. Гарбуз.

Своей открытостью, высокой врачебной квалификацией, доброжелательностью он завоевал уважение и авторитет в коллективе больницы.

С 1965 г., в течение 23 лет Шулим Иосифович возглавлял медсанчасть ЧМЗ (ныне больница № 6). Это целая эпоха в жизни учреждения. При нем были построены заводская поликлиника, родильный корпус, хирургический корпус, пищеблок для больницы,

стоматологическая поликлиника, женская консультация, отделение реабилитации в Каштаке и многое другое.

Шулим Иосифович — постоянный участник совещаний у директора завода с начальниками цехов и руководителями служб, где он ставил вопросы проведения профилактических осмотров, диспансеризации, работы врачебно-инженерных бригад, работы 30 заводских фельдшерских здравпунктов, санатория-профилактория. Все это высоко оценивал коллектив завода.

В медсанчасти на 1200 коек работало 27 специализированных отделений, две поликлиники. Многие отделения стали клиническими базами Челябинского медицинского института. Уровень специализации в медсанчасти практически позволил не направлять для лечения и консультаций больных в другие лечебные учреждения.

Для решения проблем медсанчасти Шулим Иосифович обращался в Министерство здравоохранения РСФСР, Министерство черной металлургии, «Спецсталь» и другие инстанции.

Под его руководством был создан дружный, спаянный коллектив, который решал большие, сложные проблемы. На базе медсанчасти проводились школы по обмену опытом горздравотделом, облздравотделом, Министерством здравоохранения РСФСР.

Об уровне работы медсанчасти может свидетельствовать и тот факт, что многие ученики Ш. И. Шмайна стали крупными организаторами здравоохранения, руководителями лечебных учреждений, главными специалистами.

В 1971 г. Шмайн за успехи в развитии медсанчасти ЧМЗ был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, в 1980 г. удостоен звания «Заслуженный врач».

Шулим Иосифович был справедливым руководителем, высоко ценил добросовестность и профессионализм сотрудников, но был непримиримым к недисциплинированности, небрежности, разгильдяйству, и в этих случаях был требовательным, жестким руководителем.

Заботясь о здоровье других, Шулим Иосифович не смог сохранить свое здоровье. В 1967 г. он перенес первый инфаркт. Тяжело переживал смерть младшего сына, трагически погибшего в горах Киргизии. После чего последовала серия инфарктов, и в январе 1988 г. Шулим Иосифович умер. Хоронил его весь Металлургический район.

Коллектив больницы в знак глубокого уважения установил на административном корпусе больницы в память о своем главном враче мемориальную доску.

По материалам музея истории медицины.

Первый и единственный среди ювелиров

Леонид Федорович Устьянцев (01.01.1930, с. Багаряк, Каслинский район, Челябинская обл. — 01.02.2008, г. Екатеринбург) — советский и российский ювелир, народный художник Российской Федерации (2004).

Родился 1 января 1930 г. в селе Багаряк Каслинского района Челябинской области. В 1951 г. окончил Свердловское художественно-ремесленное училище № 42 и тогда же стал работать ювелиром-монтажником на Свердловской ювелирно-гранильной фабрике. В 1956 г. без отрыва от работы окончил Свердловское художественное училище имени И. Д. Шадра. С 1953 г. участвовал в выставках. В 1966 г. переехал в Смоленск, работал художником-ювелиром на Смоленской фабрике по производству бриллиантов, в этот период выполнял изделия для Алмазного фонда СССР. В 1969 г. вернулся в Свердловск и до 1979 г. работал на Свердловском ювелирном заводе. В 1979 г. перешел на творческую работу в Свердловский творческо-производственный комбинат при областном отделении Союза художников СССР. Автор серии гарнитуров из драгоценных металлов, драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, которые в настоящее время хранятся в Алмазном фонде, Оружейной палате, Государственном историческом музее, музее «Истории камнерезного и ювелирного искусства» г. Екатеринбурга и других музеях страны, и в частных коллекциях. Умер 1 февраля 2008 г. Похоронен на Широкореченском кладбище Екатеринбурга. Награды: Народный художник Российской Федерации (2004), Заслуженный художник РСФСР (1991).

Один из основателей уральской ювелирной школы. Именно его творчество в 1960-е открыло путь на международную арену уральским украшениям из цветного камня. Долгие годы Л. Ф. Устьянцев работал на Свердловском ювелирном заводе художником-ювелиром. Даже запущенные в массовое производство ювелирные украшения этого мастера были уникальны. Но самые необыкновенные вещи Леонид Федорович создал в своей мастерской. Его работы есть в музеях и частных коллекциях Италии, Франции, Великобритании, Германии, Чехословакии, Японии, Индии, Сингапура, Южной Кореи. Большую коллекцию его творений приобрел отечественный Алмазный фонд.

Жена, Анастасия Михайловна, была его музой, они были знакомы с начальной школы и прожили долгую жизнь. И кто знает, состоялся ли бы без нее великий мастер.

Камни интересовали Леонида Устьянцева с самого детства. Возможно, виной тому красота Уральских гор и речки Каменки или сказы Бажова, которыми зачитывался еще мальчишкой. Настоящая же страсть к камню пришла внезапно, когда 12-летний Леня встретил возвращающегося из леса знакомого охотника. На ладони у того поблескивала необычайной красоты друга горного хрусталя. С тех пор, словно замороженный, Леня Устьянцев будет искать самоцветы.

«Сколько им пройдено отвалов! — вспоминает Анастасия Михайловна. — Да и вместе мы с ним много чего нашли». В 1948-м они вместе приехали в Свердловск и поступили учиться: она — на фельдшера, он — в художественно-ремесленное училище, что на Нагорной, 12. Позже он закончит еще и училище им. Шадра. Надо сказать, Устьянцев был настоящим универсалом — прекрасно писал портреты, акварели, талантливо лепил. Но все же главным делом его жизни стали камни. В 1961 г. отправили на Всемирную выставку в Париж, где его брошь «Урал» из серебра и яшмы и кольцо «Каменный цветок» из серебра и аметиста завоевали Гран-при.

Леонид Устьянцев работал без устали. Он умел не только подчеркнуть природную красоту камня, но и обратить его порок — в достоинство. Однажды нашел кусочек малахита, сделал срез, сточил неровные края, отполировал, и... камень превратился в сову! Под таким названием этот кулон, выполненный в 1970-м, и вошел в каталоги. Круглая голова, крючковатый клюв, огромные глаза... В другом случае в кусочке малахита мастер увидел Богоматерь с младенцем. Природе пришлось «помогать»: компоновать пластинку, высчитывать, отрезать лишнее. Кольцо получило название «Мадонна». К малахиту, зеленому уральскому чуду, Леонид Федорович всегда относился с особым уважением. Равно как и к природе в целом. Однажды в поисках камней ювелир наткнулся на глубокую яму, заросшую травой. Спустился, зажег спичку и увидел в углу ямы — розы. Каменные. Восхищение природой отразилось в известном цикле цветов, вершина которого — гарнитур «Розы».

После поездки на Байкал, когда вместе с женой они наслаждались красотами озера, родился удивительный гарнитур с соответствующим названием из серебра, горного хрусталя и лазурита.

В 1966 г. как самому лучшему ювелиру России Леониду Устьянцеву предложили поехать в Смоленск и выполнить работу для Алмазного фонда. Его пустили в Гохран СССР, разрешили выбрать камни для своих изделий — огромные и прекрасные глыбы производили впечатление... Белое золото, бриллианты, изумруды, сапфиры. На Смоленской гранильной фабрике он сделал 15 великолепных работ, за что получил Государственную премию.

В тот год на Смоленскую фабрику как раз приехал с экскурсией Юрий Гагарин. Разве мог Устьянцев не показать первому космонавту свой гарнитур «Космос»? Колье, кольцо, серьги и мужская заколка для галстука. Белое золото, бриллианты. Ничего лишнего. «Видел я звезды на небе. Но ваши звездочки ничуть не хуже!» — промолвил Гагарин и с уважением пожал руку мастеру. «Эх, жаль, что тогда не принято было фотографировать, — сокрушается Анастасия Михайловна. — Какая была бы память!»

Говорят, одно из бриллиантовых украшений, созданных гениальным уральским мастером Устьянцевым, окольными путями вместо Алмазного фонда попало в руки Галины Брежневой. И каким-то чудом она ухитрилась его сломать. Как расстраивался из-за этого ювелир... Позже он уже с бриллиантами не работал — не позволяли глаза. Там нужно 100-процентное зрение, никаких очков.

В Смоленске супруги Устьянцевы прожили три года, им предлагали остаться или перебраться в Москву, но художник отказался, решив, что без уральских камней ему не прожить. В 1979 г. ювелирных дел мастер вернулся в Свердловск. И в 1980-х появляется целая серия этапных работ, многие из которых вошли в золотой фонд ювелирного искусства. Гарнитуры: «Первая любовь», «Колокольный звон», «Березка», «Анастасия» (в честь любимой Асенки!), «Поэма о камне», «Золотой волос» — просто расцвет творчества художника. В самих названиях его произведений слышится отзвук его талантливой, романтической и доброй натуры: «Облако», «Оттепель», «Огневушка-поскакушка», «Озеро любви», «Капель», «Снегурочка», даже «Зимний зверек»...

В 1990-х мастеру уральской ювелирной школы присвоили звание заслуженного художника России, а в 2004-м он стал народным художником России. Первый и единственный среди ювелиров.

Проработав 45 лет в больнице, Анастасия Михайловна ушла помогать мужу в мастерскую, которую ему к тому времени предоставили. Он очень много рисовал, буквально ночами создавал эскизы будущих произведений. Заказчики стояли в очередь. Двое внуков Устьянцевых продолжили династию — Александр Сергеевич Устьянцев (мой отец. — М. А. Устьянцева) и Иван Сергеевич Устьянцев. Выучились сначала в художественном училище, затем в Архитектурно-художественной академии, работали в дедовской мастерской на Пушкина, 9.

Музей глазами студентов: хроника одного проекта

В мае 2024 г., завершая обучение на первом курсе, студенты-музеологи ЧГИК отправились на трехдневную стажировку в Екатеринбургский государственный музей изобразительных искусств (далее ЕМИИ). Знакомство с отделами и филиалами музея, встречи с ведущими специалистами помогли углубиться в широкую проблематику деятельности художественного музея. Общение с опытными музейщиками и молодежным коллективом ЕМИИ открыло настоящее деловое закулисье музея, стало ценнейшим опытом приобщения к будущей профессии. Ежедневные записи, которые велись ВКонтакте ФДКТ, были в дальнейшем дополнены музеологическими эссе студентов. Архив материалов этой поездки предлагается в данной публикации.

28.05.2024. Первый день студенческой стажировки в ЕМИИ был активным и насыщенным. Со студентами работали научные кураторы коллекций и экспозиций Главного корпуса отечественного искусства на Плотинке. Именно здесь экспонируется знаменитый Каслинский павильон и коллекция уральского художественного литья, собрание уральской старообрядческой иконы, русская живопись, искусство авангарда, XX век и современность. Недавно музей осуществил проект «Пермское посольство» по включению в постоянную экспозицию картин Пермской картинной галереи, находящейся на реконструкции. Итогом изучения музейной коллекции фарфора стала выставка «От завода Гарднера до наших дней». Ведущие сотрудники музея щедро делились исследовательским опытом, нюансами организации экспозиций и работы с посетителями.

Еще один рабочий визит состоялся в Музей наивного искусства. Здесь собраны произведения непрофессиональных художников, многие из которых признаны шедеврами жанра. Для студентов был организован экспресс-показ новой выставки «Классики наивного искусства» на этапе монтажа. Личное общение с профессионалами позволило увидеть особенности музейных профессий, открыть уникальность художественной жизни города.

29.05.2024. Второй день рабочего визита в ЕМИИ был посвящен музейным технологиям. Первой локацией было новое здание реставрационно-хранительского корпуса. Здесь в залах фондохранилищ, обеспеченных современным оборудованием, идет не видная

посетителю работа с музейными предметами и коллекциями. Главный хранитель ЕМИИ А. В. Гринева познакомила с режимами транспортировки, хранения, документооборотом, обеспечивающим памятникам вечную музейную жизнь.

Реставрационный центр музея — целый комплекс лабораторий и мастерских, напоминающих хорошо организованное производство. Реставраторы графики, живописи, дерева, металла посвятили студентов в тонкости процессов и этапов расчистки и восстановления предметов; рассказали, как становятся реставраторами.

Встреча с директором ЕМИИ Н. Н. Корытиным в культурном центре «Эрмитаж-Урал» была посвящена животрепещущей теме «Город и музей в поисках себя». Путешествие по музею показало, как реализуются главные мифологемы позиционирования музея в культурной среде через метафору сохранения и особенности архитектурной реконструкции здания, через «вшитое» в экспозиции легендирование основных идей. Особое внимание в этом процессе было уделено методам сторителлинга. В том, как он работает, удалось убедиться на кураторских экскурсиях по выставкам А. Дюрера из собрания Эрмитажа и «Высота Карпова», **посвященной** создателю феноменального художественного музея в Ирбите.

30.05.2024. Последний день музейной стажировки прошел в Екатеринбургском Центре истории камнерезного дела им. А. К. Денисова-Уральского и Музее В. С. Высоцкого.

Ювелирное и камнерезное искусство в собрании ЕМИИ потрясло воображение. Коллекция позволяет проследить все его этапы со времени создания гранильной фабрики в середине XVIII в. до современных производств и фестивалей. Центр задуман как пространство приобщения к региональному бренду через тактильные впечатления и прикладные практики, здесь оборудованы мастерские, где студенты получили опыт обработки мягких пород камня на шлифовальном станке.

Музей Высоцкого — частная инициатива одного из екатеринбургских предпринимателей. Два этажа небоскреба «Высоцкий» в центре города занимает современная экспозиция, поражающая не только количеством мемориальных вещей, но и креативными методами подачи информации. Это умный, добрый, интеллигентный музей.

По музею с директором: «создаем будущее, анализируя прошлое»

У студентов возникает множество вопросов по поводу жизни музея, скрытой от глаз посетителей. Каковы принципы построения экспозиций? Откуда появляются музейные предметы? Как выглядят отделы фондохранения и протекают процессы реставрации? И, самое главное: какие современные проблемы и задачи стоят перед музейными учреждениями, какие новые функции они должны выполнять, чтобы посетители не только получали эстетическое наслаждение, наполненное глубоким смыслом, но и смогли повысить уровень своей эрудиции.

Об этом, и не только, мы узнали благодаря увлекательной поездке в г. Екатеринбург, где нам удалось пройти по залам Культурно-просветительского центра «Эрмитаж-Урал» с директором Никитой Николаевичем Корытиным, а затем и побеседовать с ним. В ходе обзорной экскурсии по центру были подняты фундаментальные вопросы роли и места музея в жизни региона, города, человека. Музей является особым пространством, которое обеспечивает сохранность самых ценных предметов. В ЕМИИ этот тезис подтверждается и концепцией архитектуры, и интерьеров, и экспозицией. Метафора сохранения поддерживается аутентичными материалами исторической основы здания: это кирпич, штукатурка. Инфраструктура — лифт, эскалаторы, туалеты — вынесены в пристрой и выполнены в современных материалах (стекло, металл, бетон).

В качестве одной из главных проблем организации пространства региональных музеев Никита Николаевич выделил отсутствие мест, где можно «перезагрузиться». Тезис о том, что музей — пространство сложной интеллектуальной работы и для лучшего усвоения информации, полученной в ходе экскурсии, посетителю необходимо сменить вид деятельности и переключить сознание, побудил к созданию атмосферных рекреационных зон, особенно привлекательных для молодежи.

История Центра «Эрмитаж-Урал» напрямую связана со спасением шедевров искусства в годы Великой Отечественной войны. Залы, посвященные эвакуации ценностей, размещаются в пространстве бывших кабинетов сотрудников Эрмитажа. Интерактивный экспонат — ящик для упаковки ценностей — здесь становится метафорой транспортировки. Благодаря образам-реконструкциям и аудиоматериалам посетитель может полностью погрузиться в атмосферу

того времени, прочувствовать эмоции и переживания тех, кто жил в то далёкое трудное время. Такое «эмоциональное закрепление» помогает надолго сохранить впечатление от визита в музей.

В беседе о перспективах работы ЕМИИ директор обозначил основные треки развития музея. Ряд тезисов особенно значим для понимания сути профессии. Каждый музей задаётся вопросами о том, кто он и для чего создан. Каждое учреждение имеет запрос не только на понимание своей сущности, но и на региональную идентичность — определение того, что представляло особую значимость для города и определяло его развитие. Каждый человек задаётся вопросами о своей идентичности, и именно музей помогает ему ответить на эти вопросы, ощутить тепло родного места, помочь осознать пространство вокруг себя.

История и достижения региона находят отражение в составе музейного собрания, все площадки ЕМИИ связаны с темой региональной идентичности. Урал — уникальный край, отличающийся от всех других уголков России. Здесь культура неразрывно связана с промышленностью. В уральские города активно съезжалась инженерная интеллигенция, которая сформировала новую гуманитарную потребность. Регион сыграл большую роль в сохранении общезначимого материального наследия. Уникальными являются чугунное литье, невянская икона, камнерезное искусство. Именно «Эрмитаж-Урал» смог «легендировать» историю через мифологемы «Екатеринбург спас Эрмитаж», «Город инженерных находок», «Ренессансная личность» (коллекционер — пионер текущего сохранения памятников), преподнести ее населению и воплотить в конкретном экспозиционном решении.

М. В. Компанеец, М. А. Сулемова, М. А. Яковлева **Сердце музея — отдел хранения и учета**

Хранители и реставраторы следят за жизнью предмета. Это не просто профессия, а образ жизни. Работая в закрытой части музея, они никому не видны, о них мало кто знает. Основная работа проходит в стенах музейного фонда, который нам и удалось посетить.

Первым этапом в работе хранителя является транспортировка предмета. Далее он помещается в специальное помещение, в котором должна быть постоянная температура и влажность — это все влияет на сохранность предмета. Затем он проходит акклиматизацию в течение суток, а уже потом перемещается в фондохранилище и последующую реставрацию.

Для каждого типа музейного предмета существуют свои правила и условия хранения, которые должны обязательно соблюдаться. Например, графику чаще хранят в драйверах, пастель — на стеллажах. Паспарту для рисунков хранят под микалентной бумагой. Живопись могут хранить в ящиках-сетках с распашными воротами, либо в помещении без прямых солнечных лучей, поддерживая одновременно влажность и температуру. Все помещения являются режимными, доступ в них строго ограничен.

Нам показали помещение реставрационного совета, где начинается путь поврежденного или разрушенного предмета к восстановлению его материальной структуры. При работе с предметами, имеющими историческую ценность, очень высока степень ответственности, один человек не может ее брать на себя, поэтому все решения относительно манипуляций с произведениями принимаются именно здесь.

После принятия советом решения предметы отправляются в реставрационную мастерскую. Во всех подробностях нам представили этапы работы с графикой. В мастерской сначала выявляются повреждения, удаляются поверхностные загрязнения, предмет промывается в сетке, подбираются химические составы, проводятся лабораторные исследования. Несколько недель предмет сушится под прессом, а если нужно, то еще и тонируется.

Все работы описываются в реставрационных паспортах. Это делается для того, чтобы в будущем другие реставраторы знали, какими материалами проводилась реставрация ранее.

Нам также были показаны множество мастерских, где работают с разными предметами: мебели и реставрации дерева, металла, темперной и масляной живописи, столярная мастерская.

Для ведения фотодокументации организована фотостудия. Это позволяет визуально сохранить памятник. Фотографы реставрационных предметов получают техническое задание от реставратора. Фотофиксация проводится до и после реставрации.

П. К. Маркова, Е. А. Газизова

Альбрехт Дюрер в «Эрмитаж-Урал»

Екатеринбургский музей изобразительных искусств представил выставку из собрания Государственного Эрмитажа «Альбрехт Дюрер — гений Северного Возрождения», посвященную одному из главных мастеров гравюры в истории мирового искусства.

Пожалуй, стоит начать с того, что Альбрехт Дюрер (1471–1528) — великий живописец и гравер, но, помимо этого, он также занимался

математикой, физикой, архитектурой. В Германии его время называют «Эпохой Дюрера». В свое время Альбрехт Дюрер поднял гравюру на новый уровень, придал ей особую, невиданную степень художественной свободы. Художник создал 457 произведений в этом жанре, а его художественное наследие охватывает почти 100 картин, около 1000 акварелей и рисунков и более 400 книжных иллюстраций.

На наш взгляд, основной выставки выступало желание показать непревзойденное мастерство художника в этой области. Экспонаты были представлены таким образом, чтобы можно было увидеть многообразие техник и направлений работы художника, масштаб его таланта, богатство творческих идей и виртуозность его техники. Каждая гравюра уникальна, а, следовательно, оставляет желание возвращаться к ней раз за разом, чтобы как следует рассмотреть мелкие детали или же уловить возможность переосмыслить произведение, увидеть его под другим углом.

Творчество Дюрера оказалось необычайно притягательным. Нас особенно впечатлили гравюры из циклов «Апокалипсис» и «Жизнь Марии». «Жизнь Марии» — поэтический рассказ, в котором реальность переплетается с легендой. Дюрер смешал евангельский сюжет с жанровой гравюрой, наделил персонажей чертами современников и нарядил в их одежды, тем самым сблизив Библию и жизнь Германии XVI в. «Апокалипсис» — серия гравюр, которые предназначались для разных слоев общества — от ученых-гуманистов до простых людей, поэтому художник стремился к понятному изобразительному языку и приближенным к жизни образам. Множеству намеков «Апокалипсиса» о конце света Дюрер придал вполне конкретный вид и актуальный смысл. Почти в каждом листе серии была заложена идея борьбы и противопоставления добра и зла, света и тьмы. Экспозицию дополняют точные копии, заимствования и переосмысления дюреровских работ, созданных в разные века.

Самым ярким и запоминающимся для нас экспонатом выставки стала гравюра «Носорог», а, точнее, история создания этой гравюры. Раздел выставки, посвященный «Носорогу», рассказывает о том, как художественный образ порой оказывается сильнее реальной действительности. Альбрехт Дюрер, ни разу не видевший живого носорога, сумел создать такую гравюру, которая вплоть до середины XVIII в. являлась образцом для изображения животного, как в художественной сфере, так и в научной литературе. И это невзирая на неточности в деталях и на то, что в течение последующих двух с половиной веков носорогов на континент привозили как минимум

трижды. Художник создавал образ по устному описанию и по зарисовкам других художников, что было нелегким занятием.

За время посещения разных музеев нам не удалось встретить столь уникальных экспозиций, поэтому опыт, полученный в стенах «Эрмитаж-Урала», очень ценен для нас и для нашей будущей работы. Знания, которые мы получили, несомненно, применимы в будущем. К примеру: в выставочном зале нет естественного света, гравюры к свету особенно чувствительны, поэтому освещаются специальными лампами умеренной мощности, а спустя некоторое время экспонаты выставки меняются, и это предоставляет возможность посмотреть ещё больше работ великого живописца. С тонкостями работы над организацией выставок нас познакомил куратор.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что нам выпала возможность познакомиться с директором «Эрмитаж-Урала» — Коротыным Никитой Николаевичем. Он предоставил нам возможность посетить музей не как обычным зрителям, а как полноценным его работникам. Никита Николаевич раскрыл преимущества данного музея, сложности его работы, а также описал перспективы развития в последующие годы.

А. И. Злобин

«Музей — это возможность поработать с вечным»

Таковыми словами началась экскурсия в Центре истории камнерезного дела имени А. К. Денисова-Уральского. Важно в этом высказывании выделить последнее слово, ведь талант, мастерство, искусство выявить цвет, придать форму, создать что-то уникальное из простого камня, чем отличаются уральские мастера камнерезного дела, действительно можно назвать вечным.

Уралу, который является краем, богатым на различные минеральные залежи — от мрамора до малахита, от кварца до родонита, — Каменному поясу и Самоцветному краю было суждено стать первым центром камнерезного ремесла в России, которое живет со времен небольших камнерезных мастерских и Екатеринбургской гранитной фабрики, начавшей работу 10 декабря 1751 г.

В XX в. камнерезное искусство переживало и спады, и подъем. Что особенно важно, уральская школа не утратила преемственности, несмотря ни на какие сложности. В новое время в художественно-ремесленное училище № 42 пришли работать мастера старого времени, чтобы передать новым поколениям свои знания.

Гранильная фабрика после многочисленных реорганизаций меняла названия и форматы работы, но продолжала действовать, оставив множество шедевров камнерезного искусства, дав Уралу мировую известность, так как уральские камнерезы чаще всего работали по государственным заказам, являющимся дипломатическими дарами, рассеянными по всему земному шару. Таким образом, камнерезное искусство — это уральский вклад в национальный престиж страны.

Познакомиться с данной сферой ДПИ можно в ЕМИИ, посетив постоянную экспозицию, которая дополняется выставкой работ конкурса «Наследники Данилы Мастера». Экспозиция прослеживает всю историю камнерезного искусства, его развитие, изменения. Пройдя всю экспозицию, осознаешь универсальность такого сырья, как камень. Из него можно сделать буквально все — от небольшого сувенира до элемента архитектурного декора.

Целостную картину дополняет Центр истории камнерезного дела имени А. К. Денисова-Уральского. Пространство центра включает две зоны: первая (теоретическая) знакомит с главными составляющими данной сферы — от добычи минералов (с помощью макета шахты) до современных предметов искусства, вызывающих искреннее изумление. Второе (практическое), не менее важное пространство, позволяет попробовать себя в роли резчика по камню — поработать на гранильном станке над маленьким кусочком мягкого камня, придать ему форму. Сразу осознаешь, какой это труд, требующий кропотливости, терпения, знаний, сноровки. С еще большим изумлением и уважением относишься после этого к работам мастеров. Более тонкая обработка камня происходит в пространстве, полностью функционирующем как мастерская. Это место, где будущих потенциальных резчиков камней — детей, обучают данному ремеслу, где происходит получение первичных навыков и, возможно, подготовка к поступлению в профессиональные учебные заведения.

В. М. Мещерякова

Милосердие Транссиба

Предлагаем читателям «Музейного вестника» поэтическое посвящение к 90-летию Дорожной клинической больницы ЮУЖД, ее событиям и людям.

Автор стихов — Вероника Мещерякова, член Союза писателей России, детально изучила материалы музея дорожной медицины, за что особая благодарность Вере Алексеевне Груздевой, храните-

лю-просветителю этого музея и давнему другу «Музейного вестника».

Публикуемый текст войдет составной частью в книгу «Милосердие Транссиба» (автор-составитель А. Л. Казаков, издатель ряда книг по истории ЮУЖД: «Уральский исток Транссиба», «Вагонники», «Вехи Великой Победы — ЮУЖД в годы Великой Отечественной войны»).

*К 90-летию (1934–2024)
Дорожной клинической больницы ЮУЖД*

Милосердие Транссиба

Река переселенцев вдоль России –
Урал, Сибирь, а там — Дальневосток,
Из центра — в глушь. В лаптях или босые, –
Здесь тыщи ног сливаются в поток.
Киркой и ломом в топях, дебрях, скалах
Проложен путь. В артериях стальных –
Людская кровь от дó смерти усталых.
Поднимет кто увечных и больных?
На Красный Крест помолятся ли страны?
Под сень его болящий люд идет.
Святым под стать врачующие раны!
Деянья ваши — страждущих оплот –
Челябинск — град промышленный в итоге.
В район вокзала встроился медпункт:
Переселенец знал, кто доктор Фогель,
Пред ним всяк фельдшер тянется во фронт.
Покой «перронный» с регентом Поповым
Наполнен был молитвенных забот,
С ним Неаполитанов. Но суровым
Им вышел год — больных невпроворот.
Район Торговой улицы застроен:
Здесь шесть бараков — весь стационар.
Но городок медпомощи удвоен,
С вокзальным вместе — здравница для «бар».
Со скальпелем хирург Преображенский,
С фонендоскопом — Шмирер-терапевт.
Теперь «спецом» назвался доктор земский,
А Суренинов — первый совспецмед.

Получен статус Железнодорожной,
Рентген-лучом просвеченный всерьез.
Врач Либерман и Мarmor ждут в приемной,
Как ясновидцы видя всех насквозь.
По Цвиллинга строительство в разгаре,
Когда война метелит у ворот.
И Ольга Шильникова вновь, как на пожаре,
В горячку дел санслужбовских войдет.
И телеграмма Сталина — награда
Всем тем, кто так героически спасли
Здоровье, жизнь для каждого солдата,
Собрав на фронт немалые рубли.
Военно-медицинская наука
Бойцам-красноармейцам, словно мать.
Лукомский, Бунин, Благман в том порука —
Им, академикам, что с хворью совладать!
Глубоков — Сталинградской битвы воин —
Постиг в окопах госпитальный труд.
Возглавил кафедру, отныне удостоен
Стать ректором в Челябинском институте
С Переселенки съедут подчистую
Все операции к Доватора — не плачь!
Возглавила Дорожную Вторую
Овчинникова — молодой главврач.
А Первую — хозяйственный Зубенко
Отремонтировал, устроил сквер.
Блок интенсивных мер — кардиосетка
Для экстренных больных — стране в пример.
Но в юбилейный год, восьмидесятый,
По станции Челябинск ходит весть,
Что Первая с Второю в век двадцатый
Объединились, силу чтоб обрести.
Открыт семиэтажный «оперкорпус».
Главврач Рождественский пять лет подряд,
Порой забыв, что люди ходят в отпуск,
Больницу твердо вел в Наукоград.
В год девяностый дом врачам построен,
Все в хозрасчете новом,
Хоть столь хитер и цифрой преогромен,
В магнито-резонансе с ним Перштейн.
И Вера Груздева с Рубеном Маркаряном
Шестиэтажный хирургический дворец

Открыли без единого изъяна,
Как будто малахитовый ларец.
Идем к крупномасштабной перестройке,
В приставки окончания ставим «дэ»:
Георгий дэ Куватов место-койки
Звал гордо ОАО от РЖД!
Заслуженно от здравоохраненья
Встал Дубачинский, медик-кандидат,
На пост главы не сыпались чтоб звенья:
Преемственность — сестра, а опыт — брат.
Высокопробны ставятся вакцины,
На вирусы надеты сто оков —
Главою РЖД от медицины
Стоит, престольно здравствуя, Царев!
Слетает вновь и вновь пускай «спасибо»
С окрепших уст излеченных людей.
Живое Милосердие Трансиба
Не сходит с рельсов нынешних путей!

2024

Е. Г. Старикова

Споры о дне рождения открытки в России

Несколько лет подряд идут споры о дате выхода в свет первой открытки в России. Интернет пестрит информацией, что 25 марта — день рождения почтовой открытки.

У нас нет документального подтверждения этой даты. Обратилась к председателю Союза филокартистов России г. Москвы с вопросом о дате выхода первой открытки. Они ссылаются на статью М. Забочена из журнала «Филателия СССР», 1972 г. Известный московский коллекционер М. С Забочень проделал большую работу подготавливая по заказу отдела печати и пропаганды правления ВОФ книгу «Филокартия», автор изучил многочисленные архивные документы, относящиеся к истокам введения открытого письма в России.

На основании этого мы определили дату — 1 января 1872 г. Решили сделать выставку к 150-летию русского открытого письма, т. е. открытки.

В Музее почтовой связи Челябинской области 1 января 2022 г. прошла выставка открыток из коллекции известного филокартиста Челябинска Станислава Олеговича Ткаченко. Дата была выбрана на основании статьи М. Забочена «Из истории введения русского

письма в России». Журнал «Филателия СССР», 1972, № 4, стр. 42–43, в которой автор рассказывает, что 1 января 1972 года исполнилось сто лет русскому открытому письму. М. Забочень ознакомился с архивными документами, на основании этого была написана статья.

Публикуем некоторые выдержки из статьи:

«В октябре 1870 года министр внутренних дел, в ведении которого находился почтовый департамент, сообщал царю, что большая часть существующих в России почтовых правил уже не соответствует требованиям времени.

В докладе министру от 30 января 1871 года директор почтового департамента предложил проект о введении открытых писем.

«Подобно тому, как введено в Пруссии и Австрии, возможно установить и у нас особый способ корреспонденции, дающей возможность частным лицам вести переписку открыто, не в запечатанных конвертах...»

«А уже 7 июля был разослан циркуляр № 9854 «О новых постановлениях по почтовой части».

В нем предписывалось ввести их в действие одновременно по всей Российской империи с 1 января следующего года. Для всеобщего сведения «Временные постановления по почтовой части» были опубликованы в «Правительственном вестнике» № 169 от 17 июля 1871 года и изданы отдельной брошюрой.

Вот выдержка из раздела «Открытые письма»: «Статья 16. Этот новый род корреспонденции устанавливается для ведения переписки открыто. Форма открытого письма состоит из бланковой бумаги в 1/16 долю листа. На одной стороне пишется подробно адрес назначения, а другая сторона бланка предоставляется для писания... Бланки открытых писем изготавливаются от почтового ведомства, и пересылка открытых писем на иных бланках не допускается.

Статья 17. За пересылку открытого иногороднего письма взимается 5 коп., а за пересылку открытого городского письма 3 коп.

Если на адресной стороне бланка, кроме адреса хотя и самого подробного, то есть титула, должности, звания, чина, имени, отчества, фамилии, места жительства, места назначения или до востребования, будет написано еще что-нибудь, то такие открытые письма не должны быть отправляемы по назначению».

Первые русские открытки были отпечатаны в экспедиции из приготовления государственных бумаг.

Это бланк из серо-белой почтовой бумаги форматом 122x90 мм. Адресная сторона окаймлена рамкой шириной 4,5 мм. В верхнем левом углу герб России, под ним — два скрещенных почтовых рожка. В верхнем правом — точками обозначен прямоугольник с надписью:

«Место для марки». Между ним и гербом на 12 мм под рамкой написано: «Открытое письмо». Ниже — пять пунктирных линий (место для адреса) и примечания:

«1. Открытое письмо должно быть сполна оплачено соответствующую почтовою маркою.

2. На этой стороне кроме адреса не дозволяется ничего другого писать».

На обороте в разрыве верхней горизонтальной части рамки значилось: «Место для письма», а по нижней горизонтали: «Почтовое управление за содержание письма не отвечает».

С 1 мая 1872 г. поступили в обращение открытки с напечатанной сверху справа овальной маркой. Над ней надпись: «Пять копеек за письмо» (для иногородних открыток) или «Три копейки за письмо» (для городских). Описания с изображением образцов открытых писем, выпущенных в России за период с 1872 по 1917 год, приведены в «Каталоге почтовых марок и цельных вещей» Ф. Г. Чучина.

До конца 1894 г. в России монопольное право изготовления бланков для открытых писем принадлежало только почтовому ведомству. Это подтверждалось циркуляром начальника главного управления почт и телеграфов № 9711 от 14 марта 1886 г.

Пересылка по почте открытых писем на бланках частного изготовления была разрешена распоряжением министра внутренних дел от 19 октября 1894 г., о чем сообщалось в «Правительственном вестнике» № 257 23 ноября.

В 1895 г. в России появляются первые иллюстрированные открытки.

7 сентября 1908 года был издан циркуляр начальника главного управления почт и телеграфов «О дополнении правил пересылки внутри империи открытых писем». Согласно этому дополнению, воспроизведение на бланках открытых писем частного изготовления печатной надписи «Открытое письмо» было необязательным.

С 1 мая 1909 г. введены в действие новые «Постановления по почтовой части». В них «Открытое письмо» было заменено термином «Почтовая карточка», который сохранился и поныне.

С разрешением пересылки иллюстрированных открыток началась их широкая фабрикация, и они в значительной степени потеснили открытки почтового ведомства, которые главным образом стали применяться для деловой переписки.

Краткая переписка частного характера и праздничные поздравления стали вестись на иллюстрированных открытках.

Список литературы

1. Об устройстве почтового дела в Империи. 23 окт. 1870 г. — 22 янв. 1872 г.// Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде. — Ф. 1289, ед. хр. 2992. — Л. 2, 62, 198.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства. — 1870. — № 95. — С. 815.
3. Временные постановления по почтовой части с 1 января 1872 г. — Санкт-Петербург : Изд. почтового департамента, 1871. — С. 6–7.
4. Почтово-телеграфный журнал. Отдел официальный. — 1908. — № 37. — 13 сент. — С. 506–507.

Привела выдержки из статьи М. Забоченя, список литературы, которую он использовал при написании статьи.

Делала запрос в Центральный Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. К сожалению, они разделились, и в связи с переездом не смогли найти нужные документы.

Четкой даты выхода в свет открытого письма нет. Но и 25 марта нигде не подтверждается. Якобы была найдена открытка с датой 25 марта, поэтому эта дата является днем рождения первой русской открытки. А ссылки на документ нет. Филокартисты не подтверждают.

Делала запрос в Центральный музей связи имени А. С. Попова в Санкт-Петербурге. Людмила Николаевна Бакаютова, бывший директор ЦМС и филокартист, не подтвердила даты 25 марта, но и про 1 января может опираться только на статью М. Забоченя.

Какую же дату считать днем рождения почтовой открытки?

Возможно, указ вышел 1 января 1872 г., а выпуск начали в марте 1872 г.? Три месяца готовились? Возможно, сразу после выхода Указа открытка вышла в свет, ведь подготовка началась задолго, еще в 1871 г.

Мы склоняемся к дате — 1 января.

А как вы считаете, это уже ваше право.

Каждый год журналисты и любители истории звонят к нам в музей 25 марта, хотят услышать историю дня рождения русской открытки, и я их разубеждаю, что это не та дата, которой можно верить. В интернете не всегда достоверная информация. У нас в Музее почтовой связи Челябинской области в библиотеке есть оригинальный журнал «Филателия СССР», 1972, № 4 со статьей М. Забоченя «Из истории введения открытого письма в России», где указана дата — 1 января 1872 г.

Это более достоверный источник, подтверждающий документально дату рождения русской открытки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Николай Александрович — заведующий музеем истории медицины г. Челябинска, доктор медицинских наук, член ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Андреева Ирина Валерьевна — доцент кафедры истории, музееологии и документоведения ЧГИК, кандидат педагогических наук.

Бывалова Ирина Александровна — библиограф Челябинской областной универсальной научной библиотеки.

Вахрушева Нина Афанасьевна — директор музейно-выставочного комплекса Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, доцент, кандидат педагогических наук, член ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Газизова Евгения Александровна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музееология и охрана природного и культурного наследия».

Дементьева Елена Ивановна — редактор газеты «Голос музейщика», член ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Дида Надежда Артемьевна — директор музея ЧТЗ, заслуженный работник культуры РФ, член ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Злобин Александр Иванович — студент второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музееология и охрана природного и культурного наследия».

Компанеец Мария Владимировна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музееология и охрана природного и культурного наследия».

Липин Павел Иосифович — полковник, участник Великой Отечественной войны.

Лушникова Алла Вячеславовна — доцент кафедры истории, музеологии и документоведения ЧГИК, кандидат педагогических наук, президент ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Маркова Полина Константиновна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музеология и охрана природного и культурного наследия».

Мещерякова Вероника Михайловна — челябинская поэтесса, методист Челябинского фонда культуры, член Союза писателей России.

Новиков Игорь Александрович — доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат исторических наук.

Новикова Александра Николаевна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музеология и охрана природного и культурного наследия».

Овчинникова Наталья Владимировна — доцент, кандидат исторических наук, вице-президент ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Пашкина Анастасия Андреевна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музеология и охрана природного и культурного наследия».

Пушкарёва Татьяна Прокопьевна — ведущий специалист, хранитель выставочного комплекса «Музей ЧТЗ».

Растопчин Михаил Валерьевич — майор внутренней службы, заместитель начальника пресс-службы ГУ МЧС России по Челябинской области, член ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Старикова Елена Геннадьевна — заведующая музеем почтовой связи Челябинской области, вице-президент ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска.

Сулемова Маргарита Алексеевна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музеология и охрана природного и культурного наследия».

Устьянцева Мария Александровна — студентка отделения заочного обучения ЧГИК.

Филатова Галина Михайловна — руководитель музея гимназии № 1 г. Челябинска.

Яковлева Маргарита Артемовна — студентка второго курса ЧГИК по направлению бакалавриата «Музеология и охрана природного и культурного наследия».

Научно-популярное издание

МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК
Выпуск 36

Составитель

Наталья Владимировна Овчинникова

Литературный редактор Л. С. Перчик
Компьютерный набор Т. А. Жолобовой, Ю. А. Заудиной
Верстка Е. С. Меньшениной
Дизайн обложки А. Н. Кузнецова

Подписано в печать 02.06.2025
Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 8,37 усл. п. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры.
Ризограф.
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Лейтенант Черепанов А. П.

Полковник Черепанов А. П.

*Мемориальная доска
Черепанову А. П.*

*Ветераны завода Колущенко
у памятника «катюше». 2006 г.*

*Возложение гирлянды
к памятнику «Алеша»
19.09.2024 г.*

*День Памяти погибших выпускников
19.09.2024 г.*

Капитан Байкин Н. И.

Старший лейтенант Киреев В. А.

Лейтенант Бактыбаев Г. А.

Старший сержант Болтенков С. М.

Лейтенант Бурковский И. Ф.

Старший лейтенант Ветелин А. М.

Лейтенант Тырышкин А. Н.

*Подполковник
Иванов Л. Н.*

Полковник Гавриленко М. С.

Майор Гринеvич П. С.

Полковник Гужавин А. И.

*Младший сержант
Анисимов И. А.*

Старшина Скворцов Г. А.

*Красноармеец
Рассадников В. П.*

Партизан Моисеенко П. Г.

Капитан Меламед С. И.

*Поэт, член союза писателей СССР
Плебейский О. А.*

Краснофлотец Брандесов Р. Ф.

Санинструктор Ичёва Ю. А.

Полковник Липин П. И.

Социалистический городок тракторостроителей (Соцгород ЧТЗ)

Киноклуб ЧТЗ

Цеховая столовая ЧТЗ

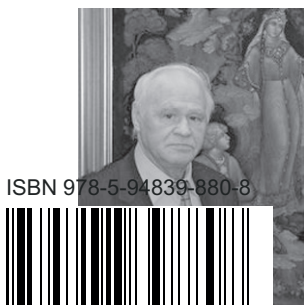

*Дачный поселок Кировского завода
в районе Шершней на р. Миасс*

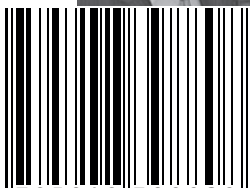

*Ветераны Уральского
добровольческого
танкового корпуса в музее ЧТЗДТК.
Май 1990 г.*

11 ЛЕТ МУЗЕЙНОЙ АССОЦИАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ Г. ЧЕЛЯБИНСКА

ISBN 978-5-94839-880-8

9 785948 398808

Врач Шмайн Ш. И.

ISBN 978-5-94839-880-8

